

В. М. ПАСЕЦКИЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ДЕКАБРИСТОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Серия «История науки и техники»

В. М. ПАСЕЦКИЙ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ДЕКАБРИСТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1977

В книге на богатом документальном материале рассказывается о географических исследованиях декабристов, их вкладе в изучение огромных пространств России — Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, а также участии в кругосветных плаваниях.

Автор анализирует ряд работ декабристов, явившихся результатом многолетних наблюдений в различных областях науки: гидрографии, этнографии, климатологии, метеорологии и др.

Ответственный редактор

академик А. П. ОКЛАДНИКОВ

Движение декабристов оставило в истории России неизгладимый след и оказало влияние на многие стороны русской жизни. Первенцы свободы свое высшее назначение видели в служении Родине и народу. Их литературные, политические и научные труды составляют национальное богатство русской культуры.

Особое место в научной деятельности декабристов занимают их географические труды и метеорологические измерения, которые до настоящего времени не являлись предметом тщательного исследования специалиста. Этот пробел в истории науки восполняет книга Василия Михайловича Пасецкого, известного советскому и зарубежному читателю своими изысканиями по истории полярных, морских и геофизических исследований.

В. М. Пасецкий обладает мастерством живописать историю, столь ярко проявившимся в недавно вышедших книгах «Иван Федорович Крузенштерн» (М., «Наука», 1974), «Арктические путешествия россиян» (М., «Мысль», 1974), «Фердинанд Петрович Врангель» (М., «Наука», 1975). Это достоинство свойственно и его новому исследованию, в основу которого положен обширный комплекс архивных документов.

Автор показывает, что нет такого материка или океана, на котором не побывали бы декабристы. Константин Петрович Торсон участвовал в открытии Антарктиды и островов в Южном Ледовитом и Тихом океанах. Михаил Карлович Кюхельбекер, Дмитрий Иринархович Завалишин, Федор Гаврилович Вишневский обогнули земной шар, изучали страны и народы Северной и Южной Америки, наблюдали атмосферные и магнитные явления на просторах Мирового океана. Николай Александрович Бестужев, Кондратий Федорович Рылеев, Владимир Павлович Романов и другие декабристы внимательно изучали

проблему Северо-Западного морского пути из Тихого океана в Атлантику. Николай Чижев, Михаил Кюхельбекер исследовали Новую Землю, а Владимир Романов выполнил опись Черноморского побережья Кавказа. Николай Бестужев картировал берега Англии, Франции, Гибралтарского пролива, острова Балтийского моря.

Павел Иванович Пестель и Никита Михайлович Муравьев обогатили отечественную географию новыми принципами районирования России, нашедшими воплощение в важнейших политических документах декабризма.

В. М. Пасецкий обладает интуицией поиска и умением выбирать из обширнейших материалов самое значительное, самое важное. Это особенно ощущается в главах книги, посвященных географической деятельности декабристов в Сибири. Находка трудов декабриста-сибиряка Гаврилы Степановича Батенькова, его проекта тщательного изучения азиатской части России и устройства шести геофизических обсерваторий на пространстве от Урала до Тихого океана свидетельствует о том, что вопросы исследования Сибири привлекали настойчивое внимание деятелей движения декабристов еще до восстания на Сенатской площади.

Во всем щедром богатстве в книге раскрыта деятельность первенцев русской свободы по изучению климата страны изгнания. Этот подвиг во имя науки был начат в первые месяцы заточения в Читинском остроге, а затем продолжен декабристами в Петровском заводе, в Красноярске, Назимове, Якутске, Баргузине, Ялуторовске, Акше, Селенгинске, Минусинске и Бухтарминске. Автор не только проанализировал их метеорологические изыскания, но и показал, как наблюдения П. И. Борисова, М. Ф. Миткова, А. И. Якубовича многократно использовались отечественными естествоиспытателями для создания новых научных представлений о природе Сибири.

Не менее существенно и установление следующего важного факта: декабристская научная мысль поднялась до философского обобщения важнейших проблем современного им естествознания.

В книге анализируются географические и геофизические труды Николая Александровича Бестужева. Многие положения его исследования об атмосферном электричестве и монография «Гусиное озеро» сохраняют сегодня не только историческую, но и научную ценность. Подме-

ченные Бестужевым черты климата Забайкалья подтверждены советскими учеными.

Географические исследования декабристов рассматриваются в книге как составная часть русского естествознания. Воссоздание фона развития мировой науки позволяет автору с особой убедительностью показать значение их вклада в науки о Земле.

Проникнутое глубоким эмоциональным волнением перед подвигом первенцев русской свободы, исследование В. М. Пасецкого создает новое направление в советском декабристоведении и обогащает историю отечественной науки драгоценными страницами.

Академик А. П. Окладников

ВВЕДЕНИЕ

В движении декабристов участвовала самая передовая, самая прогрессивная часть молодежи России, ее надежда и гордость.

Первое поколение русских революционеров блистало талантами, которые расцвели после Отечественной войны 1812 г. Среди них были политические деятели, писатели, поэты, естествоиспытатели, мореплаватели, полярные исследователи. Они ревностно следили за успехами общественных, естественных наук и в особенности географии. Своей священной обязанностью декабристы считали изучение России.

Круг интересов декабристов в области географии включает вопросы районирования Российского государства, истории географических открытий, изучения полярных стран, Сибири, русских морей и Мирового океана.

Декабристам принадлежит более ста географических работ различного объема и жанра, от монографий до небольших набросков, от многолетних фундаментальных рядов наблюдений до кратких заметок о климате Сибири и различных областей земного шара. Однако до настоящего времени географические труды декабристов не являлись предметом специального исследования.

Обширный комплекс как опубликованных, так и хранящихся в государственных архивах документальных материалов, относящихся к географическим и климатологическим изысканиям декабристов, остается до сих пор не обобщенным.

Настоящее исследование представляет собой попытку восполнить этот важный пробел не только в истории отечественного естествознания, но и русского общественного движения.

Анализ трудов, воспоминаний, проектов, записок, следственных дел декабристов свидетельствует о том, что

ни одно важное событие в истории русской и мировой географии не ускользало от их внимания.

Отдельным путешествиям посвятили свои работы такие выдающиеся представители движения, как Николай Бестужев, Гаврила Батеньков, Александр Корнилович, Владимир Штейнгель, Дмитрий Завалишин. Их оценки современных и прежних географических исследований не утратили своего значения до наших дней.

Необходимо подчеркнуть, что географическая деятельность декабристов развивалась в эпоху, когда огромные пространства России и планеты представляли собой белые пятна, когда еще академиком Адольфом Яковлевичем Купфером не была создана сеть геофизических обсерваторий и каждый многолетний ряд наблюдений в Сибири порой имел цену открытия. Соблюдение принципов историзма открывает возможность не только показать то новое, что дали декабристы географии по сравнению со своими предшественниками, но и раскрыть прогрессивное значение взглядов декабристов на роль и место географии в жизни общества и в системе наук о Земле.

Начало географических изысканий декабристов приходится на эпоху, когда Россия вышла на просторы Мирового океана и распространила свои исследования на все материки земного шара. Только в 1815—1826 гг. было предпринято 15 кругосветных плаваний, 10 экспедиций в Арктику и более 20 путешествий в различные районы России и земного шара. Журналы того времени ввели специальные разделы по географии и путешествиям. Особенно много статей публиковалось в «Северном архиве», «Сыне Отечества», «Московском телеграфе», «Вестнике Европы». «Записки, издаваемые государственным Адмиралтейским департаментом» и «Сибирский вестник» почти все свои страницы посвящали географии и мореплаванию. Резко возрос выпуск книг географического содержания («Краткая всеобщая география» академика К. И. Арсеньева выдержала 20 изданий).

На десятилетие, когда зарождалось и мужало движение декабристов, приходится один из самых выдающихся, самых блестящих периодов отечественных географических исследований и открытий. То был своего рода «географический взрыв», влияние которого ощущалось многие десятилетия. Член Северного общества Владимир Романов писал в 1822 г.: «Деятельное столетие, распространяя

науки и полезные познания в Европе, отличается особенным направлением, данным географическим изысканиям»¹.

Действительно, географические исследования России в первой четверти XIX в. были подняты на уровень высшей государственной политики. Пожалуй, еще никогда русским правительством не отпускались столь щедро деньги на исследование полярных стран и Мирового океана, как в годы, последовавшие за победоносным завершением Отечественной войны 1812 г. и разгромом наполеоновской империи.

Одной из главнейших географических проблем этого времени являлись поиски Северного прохода. Вопрос о том, соединены ли Азия и Америка перешейком или их разделяет море, по словам одного из декабристов, волновал умы географов и мореплавателей всего света. Поэтому необходимо показать то настойчивое внимание, которое проявляли декабристы к решению проблемы Северо-Западного морского пути из Тихого океана в Атлантику. Тем более что кроме Владимира Романова, создавшего два интереснейших проекта, этим вопросом занимались Николай и Михаил Бестужевы, Константин Торсон, Кондратий Рылеев, Александр Корнилович, Гаврила Батеньков.

Не менее важной географической проблемой для первой четверти XIX в. представлялись поиски Южного материка. Для ее решения русским правительством была снаряжена экспедиция к Южному полюсу под командованием Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева. В плавании принимал участие будущий член Северного общества Константин Торсон. Показ его ученой деятельности сопряжен с серьезными трудностями, обусловленными прежде всего тем, что почти все рукописи этого декабриста, в том числе его «Записки о плавании к Южному полюсу», оказались утраченными.

К счастью, обнаруженные в архивах материалы приоткрывают возможность, хотя бы в общих чертах, осветить выдающуюся роль Константина Торсона в этом знаменитом географическом предприятии.

Декабристы глубоко понимали значение географических исследований в укреплении политического влияния и экономического могущества своего Отечества. Именно этим объясняется их внимание к таким проблемам, как исследование севера Американского континента, где стал-

квивались интересы России и Англии, России и США, где развертывалось англо-русское соперничество в полярных исследованиях. Раскрытие участия декабристов в изучении Русской Америки и северной части Тихого океана представляется благодарной задачей. Тем более что к ней было привлечено внимание целой плеяды деятелей движения декабристов (Владимир Романов, Кондратий Рылеев, Дмитрий Завалишин, Михаил Кюхельбекер, Владимир Штейнгель, Николай Бестужев, Гаврила Батеньков и др.).

Одни участвовали в кругосветных плаваниях, другие готовились к дальним странствиям, третьи собирались в русские поселения на северо-западных берегах Америки.

Говоря об участии декабристов в кругосветных путешествиях, следует помнить, что русскими моряками было положено прочное основание глобальному изучению геофизических явлений на всех океанах земного шара, чем отечественная наука вправе гордиться.

Представление о вкладе декабристов в отечественную географию будет неполным без освещения участия Михаила Кюхельбекера и Николая Чижова в плаваниях к Новой Земле. Это тем более важно, что картирование берегов этого острова являлось составной частью грандиозной программы исследования северных и восточных морей, разработанной известным русским гидрографом Гаврилой Андреевичем Сарычевым. Не менее существенно, что в реализации программы принимали участие декабристы Владимир Романов, Алексей Иванчин-Писарев и целое созвездие полярных исследователей, находившихся в тесном (нередко дружеском) общении с деятелями тайных обществ: Михаил Рейнке, Федор Матюшкин, Фердинанд Врангель, Федор Литке. Одни из этих исследователей России разделяли политические взгляды декабристов, другие сочувствовали их идеалам, и все вместе видели свое высшее назначение в служении науке и славе Отечества.

Изучение Сибири относилось к числу важнейших задач отечественной географии в первой половине XIX в. Участие декабристов в исследовании Сибири в годы каторги и ссылки неоднократно привлекало внимание специалистов, собравших большое число интересных и ценных фактов. К сожалению, ученая деятельность декабристов в Сибири рассматривалась лишь в рамках крае-

ведения, в отрыве от тех работ, которые были созданы декабристами до того, как декабрьский вал умчал их на каторгу и в ссылку.

Первое место среди них занимает хранящийся в рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина «Проект приведения в известность земель Сибири». Анализ этого выдающегося географического труда Гаврилы Батенькова и других его работ о Сибири составляет одну из задач исследования.

Следует отметить, что научная деятельность декабристов в Сибири не замыкалась границами страны изгнания. Она охватывала многие стороны наук о Земле, включая разработку теоретических и исторических вопросов естествознания, о чем свидетельствуют труды Николая Бестужева «Система Мира», Константина Торсона «Опыт натуральной философии о мироздании», Н. М. Муравьева «О сообщениях в России», И. Д. Якушкина «Что такое жизнь», П. И. Борисова «О происхождении планет» и, наконец, работы Гаврилы Батенькова о «Космосе» А. Гумбольдта. Именно этот декабрист отметил возрастающую роль географии в научном и техническом прогрессе, необходимость учета достижений «большой географии» при строительстве транссибирского железнодорожного пути.

«Жизнь и наука делают огромные шаги,— писал Г. С. Батеньков 7 мая 1856 г.,— географические условия начинают составлять статистическую ценность. Города, реки, горы могут быть взвешены, входить в формулы или занимать точки в каком-нибудь дельном очертании»². Это замечание свидетельствует о том, какое важное значение придавали декабристы развитию географии и изучению географических условий своего Отечества.

Батеньков одним из первых обратил внимание на слабую изученность климатических условий Сибири, в исследование которых затем внесли выдающийся вклад Михаил Митьков, Петр Борисов, Александр Якубович, Александр и Николай Бестужевы, Константин Торсон и др. Представляется важным не только показать непреходящее значение метеорологических измерений декабристов, но и проследить, как они использовались в трудах отечественных географов, в том числе в исследованиях А. И. Воейкова, академика Г. И. Вильда и академика М. А. Рыкачева.

Говоря о географической деятельности декабристов в Сибири, которая в своих многообразных ответвлениях будет еще долго являться предметом особых изысканий, необходимо кратко остановиться на просветительской миссии декабристов, на создании ими школ и учебных пособий по географии.

Географические проблемы и вопросы, которыми занимались декабристы, менялись во времени, как менялись во времени и возможности их осуществления. 14 декабря 1825 г. делит географические исследования декабристов на два этапа. Первый охватывает всего около десяти лет, из которых самыми насыщенными, самыми плодотворными являются 1819—1825 годы. Второй этап охватывает более трех десятилетий — каторгу и ссылку, когда декабристы не имели для исследований и осуществления своих географических проектов и тысячной доли тех возможностей, какими располагали до восстания на Сенатской площади. Закованные в кандалы, связанные по рукам, они возобновили свою деятельность по изучению Отечества, приступив в условиях каторги к метеорологическим, ботаническим и фаунистическим наблюдениям.

Различие двух этапов учитывалось при создании этой книги. Однако построение исследования по географическим проблемам нередко вынуждало автора выходить за рамки того или иного этапа.

Особо в этой работе рассматривается ученая деятельность выдающегося представителя наиболее радикального крыла Северного общества Николая Бестужева. Его интересы столь многогранны, что их невозможно вместить в рамки какой-либо одной проблемы. Они охватывают географию зарубежных стран, историю географии и историческую географию, гидрографию и этнографию, метеорологию и земной магнетизм, вопросы исследования полярных стран и полярных сияний. Обширное документальное наследство семьи Бестужевых, в основном сосредоточенное в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), открывает богатые возможности для создания монографического исследования, посвященного деятельности Николая Бестужева как выдающегося естествоиспытателя. В настоящей книге поставлена лишь задача провести своего рода разведочный поиск и остановиться на главных направлениях его географических и климатологических изысканий. Это тем более представляется по-

лезным, что его естественнонаучные труды представляют интерес не только для истории науки, но и могут быть использованы в современных исследованиях, в частности при изучении изменений климата Сибири за минувшие полтора века.

Таковы задачи этого небольшого исследования. При его создании автор опирался на достижения отечественной истории, географии и климатологии, на обширнейший круг опубликованных источников, на труды и воспоминания декабристов, на документальные материалы Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР), Центрального государственного архива Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), Центрального государственного исторического архива (ЦГИА), Центрального государственного исторического архива Эстонии (ЦГИАЭ), Ленинградского отделения Архива Академии наук СССР (ЛЮ ААН), рукописных отделов Института русской литературы АН СССР (ИРЛИ), Государственной библиотеки им. В. И. Ленина и Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ГЕОГРАФИЯ В ПРОГРАММАХ ДЕКАБРИСТОВ

Первое русское революционное движение против самодержавия зародилось вскоре после победоносного окончания Отечественной войны 1812 г. Изгнание французской армии из России, триумфальное шествие русских войск по бранным полям Европы, взятие Парижа, знакомство со странами, не знавшими крепостного права, по словам Александра Бестужева, пробудили «во всех сердцах чувство независимости сперва политической, а затем народной». Россия вступала в эру полулегального и тайного свободомыслия, заставившего, по выражению П. И. Пестеля, клокотать лучшие умы Отечества.

Первая декабристская организация — Союз спасения, или Общество истинных и верных сынов Отечества, — возникла в 1816 г. в Петербурге и состояла примерно из 30 членов. Ее основателями являлись Александр Муравьев, Иван Якушкин, Сергей Трубецкой, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы. В 1818 г. было создано более широкое тайное политическое общество — Союз благоденствия, насчитывавший более 200 членов. Как и Союз спасения, новая декабристская организация ставила своей целью уничтожение крепостничества и самодержавия¹. Программа Союза благоденствия была изложена в «Зеленой книге», с которой были знакомы некоторые из выдающихся географов России (Ф. П. Врангель, Ф. Ф. Матюшкин, Ф. П. Литке и, вероятно, другие полярные исследователи и мореплаватели).

В 1821 г. Союз благоденствия был распущен и взамен его сформированы Северное общество во главе с Никитой Муравьевым и Южное — во главе с Павлом Пестелем, изложившим принципы конституционного устройства России в «Русской правде». Одновременно Никитой Муравьевым был разработан проект конституции, объявлявший свободу слова, печати, собраний, передвижения, ве-

роисповедания и т. д. «Русская правда» провозглашала Россию республикой. По проекту Никиты Муравьева, вводились конституционная монархия и федеральное устройство. Тем и другим документами отменялось крепостное состояние в России.

Вскоре к Южному обществу присоединилось Общество соединенных славян, основанное братьями Петром и Андреем Борисовыми (еще ранее ими было создано тайное Общество друзей природы).

Крепостное право декабристы считали «безобразным чудовищем». По их мнению, оно лежало «тяжелым гнетом на нравственных понятиях всех сословий и искажало лучшие принадлежности человеческой природы, не допуская их свободного развития»². Это неминуемо вело Россию к гибели, отсталости, застою в хозяйственной и культурной жизни государства, к преследованию науки и просвещения. Поэтому не случайно в выдвинутых декабристами социальных и политических программах революционных преобразований жизни Русского государства видное место занимали проблемы науки и просвещения. Вопрос ставился не только о создании благоприятных социальных условий для развития ученых изысканий, но и прежде всего об участии сторонников движения в изучении Отечества. Согласно уставу Союза спасения главной обязанностью его членов являлось служение всеми силами на благо России, как «то и надлежит истинным и верным сынам Отечества»³.

Эта мысль служения всеобщему благу более ярко была выражена в программе Союза благоденствия. По словам С. П. Трубецкого, члены этой тайной организации четко представляли, что их движение окажет влияние на развитие общественных идей и прогресс политической и экономической жизни Отечества только в том случае, если они приобретут верные и подробные сведения о состоянии России и обогатят себя познанием «наук, имеющих целью усовершенствования гражданского быта государств»⁴.

Надо иметь в виду, что под служением благу России прежде всего мыслилась активная деятельность членов тайного общества по овладению науками, исследованию природы России, изучению сопредельных стран, участие в разработке важнейших ученых проблем. Эта особенность уже весьма ярко выступает в первом сохранившемся

программном документе декабризма — в уставе Союза благоденствия. «Союз всеми силами попирает невежество, — говорилось в нем, — и, обращая умы к полезным занятиям, особенно к познанию Отечества, старается водворить истинное просвещение. Для сего он занимается сочинениями и переводом книг как хороших учебных, так и тех, кои служат к изяществу полезных наук. Старается распространять изучение грамоты в простом народе. Употребляет посмеяние для отвращения от книг, не токмо противных цели Союза, но и пикакого влияния не имеющих. В словесности допускается только истинно изящное и отвергается все худое и посредственное»⁵.

Отдел распространения познаний должен был заботиться о развитии словесности, философии, естественных наук, при этом подчеркивалась необходимость приложения их на благо Отечеству.

«Правилами Соединенных славян», составленными П. И. Борисовым, от членов тайного общества требовалось «почитать науки, художества и ремесла, возвышая любовь к ним до энтузиазма»⁶. В просвещении П. И. Борисов видел надежное лекарство от всех моральных зол. Невежество, по его словам, «было всегда источником лютейших бедствий человеческого рода»⁷.

Вопрос об овладении науками первыми тайными обществами ставился отнюдь не как задача самообразования и самосовершенствования, а как важнейшая цель в политической борьбе против самодержавия. Декабристы отдавали отчет в том, что их взгляды и позиции царизма в отношении науки и просвещения прямо противоположны. По словам П. Г. Каховского, «народы, почувствовав сладость просвещения и свободы, стремятся к ним; правительства же, огражденные миллионами штыков, стремятся оттолкнуть народы в тьму невежества»⁸.

По словам декабриста Николая Тургенева, государственный аппарат самодержавной России, «не зная наук, но зная средства, ведущие к выгодам»⁹, восставал в лице губернаторов, сановников и высших чиновников против распространения просвещения. Это отношение к самодержавию как гонителю науки и знания еще более ярко высказано активным деятелем Северного общества Николаем Бестужевым, для которого самодержавие было символом невежества. В каждом шаге просвещения в условиях монархии декабрист видел шаг к свободе. Развитие наук

и просвещения Бестужев считал главной задачей народного правления.

Та же мысль и столь же ярко была высказана Михаилом Павловичем Бестужевым-Рюминым в показаниях следственной комиссии. По его словам, важнейшее место в программе будущего революционного правительства отводилось вопросам просвещения и науки, в том числе предусматривалось «составление Собрания ученых», которые не только вели изыскания в различных областях наук, но извлекали бы из своих трудов «все полезное для общества», тем самым содействуя процветанию России. При этом деятельность Собрания ученых мыслилась в тесном взаимодействии с мировой научной мыслью, о достижениях которой министр внешних сношений должен был извещать министра просвещения¹⁰.

Аналогичные положения о роли и месте наук в деятельности революционного правительства содержатся в «Русской правде» П. И. Пестеля, перу которого принадлежит несколько набросков о классификации наук¹¹. В этом важнейшем программном документе декабризма подчеркивалась насущная необходимость развития наук, художеств, ремесел. Предполагалось издание законов о «новых открытиях в науках, художествах, ремеслах и всякой промышленности». Революционному правительству надлежало не только заботиться о создании благоприятных социальных и материальных условий для развития науки, но и внимательно следить за успехами естествознания и техники во всем мире. Поэтому генеральным консулам, представляющим интересы России в других странах, предполагалось вменить в обязанность извещать правительство «о новых открытиях в науках, художествах и всех частях промышленности, а равно как и об усовершенствованиях, в оных делаемых»¹².

Вопросами науки, кроме Приказа просвещения, должен был заниматься и Приказ морских сил, в составе которого предполагалось образование Палаты ученых предметов.

Анализ программных документов, высказываний и показаний декабристов во время следствия свидетельствует о том, что наука, просвещение, «служение всеобщему благу» рассматривались деятелями первого русского революционного движения как одно из важнейших средств в борьбе против крепостничества и самодержавия.

Какая же роль была отведена географии в программах движения декабристов? Вполне естественно, что, прежде чем приступить к коренным, революционным преобразованиям Российского государства, надо было иметь представление о его внутренних и внешних границах, о природе и ее особенностях, о качестве земель, о народах, населяющих различные части страны, о состоянии промышленности, земледелия и промыслов. Поэтому не случайно уже в «Зеленой книге» познание Отечества вменено в одну из главных обязанностей членов Союза благоденствия. Эта особенность проходит через всю деятельность тайных обществ и находит логическое завершение в «Русской правде» Павла Пестеля и проекте конституции Никиты Муравьева. При создании этих программных документов их авторы опирались как на достижения общественно-политической мысли, так и на успехи географической науки. Более того, первая глава «Русской правды», рассуждающая «о границах государства, о разделении земельного пространства оногo» и показывающая, «где обретается Российское государство», в основе своей является географическим исследованием. По крайней мере 14 из 18 параграфов (5—18) посвящены вопросам административно-территориального деления новой России, или, иными словами, географическому районированию Русского государства.

Разумеется, географические компоненты имеются и в начальных разделах первой главы «О земельном пространстве государства». В них «рассуждается о границах» революционно преобразованного Отечества, необходимости присоединения к нему Молдавии, Черноморского побережья Кавказа, закрепления за Россией степей «Киргиз-Кайсакских орд», Амурского края и других земель, не входивших в то время в состав России. Постановка вопроса о необходимости расширения границ Русского государства «до естественных пределов» во имя его безопасности и «благоудобства» в значительной степени определяла этот ярко выраженный интерес, который проявляли декабристы к исследованию сопредельных с Россией земельных пространств и, в частности, Средней Азии, Амурского края, Русской Америки.

Пестель считал, что необходимо стремиться «к установлению границ крепких местным положением». К числу «сильных естественных оплотов» он относил воды мо-

рей и океанов, горные цепи, непроходимые пески, большие реки. Особенно тщательно рассмотрен в «Русской правде» вопрос о внутренних границах России. Пестель отвергал «всякое федеративное... устройство», считая, что государство в его будущих границах должно быть «единым и неразделимым». Земельное пространство Российского государства Пестель разделил на 53 губернии, из которых 50 именовались округами и 3 уделами. Из 50 округов образовывалось 10 областей.

Область	Областной город	Округ или губерния
Чудская	Петербург под названием Петроград	Петроградский, Олонецкий, Абовский, Вазский, Улеаборгский
Холмская	Новгород	Новгородский, Тверской, Псковский, Дерптский, Митавский
Северская	Ярославль	Архангельский, Вологодский, Ярославский, Костромской, Пермский
Сибирская	Иркутск	Тобольский, Томский, Иркутский, Якутский, Камчатский
Уральская	Казань	Казанский, Симбирский, Пензенский, Саратовский, Уфимский
Славянская	Москва	Московский, Клязминский, Рязанский, Тульский, Тамбовский
Вершинная	Смоленск	Калужский, Смоленский, Витебский, Черниговский, Орловский
Черноморская	Киев	Киевский, Могилевский, Яский, Херсонский, Одесский
Украинская	Харьков	Полтавский, Курский, Харьковский, Воронежский, Екатеринославский
Кавказская	Георгиевск	Астраханский, Георгиевский, Кавказский, Тифлисский, Дербентский

Кроме того, мыслилось создание Столичного, Донского и Аральского уделов, которые не входили в состав областей. Столицей Российского государства, согласно «Русской правде», назначался Нижний Новгород под назва-

нием Владимир («нынешний город Владимир может быть назван Клязминным»). Выбор Нижнего Новгорода в качестве столицы Пестель объяснял тем, что он находится в глубине России, что, «стоя на Волге и Оке, он всех прочих удобнее для внутренней торговли», что он соединяет сухопутную торговлю между Европой и Азией, что именно из этого города ополчения Минина и Пожарского положили начало освобождению России от «иноземного ига» и что, наконец, «все воспоминания о древности Нижегородской дышут свободою и прямою Любовью к Отечеству, а не к тиранам Его»¹³.

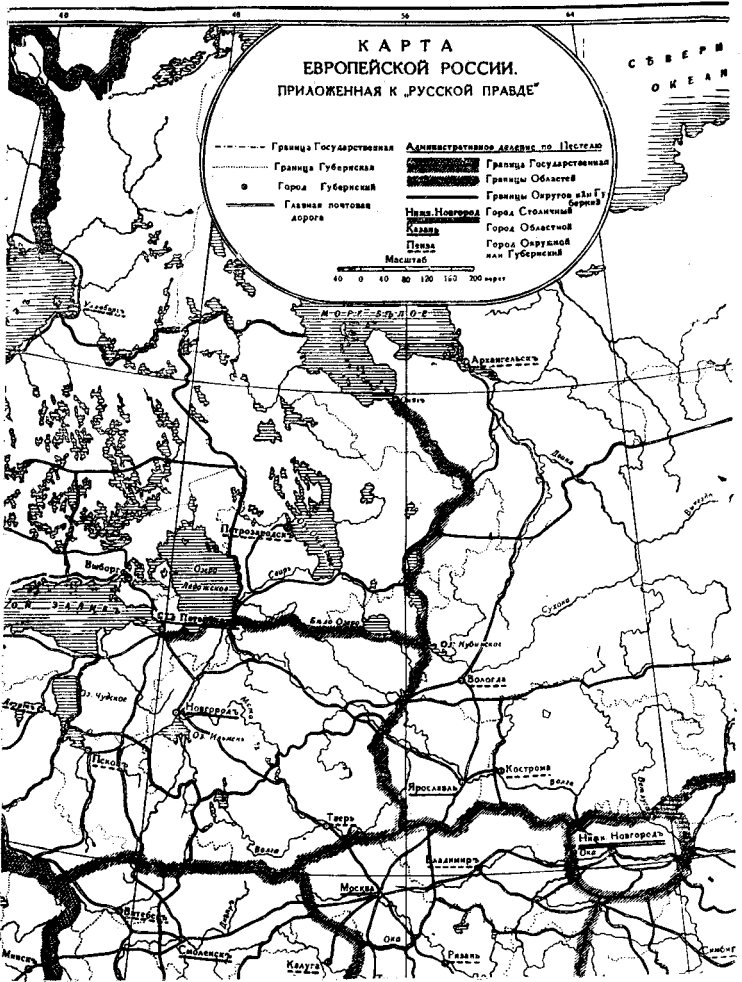
В разработке основ нового районирования Российского государства Пестель опирался на последние достижения географической науки в России и, в частности, на «Статистическое исследование относительно Российской империи» К. Ф. Германа, «Краткую всеобщую географию» и «Начертание статистики Российского государства» К. И. Арсеньева.

В отличие от Германа, делившего для познавательных целей Россию на 8 групп губерний, и от Арсеньева, разбиравшего Русское государство на 10 пространств, Пестель намечал основы административно-территориального устройства революционно преобразованной России¹⁴.

«Внутренние границы» устанавливались «Русской правдой» для лучшего внутреннего устройства. При этом в первую очередь учитывались природные особенности, облегчение сообщений между областями и округами, создание благоприятных условий для преодоления «естественных препон»¹⁵.

Согласно «Русской правде», Финляндия, Сибирь и Кавказ получали новое административно-территориальное устройство. «Некоторые изменения» предполагалось внести в границы западных губерний, в том числе Виленской, Минской, Волынской. Вятская, Могилевская и Таврическая губернии упразднялись и передавались в состав других округов. Эстляндия и Лифляндия объединялись в один — Дерптский — округ. Из частей Херсонской, Киевской и Подольской губерний создавался Одесский округ.

Таким образом, «Русская правда» вносила крупные, нередко радикальные изменения в существовавшее внутреннее административное деление России. Вопросы «разделения пространства государства на части» рассмотрены весьма подробно, начиная с учреждения волостей. По

Деталь карты Европейской России, приложенной к «Русской правде»

мнению Пестеля, «каждая волость должна иметь по крайней мере тысячу обывателей мужского полу», но вместе с тем быть и не слишком многолюдной. Создание обширных и многолюдных волостей декабрист считал нежелательным. Это должно было затруднить управление волостью и участие «всех граждан в земских собраниях»,

а большое расстояние жилищ от полей увеличило бы тягость «земляных работ»¹⁶.

Для лучшего «усмотрения состава уделов и областей» к «Русской правде» прилагалось два чертежа. На одном из них приводилось существующее разделение России на губернии. Другой чертеж давал представление о новом административно-территориальном устройстве России. На основе этого документа была «воссоздана» карта Европейской России, приложенная к «Русской правде», и опубликована в составе седьмого тома материалов серии «Восстание декабристов»¹⁷.

Анализ этой карты и текста первой главы, которая в числе первых трех была полностью закончена, показывает, что основным принципом нового районирования новой России был учет природных особенностей областей и округов, их хозяйственного развития. Это являлось важным вкладом в развитие отечественной географической мысли. Но не менее существенную роль имели и политические соображения. Особенно это относится к внешним границам. При этом следует помнить, что Пестель был последовательным сторонником сильного централизованного Российского государства, считая, что федеральное устройство может привести к тем же пагубным последствиям, к которым привела «древнюю Россию удельная система»¹⁸.

Вопросы административно-территориального устройства новой России рассмотрены и в четвертой главе («О России») проекта конституции Никиты Муравьева, обстоятельно изучившего труды К. И. Арсеньева, К. Ф. Германа. Проектом конституции предусматривалось федеральное устройство Российского государства, которое делилось «на 13 держав, 2 области и 569 уездов»¹⁹.

Держава	Столица	Держава	Столица
Ботническая	Гельсингфорс	Заволжская	Ярославль
Волховская	Город Св. Петра	Камская	Казань
Балтийская	Рига	Низовская	Саратов
Западная	Вильна	Обийская	Тобольск
Днепровская	Смоленск	Ленская	Иркутск
Черноморская	Киев	Московская область	Москва
Кавказская	Тифлис	Донская область	Черкасск
Украинская	Харьков		

Районирование новой России Никиты Муравьева было более концептивным и менее детализированным, чем у Пестеля. Однако, как и в «Русской правде», особенностью административно-территориального деления проекта конституции является учет природных условий и хозяйственного развития отдельных частей страны. Весьма важно, что в этом программном документе Россия делится «на естественные хозяйственные комплексы»²⁰, составляя сущность нового административно-территориального деления государства. При этом автор проекта конституции особое внимание уделяет созданию держав близ водных путей, будь то речных или морских. (Это дает основание предположить, что истоки капитального труда Никиты Муравьева «О сообщениях в России» восходят к началу 20-х годов XIX в.)

Проекты «разделения государства на части» имеют и другие общие черты. В частности, в «Русской правде» и проекте конституции предусматривается учреждение одних и тех же «держав», или «областей»: Черноморской, Украинской, Кавказской. Северская, Вершинная, Уральская области Пестеля, вероятно, соответствуют Заволжской, Днепровской и Камской державам Никиты Муравьева с одними и теми же столицами (областными городами): Ярославлем, Смоленском, Казанью. Вместе с тем в проекте конституции выделена в самостоятельную Ботническую державу Финляндия, которая в «Русской правде» входит в состав Чудской области. Никита Муравьев намечает создание Западной, Балтийской и Низовской держав, а в составе Сибири — Обийской и Ленской.

Таким образом, первая глава «Русской правды» «О земельном пространстве государства» и глава четвертая «О России» проекта конституции Никиты Муравьева являются не только важнейшими памятниками истории движения декабристов, но и выдающимися географическими исследованиями.

Следует также отметить, что географические компоненты являются составной частью и второй главы «Русской правды», носящей заглавие «О племенах, Россию населяющих». Пестель первым поставил вопрос о народностях России и месте их в жизни Российского государства. При этом его суждения основаны на исключительно разносторонних и глубоких географических познаниях и прежде всего на знании географии населения и нацио-

нального состава земель, входящих в состав Российского государства.

И наконец, «Русской правдой» предусматривалось поощрение географических открытий. Людям, их совершившим, должны были либо предоставляться льготы, либо право пользоваться в течение определенного срока «выгодами сих открытий»²¹.

Географические исследования рассматривались декабристами как составная часть общемировой культуры. Служение науке было синонимом служения «благу всего человечества» (Николай Бестужев).

Появление географических глав в составе «Русской правды» Пестеля и проекта конституции Никиты Муравьева вполне закономерно. Знание своего Отечества, его природных особенностей, климата, хозяйства, быта и обычаев народов, его населяющих, прежде всего необходимо было для разработки тех социально-экономических преобразований, которые намечались в программах декабристов. Несмотря на элементы дворянской ограниченности, они были направлены на ликвидацию крепостной зависимости и самодержавия и должны были служить целям буржуазного переустройства России.

Декабристы считали географию наукой государственной. Кто знает географию (статистику), «тот знает государство». Под этой мыслью, высказанной Александром Корниловичем, могла бы подписаться значительная часть деятелей тайного общества. Участие в географических исследованиях, по словам декабриста Михаила Бестужева, хорошо соответствовало их стремлению «к пользе наук и славе Отчизны».

Декабристы считали, что география не должна ограничиваться лишь исследованием сегодняшнего положения страны и народа, хода торговли и промышленности. «Надобно,— писал Корнилович,— каждое из сих данных следить с самого начала, знать как оно родилось, росло и пришло в тот возраст, в каком теперь его видим; какие причины замедляли его ход или способствовали развитию?»²².

Корнилович готовил по предложению Парижского географического общества критический обзор русских трудов по экономической географии, но ему дали понять, что касаться этого вопроса запрещено.

Вероятно, с поставленной в «Русской правде» задачей расширения границ «до естественных пределов» связан

повышенный интерес декабристов к исследованиям сопредельных с Россией территорий. В частности, вопросы укрепления позиций России на Дальнем Востоке, на севере Америки, в Средней Азии были в центре внимания Дмитрия Завалишина, Николая Бестужева и Александра Корниловича²³.

Особое внимание декабристы уделяли вопросам распространения географических знаний. Деятели тайных обществ было написано несколько десятков статей, посвященных как предшествующим, так и современным географическим исследованиям. Александр Корнилович готовил капитальный труд «Опыт истории путешествий по России», из которого опубликовал шесть отрывков в журналах «Соревнователь просвещения и благотворения», «Сын Отечества», «Северный архив». В нем он ставил задачу рассмотреть труды различных путешественников «для объяснения нашей древней географии»²⁴.

Ревностно служа просвещению, декабристы преподавали науки о Земле. Так, Николай Бестужев и Дмитрий Завалишин преподавали географию и астрономию в Морском кадетском корпусе. В Корпусе военных топографов и Училище колонновожатых лекции по географии читал Корнилович²⁵.

Свои взгляды на учебную географию Корнилович сформулировал в большой рецензии на учебник К. И. Арсеньева по всеобщей географии. Корнилович предлагал географию (в учебном отношении) делить на три курса. Первый, детский, должен заключать в себе одну топографию, или «чистую географию», т. е. сведения об основных цепях гор, реках, городах и «важнейших местностях». Этот раздел (курс) являлся основой для изучения политической географии с включением элементов истории и экономики²⁶.

Политическая география должна давать представление о положении различных государств и физико-географических особенностях занимаемой ими территории («климат, горы, реки, качество земли и т. п.»).

Особенно важным разделом в системе географических наук Корнилович считал прикладную географию. Ее задачей являлось «приспособление приобретенных уже географических сведений по тому роду службы или занятий, к которому ученик себя готовит»²⁷. Продолжая эту мысль, декабрист подчеркивал, что, например, горный инженер

должен иметь понятие о горах, особенностях их строения, породах, их составляющих, купец — о состоянии промышленности и торговли, производительных силах и путях сообщения, армейский офицер — о средствах к обороне Отечества, в том числе о реках, дорогах, крепостях, знаменитых сражениях.

Корнилович отмечал, что одни ученые, рассматривая отдельные государства, останавливаются только на природных особенностях, другие «поверхностно проходят физические их свойства и обращают главное внимание на политические разделения»²⁸. Декабристу представлялось желательным давать в курсе географии представление и о природе (включая климат и воды), населении и хозяйстве. В отличие от Арсеньева, делившего географию на математическую, физическую и политическую, Корнилович ввел раздел прикладной географии.

Декабристы рассматривали географию как систему наук о природе, хозяйстве, населении. В изучении России, экономики, рудных и минеральных богатств, природных процессов и явлений, животного и растительного мира они видели могучий рычаг к прогрессу в развитии промышленности и сельского хозяйства и прежде всего путь к усилению политического влияния и экономического потенциала.

«Между 1812 и 1825 годами,— писал А. И. Герцен,— развилась целая плеяда, блестящая талантами, с независимым характером, с рыцарской доблестью (явлениями совершенно новыми в России). Ею было усвоено все то из западного образования, что было запрещено ввозу»²⁹.

Действительно, декабристы были образованнейшими людьми своего времени. Более 20 из них учились в Московском университете³⁰. Многие окончили Харьковский университет, Царскосельский лицей, Петербургский педагогический институт, Институт путей сообщения. 66 декабристов получили образование в Морском кадетском корпусе, в Первом и Втором сухопутных кадетских корпусах, Училище колонновожатых, Горном и Лесном институтах, Ришельевском лицее.

Такое учебное заведение, как Морской кадетский корпус, дало России целое созвездие талантливых географов, гидрографов и естествоиспытателей. Достаточно напомнить имена почетных членов и членов-корреспондентов Петербургской академии наук: И. Ф. Крузенштерна,

П. Я. Гамалея, В. М. Головнина, Василия и Фердинанда Врангеля (последний был удостоен звания члена Парижской академии), М. Ф. Рейнеке, Ф. П. Литке, восемнадцать лет возглавлявшего Академию наук. Эти исследователи морей и полярных стран, прославившие Россию своими выдающимися трудами, в основном принадлежат к тому же поколению, что и декабристы, и с большинством из них мы еще встретимся на страницах книги.

Широкие и серьезные знания давало Училище колонновожатых (будущая Академия Генерального штаба). Основателем этого учебного заведения был один из образованнейших людей своего времени, известный математик и агроном генерал-майор Н. Н. Муравьев, старший сын которого Александр стал основателем Союза спасения³¹.

Значительная часть декабристов истово занималась самообразованием. Приобретение широких познаний не только в области революционной идеологии, но и в различных областях естественных наук было одной из священных обязанностей участников движения.

Взгляды декабристов на роль науки и просвещения в общественной жизни России формировались в годы наступления самодержавия на русскую высшую школу, когда было уволено двенадцать профессоров и преподавателей Казанского, три профессора Дерптского, два профессора Харьковского, четыре профессора Виленского университетов. Такой же участи подвергся только что основанный Петербургский университет, из которого за распространение противоправительственных идей был изгнан знаменитый профессор права Александр Петрович Куницын. Здесь же было устроено позорное судилище над четырьмя профессорами, в том числе над автором труда «Статистическое исследование относительно Российской империи» академиком Карлом Федоровичем Германом и замечательным русским географом адъюнктом Константином Ивановичем Арсеньевым, впоследствии академиком и членом-учредителем Русского географического общества. Его «Краткую всеобщую географию» декабрист Александр Корнилович считал лучшей в России и «очень уважал автора за изданные им сочинения», хотя и не со всеми их положениями был согласен³².

«...Суд над профессорами ужасен не по лицам, которые его производят, но по духу, который он свидетельствует, — записал Николай Тургенев в дневнике 10 но-

ября 1821 г.— Что с этим будет? Мне даже думать об этом несносно. Будет ли это описано когда-нибудь?»³³

Об этом позорном судилище как доказательстве организованного правительством гонения на науку и просвещение говорили на следствии Петр Каховский, Александр Бестужев, Владимир Штейнгель и, наконец, Николай Бестужев, отметивший, что преследование прогрессивных деятелей русской науки, в том числе Арсеньева, обратило внимание молодых людей на географические исследования этого ученого³⁴.

Лекции опальных профессоров посещали многие декабристы. Это засвидетельствовано не только в воспоминаниях, но и в следственных делах. Из показаний Матвея Муравьева-Апостола известно, что он вместе с Павлом Пестелем, Федором Глинкой, Никитой Муравьевым, Сергеем Трубецким, Сергеем Муравьевым-Апостолом и другими членами Северного общества слушал лекции академика Германа, которые тот читал на своей квартире.

Декабристы не скрывали откровенно враждебного отношения к официальной политике самодержавия в области науки и просвещения. Это было замечено следственной комиссией, которая стремилась не только узнать состав тайного общества, но и выведать истоки, питавшие идеи декабризма. Комиссия задавала каждому из арестованных стереотипные вопросы: «В коих предметах старались вы наиболее усовершенствоваться? Не слушали ли сверх этого особых лекций? В каких науках, когда и где именно?» В том и другом случае требовалось объяснить, «чьим курсом» привлеченный к следствию «руководствовался в изучении наук».

Все декабристы, кроме предметов, входивших в курс Морского и Военного кадетских корпусов, Петербургского и Московского университетов, а также других учебных заведений, назвали отрасли наук, которые они изучали с большим пристрастием. Наряду с историей, политической экономией, словесностью, военным и морским делом каждый из деятелей тайного общества стремился усовершенствовать свои познания в какой-либо отрасли или целом комплексе наук.

«История, география, математические науки и языки занимали меня особенно»³⁵, — говорил Александр Корнилович, которого его современник и будущий президент Петербургской академии, известный полярный исследова-

тель Ф. П. Литке, назвал человеком, «жившим только для наук»³⁶.

Писатель Александр Бестужев-Марлинский отвечал следственной комиссии, что он настойчиво совершенствовал свои познания в области истории, политики, физики. «Смело могу сказать, что я не оставил ни одной ветви наук без теоретического или практического изучения и ни одно новое мнение в науках умозрительных, ни одно открытие в химии или механике от меня не уходило»³⁷.

Братья Петр и Андрей Борисовы, основавшие в 1817 г. тайное Общество друзей природы, показали на следствии, что они с особым прилежанием занимались изучением натуральной истории³⁸.

Александр Поджио отвечал, что он неоднократно ездил в Академию наук слушать профессора Куницына и «пожирал с умом жадным и любопытным» все, что касалось политической экономии и права. Именно занятия науками привели его к убеждению посвятить свои помыслы и жизнь во имя того, чтобы вывести свое Отечество в один ряд с просвещенными народами³⁹.

Судя по следственным делам, среди естественнонаучных дисциплин, изучавшихся декабристами, первые места занимают: география, физика, математика, химия, астрономия, метеорология, океанография, гидрография. Известен необычайный проект адмирала Н. С. Мордвинова, который предлагал из осужденных на каторгу и ссылку декабристов образовать академию, поручив «преступникам заниматься положительными науками, которые могут способствовать процветанию Сибири», а именно: агрокультурой, физикой, геологией, минералогией, химией, металлургией⁴⁰. Проект этот не был утвержден Николаем I, но он красноречиво свидетельствует о том, сколь блистали талантами деятели этого революционного движения.

Примерно около половины декабристов, судя по следственным делам, совершенствовали свои познания в географии, «мореплавательных науках», статистике и физике, под которой в первую очередь мыслилась физика Земли, включавшая в себя метеорологию и земной магнетизм.

С кем же из современников, прославившихся своими исследованиями и открытиями, находились в общении декабристы? Первым следует назвать известного полярно-

го исследователя Гаврилу Андреевича Сарычева. Его знали все декабристы-моряки. Исследования Сарычева на северо-востоке России во время плавания из Колымы в сторону Берингова пролива и на севере Тихого океана рассматривались декабристами как важный вклад в изучение Отечества. С ним еще ребенком познакомился на Камчатке Владимир Штейнгель и с восхищением отзывался о его роли в Северо-Восточной экспедиции (1785—1793), которая именно Сарычеву была обязана своими успехами⁴¹. Весьма тесно по роду своих занятий общался с Сарычевым Николай Бестужев, который по рекомендации генерал-гидрографа был сначала определен историографом российского флота, а затем избран в почетные члены Адмиралтейского департамента.

Особым уважением среди декабристов пользовался руководитель Первой русской кругосветной экспедиции Иван Федорович Крузенштерн. Воспитанный на идеях просветителей XVIII в., он принадлежал к числу последовательных противников крепостного права. Его «Путешествие вокруг света» и труды по географии Мирового океана были широко известны за пределами России. Для декабристов Крузенштерн навсегда остался национальным героем и «просвещенным мореходцем», которого роднило с ними понимание значения географии в укреплении политического влияния своего Отечества.

Крузенштерн общался с Владимиром Штейнгелем, Николаем Бестужевым, Владимиром Романовым, географические проекты которого он считал весьма важными. Крузенштерн по-отечески опекал Михаила Кюхельбекера, который осенью 1819 г. ездил к мореплавателю на Мызу Асс в Эстляндии, чтобы рассказать о плавании к Новой Земле. Именно по просьбе Крузенштерна Михаил Кюхельбекер был «сверх комплекта» зачислен в число участников кругосветной экспедиции на шлюпе «Аполлон». Он же пытался помочь Вильгельму Кюхельбекеру принять участие в знаменитом кругосветном плавании на шлюпе «Предприятие», но начальник Морского штаба отказался докладывать эту просьбу Александру I.

Ореолом героизма в глазах декабристов был окружен знаменитый мореплаватель Василий Михайлович Головнин. Его трудами о плавании на шлюпе «Диана», пребывании в плену у японцев и путешествии на шлюпе «Камчатка» зачитывались многие выдающиеся деятели движе-

ния, в том числе Александр Бестужев и Вильгельм Кюхельбекер.

Дмитрий Завалишин относил Головнина к числу членов Северного общества и писал о том, что якобы он выражал готовность взорвать яхту с царской семьей. Известно сочинение Головнина «О состоянии Российского флота в 1824 году». В нем он подверг жесточайшей критике политику царского правительства в отношении флота, примерно в тех же выражениях, что и Владимир Штейнгель и Константин Торсон в своих письмах из Петропавловской крепости.

С декабристами был близко знаком выдающийся ученый, моряк и флотоводец, друг Головнина, начальник Камчатки Петр Иванович Рикорд. «Во время самого ужасного кризиса моей жизни,— вспоминал Штейнгель после амнистии,— рука Петра Ивановича не дрогнула написать ко мне [в Петропавловскую крепость] официальную записку: «Любезный друг, не беспокойся о детях, я буду наблюдать их»⁴².

Общение декабристов с Сарычевым, Крузенштерном, Головниным, Рикордом, изучение их трудов воздействовали на формирование их интересов в области географии. Этому также способствовали тесные отношения «первенцев свободы» со многими отважными путешественниками, возвратившимися из дальних странствий. Гаврила Батеньков дружил с Матвеем Матвеевичем Геденштромом, исследователем Новосибирских островов. В бытность свою в Иркутске декабрист жил в доме полярного исследователя. Наиболее тесные контакты приходится на 1820—1821 гг., когда Батеньков работал над проектом исследования Сибири и циклом статей по географии этого края. Безусловно, Геденштром способствовал развитию интереса Батенькова к изучению северо-востока России, к поискам гипотетической Северной Земли, которыми он хотел заняться по окончании путешествия Врангеля и Матюшкина.

В свою очередь общение с Батеньковым оказало воздействие на радикализм Геденштрома, который за распространение вольнодумных и «противуправительственных мыслей» губернскими властями был выслан из Тобольска на юг Сибири незадолго до восстания на Сенатской площади. В литературе имеются сведения о том, что впоследствии Геденштрому удалось, переодевшись в форму караульного солдата, увидеться с Батеньковым в Пет-

ропавловской крепости. На склоне лет он задался целью составить новое географическое «описание всей Сибири, прося только содержание, инструменты и дозволение говорить правду без оглядки»⁴³, но его предложение было оставлено без ответа.

Необходимо обратить внимание на то, что именно в доме Геденштрома весной 1820 г. Батеньков встретился с участниками экспедиции для поисков и описи северных земель Фердинандом Врангелем, Федором Матюшкиным и Петром Анжу, успехам которых в исследовании северо-востока России он посвятил две статьи, оставшиеся неопубликованными⁴⁴. Между участниками иркутской встречи установились добрые отношения⁴⁵. Известно, что Врангель в 1822 г. прислал Батенькову из Нижнеколымска «приятное дружеское письмо» и доставил декабристу «много приятных часов» своими официальными донесениями, из которых он удостоверился, «что и мертвая природа способна творить достойное удивления»⁴⁶.

Врангель писал Батенькову, что его вторая попытка отыскать Северную матерую землю не увенчалась успехом, что там, где надлежало быть, по уверению сержанта Андреева, берегам, поросшим лесом, он нашел льды, открытое море и туман. Батеньков откликнулся на это послание дружеским письмом, отрывок из которого опубликовал в «Сыне Отечества». «По мнению моему, Вы совершенно правы, изъяснив ошибку путешественника Андреева,— писал Батеньков.— Мыс, о котором ему говорили чукчи, конечно, не лесистый. Маленький остров, найденный Анжу к северу от Котельного и названный Фигурным, доказывает только возможность находить такие же необширные возвышения в других местах океана.

Желаю, весьма желаю, чтобы Вы успели осмотреть и остальную часть неизвестного берега до Северного мыса. Нетерпеливо ожидаем возвращения Вашего, сколько вопросов для Вас приготовлено. Спешите к нам. Вас ожидают читатели и слушатели, а также признательность начальства и соотечественников»⁴⁷.

Географические исследования Врангеля Батеньков характеризовал как подвиг «на поприще наук и открытий»⁴⁸. Заботами этого декабриста, переехавшего из Иркутска в Петербург, Врангель, Анжу и Матюшкин по возвращении из путешествия были тепло приняты в декабристских кругах. В частности, они бывали в доме у

Александра Корниловича и в семье Бестужевых, где делились впечатлениями о трехлетних странствиях по берегам и льдам Северного Ледовитого океана на пространстве от реки Оленек до Колючинской губы. Декабристы Сергей Трубецкой, Николай и Михаил Бестужевы, Дмитрий Завалишин близко были знакомы с выдающимся исследователем Новой Земли Федором Петровичем Литке. Еще в 1820 г. Литке завел «Особую записную книгу». Он переписывал в эту тетрадь наиболее замечательные произведения нелегальной литературы начала 20-х годов прошлого века. Здесь можно найти оду А. С. Пушкина «Вольность», публицистические письма М. Ф. Орлова, стихотворение К. Ф. Рыльева «К временщику» и, наконец, неизвестную до недавнего времени записку «Нечто о возмущении Семеновского полка», автором которой, возможно, является Николай Бестужев⁴⁹. Литке собирал произведения «потаенной» литературы потому, что они отвечали его настроениям и размышлениям над действительностью.

В декабристском окружении находился выдающийся исследователь морей России Михаил Францевич Рейнеке. До наших дней дошла его обширная переписка с Николаем и Михаилом Бестужевыми.

Декабрист Корнилович лично знал почти всех современных ему географов. Он помог статистику Семену Николаевичу Корсакову опубликовать несколько научных статей⁵⁰. В свою очередь Корсаков помогал Корниловичу в его изысканиях по исторической географии и истории путешествий по России.

Корнилович и Батеньков часто приглашали к себе на чашку чая Егора Федоровича Тимковского, который в 1820 и 1821 гг. побывал в Монголии и Китае, в том числе в пустыне Гоби, где на его долю выпали опасности и лишения. О его книге Корнилович написал восторженный отзыв. В семейном архиве Корниловичей сохранились два письма Тимковского, свидетельствующие о том, что между путешественником и декабристом установились дружеские отношения.

Корнилович, Батеньков и Николай Бестужев хорошо знали Федора Федоровича Шуберта, состоявшего в масонской ложе «Избранного Михаила», из которой вышло немало декабристов. Корнилович очень высоко отзывался о его трудах по топографической съемке России и по-

сылал ему поклоны из Петропавловской крепости (во время вторичного заточения).

Федор Глинка и Николай Бестужев встречались с полярным исследователем и мореплавателем Отто Коцебу. Федор Глинка осуществил перевод его «Путешествия в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания Северо-Восточного морского прохода, предпринятого в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах на корабле «Рюрике», которое вышло в свет в 3-х томах в 1821—1823 гг.

Декабристы плавали в различные области земного шара под командой знаменитых деятелей флота М. П. Лазарева и Ф. Ф. Беллинсгаузена. При этом последний вел переписку с начальником Морского штаба А. В. Моллером об избрании Николая Бестужева в почетные члены государственного Адмиралтейского департамента.

Таким образом, декабристы общались со многими мореплавателями, полярными исследователями и учеными, чьи имена уже давно стали гордостью русской географии. Эти люди, испытавшие трудности и лишения, смотревшие в глаза смерти и ревностно изучавшие Россию и многие области земного шара, были для них воплощением героизма и служения благу Отечества.

В свою очередь высокие политические и нравственные идеалы, которыми «рельефно», по словам Ф. П. Врангеля, отличались деятели 14 декабря, их горячее стремление «вывести свое Отечество на первый план образованного мира» были притягательны для передовых офицеров армии и флота.

По признанию П. Г. Каховского, идеалы декабристов разделяла вся мыслящая молодая Россия. Во всяком случае идеалы тайных обществ исповедовали не только участники революционного движения, которые отправились на виселицу, каторгу и ссылку, и даже не 579 человек, привлеченных к следствию. Их было гораздо больше. И не менее символично, что лучшая часть из них и после разгрома восстания в условиях «наружного рабства» продолжала служить Отечеству, просвещению, науке.

Многие из декабристов стремились стать участниками кругосветных экспедиций, дальних плаваний, полярных путешествий. Далекое не всем их надеждам и проектам предстояло исполниться. Но те, кому выпала честь принять участие в научных предприятиях России, внесли зримый вклад в развитие отечественной географии.

ДЕКАБРИСТЫ — УЧАСТНИКИ КРУГОСВЕТНЫХ ПЛАВАНИЙ

Константин Торсон в экспедиции к Южному полюсу

Успешное завершение Первой русской кругосветной экспедиции знаменовало начало эпохи отечественных океанских плаваний. За 1803—1866 гг. кораблями России было совершено 59 кругосветных и полукругосветных путешествий. Одни из этих экспедиций преследовали торговые и политические цели, другие имели своей задачей доставку грузов на Камчатку и в Русскую Америку и проведение попутных ученых изысканий, третьи, наконец, занимались только решением таких важнейших географических проблем, как открытие Южного материка и поиски Северного прохода. Но перед всеми судами, отправлявшимися на север Тихого океана, ставились задачи по сбору сведений о новых землях и посещаемых странах. Каждой экспедиции поручалось вести метеорологические, океанографические и магнитные наблюдения.

Выйдя в самом начале XIX в. на просторы Мирового океана, русский флот получил возможность приступить к решению важнейших географических задач своего времени. Среди них первое место занимала проблема Южного материка, который тщетно искал Джемс Кук. Перед знаменитым мореплавателем эта часть света, по словам И. Ф. Крузенштерна, «погрузилась в бездну океана и, подобно бредням и сновидениям, не оставила по себе никаких следов»¹.

В конце 1818 г. русским правительством было принято решение об отправлении экспедиций к Южному полюсу и в Берингов пролив, программа научных исследований которых была разработана Г. А. Сарычевым, И. Ф. Крузенштерном и другими русскими исследователями.

Это была самая крупная географическая кампания в XIX в., предпринятая Россией с целью «приобретения полнейших познаний о нашем земном шаре». Экспедиция

состояла из двух отрядов: южного и северного. Начальником южного отряда («дивизии») и командиром шлюпа «Восток» по рекомендации Крузенштерна был назначен участник первого русского кругосветного плавания Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен. Вторым кораблем-шлюпом «Мирный» командовал Михаил Петрович Лазарев. Северным отрядом в составе шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный» командовал Михаил Николаевич Васильев. Ему следовало приложить величайшие усилия, чтобы решить вопрос о Северном проходе из Тихого океана в Ледовитое море и о направлении берегов к северу от Берингова пролива, где кое-кто из мореплавателей предполагал существование перешейка. Не менее сложная задача стояла перед Ф. Ф. Беллинсгаузенем и М. П. Лазаревым. Их дивизия, которая в официальных бумагах затем будет именоваться Южной экспедицией, должна была проникнуть до «самой отдаленной широты» и приложить «все возможное старание и величайшее усилие для достижения сколько можно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли»².

Адмиралтейским департаментом была подготовлена инструкция, которая предписывала мореплавателям «производить полезные для наук наблюдения», прежде всего метеорологические, океанографические и магнитные. В частности, предусматривалось исследование особенностей климата, полярных сияний, состояния атмосферы и ее изменений, включая изучение «высших и низших ветров в сравнении с дующими близ поверхности моря». Большое внимание моряки и ученые должны были уделить изучению льдов, айсбергов, течений, приливо-отливных явлений, температуры и солености морской воды в различных районах Мирового океана и на различных глубинах. Важной задачей являлся сбор этнографических, ботанических, зоологических, минералогических коллекций. «Также стараться,— говорилось в инструкции,— собирать любопытные произведения природы для привезения в Россию в двойном числе, для Академии и для Адмиралтейского департамента, равно собирать оружия диких, их платья и украшения, что более любопытно»³.

Многokrатно в инструкциях подчеркивалась важность систематических астрономических наблюдений для определения места кораблей в океане, проверки существующих карт и особенно при описи вновь открытых земель.

Инструкции для научных изысканий были идентичны как для южного, так и для северного отрядов. Таким образом, впервые в истории науки были поставлены по одной и той же программе одновременные геофизические наблюдения от Южного до Северного Ледовитого океанов.

В этом великом национальном географическом предприятии принимал участие выдающийся деятель движения декабристов Константин Петрович Торсон. По окончании Морского кадетского корпуса он сражался со шведами в Балтийском море. Командуя гребным катером во время Отечественной войны 1812 г., Торсон встретился в порту Ливава с французским военным судном. Вместе с матросами он отбилсся от неприятеля и благополучно вернулся на фрегат «Амфитрида». Спустя год Торсон получил чин лейтенанта. В 1817 г. он плывал на корабле «Орел» к берегам Франции, откуда доставлял на Родину русские войска.

По хорошему отзыву «известных морских капитанов»⁴ Торсон в 1819 г. был принят в состав участников отряда, направлявшегося на судах «Восток» и «Мирный» к Южному полюсу. В его составе находилось 179 человек. Торсон считался вторым лейтенантом и вахтенным офицером.

4 июля 1819 г. корабли экспедиции покинули Кронштадт. «Восток» и «Мирный» сделали кратковременную остановку в Дании, где должны были взять двух естествоиспытателей, но ученые Мертенс и Кунце отказались от участия в плавании, поставив южный отряд в очень трудное положение. 28 июля моряки на Портсмутском рейде встретились со шлюпом «Камчатка» под командой В. М. Головнина, возвращавшимся из кругосветного плавания. Через месяц экспедиция покинула Англию и направилась к югу.

Во время перехода через Атлантический океан сияло солнце, ветры были умеренные, зной терпимый. «В продолжение сего времени, — отмечал Беллинсгаузен, — постоянная прекрасная погода доставила нам удобный случай заниматься астрономическими наблюдениями. Офицеры Завадовский, Торсон, Лесков, Демидов и астроном Симонов производили наблюдения секстантом работы известного мастера в Лондоне Трутона, и я употреблял таковой же секстант... На обоих шлюпах, исключая лейтенанта Лазарева, капитан-лейтенанта Завадовского и меня,

до сего путешествия никто из наших офицеров не имел случая заниматься астрономическими наблюдениями, но в бытность нашу в Лондоне, каждый купил себе самый лучший секстант и все старались превзойти друг друга как в узнании и точной проверке своих инструментов, так и в измерении расстояния Луны от Солнца, и, не дошед еще до Рио-Жанейро, все сделались хорошими наблюдателями»⁵.

В дальнейшем, по мере изложения событий плавания к Южному полюсу и вокруг света, Беллинсгаузен несколько раз приводит результаты определений Торсона. В частности, 9 декабря 1819 г., после обеда, офицеры «Востока» во главе с Беллинсгаузеном на широте $46^{\circ}24'57''$ измеряли расстояния от Луны до Солнца, по которым устанавливали долготу местонахождения судна. По Торсону, она оказалась равной $42^{\circ}7'22''$, причем лишь незначительно отличалась от измерений знаменитого астронома И. М. Симонова и показаний хронометров, находившихся на корабле.

2 ноября южный отряд прибыл в Рио-де-Жанейро, где застал шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный», направлявшиеся в Берингов пролив. Через три недели «Восток» и «Мирный» двинулись в Южный Ледовитый океан. Прежде всего отряд осмотрел остров Южная Георгия. Идя курсом на Сандвичеву землю, экспедиция открыла группу островов Траверсе, состоящую из островов Лескова, Торсона и Завадовского, названных Беллинсгаузеном в честь своих спутников.

Первый неизвестный остров увидели утром 22 декабря, а спустя день открыли еще одну неизвестную землю, названную Беллинсгаузеном островом Торсона. Вот как Беллинсгаузен описывает его открытие: «Когда пасмурность и снег прекратились, мы увидели на северо-востоке высокий берег, коего вершина скрывалась в облаках; по утру на рассвете открылся остров, совершенно очистившийся от тумана, а на середине острова высокая гора; вершина ее и скаты покрыты снегом; крутизны, на которых снег и лед держаться не могут, имеют цвет темный. Остров круглый, в окружности двенадцать миль, по крутому каменному берегу не приступен, прекрасная погода позволила нам сделать полуденное наблюдение, и широта места нашего оказалась $56^{\circ}44'18''$ южная, долгота $27^{\circ}41'51''$ западная. По сему наблюдению гора

на середине острова в широте $56^{\circ}44'18''$ южной, долготы $27^{\circ}11'51''$ западной»⁶.

Правда, в книге Беллингаузена отмечено, что это обретение он назвал островом Высоким, «потому что он отличается от прочих своей высотой»⁷. Последняя строка, вероятно, принадлежит не Беллингаузену, а редактору его книги Л. И. Голенищеву-Кутузову, который в это время являлся председателем Ученого комитета Морского штаба. Он осуществлял на этом посту «ужесточенно» охранительную политику и погубил не один труд, которым наша география могла бы гордиться. В частности, он повинен в том, что не были опубликованы и затем бесследно исчезли «Записки о Новой Земле» Николая Иринарховича Завалишина, брата известного декабриста, и записки Василия Степановича Хромченко о его плаваниях и исследованиях берегов и островов Русской Америки. Не без его домогательств было задержано более чем на 10 лет издание капитального труда М. Ф. Рейнеке «Гидрографическое описание Северного берега России». Именно Л. И. Голенищев-Кутузов потребовал, чтобы от редактирования путешествия Ф. Ф. Беллингаузена был отстранен Аполлон Александрович Никольский⁸, человек весьма близкий семье Бестужевых, неприменный секретарь продекабристского Общества любителей российской словесности, наук и художеств. Очевидно, именно Л. И. Голенищев-Кутузов переименовал остров Торсона и во многих случаях вычеркнул имя «государственного преступника», но, к счастью, не во всех главах. Так, остался неизменным текст путешествия Беллингаузена, относящийся к 29 декабря 1819 г. Описывая вид острова Сандерса, открытого Куком, путешественник отмечает, что его окружность составляет немногим более 30 верст, что он высок, обрывист, «покрыт льдом и снегом, но не так, как остров Торсона, хотя находится южнее»⁹.

Эти строки весьма важны. Они — бесспорное доказательство того, что 23 декабря именем Торсона был назван один из островов группы Траверсе. Но это свидетельство подкрепляется еще одним документом. В Государственном Историческом музее в Москве сохранился подлинный альбом художника Павла Николаевича Михайлова, участника плавания к Южному полюсу. На одном из листов альбома изображена группа «островов маркиза де Траверсе». Рядом с небольшим островом Лескова виден окутан-

ный облаками остров Торсона. Над облаками возвышается покрытая вечным снегом вершина. Лишь нижняя его часть, круто обрывающаяся в море, чернеет голыми скалами.

После записи об острове Торсона имя декабриста не упоминается в третьей главе труда Беллинсгаузена, хотя имена других офицеров шлюпа «Восток» встречаются сравнительно часто. Не упоминаются и астрономические определения Торсона.

То, что вмешательство Голенищева-Кутузова в текст путешествия Беллинсгаузена имело место, отмечал командир шлюпа «Мирный» М. П. Лазарев: «Всему виноват Логин Иванович Кутузов, взявшийся за издание онного, — писал он своему другу А. Л. Шестакову 26 января 1834 г. — Отдал в разные руки и, наконец, вышло самое дурное повествование весьма любопытного и со многими опасностями сопряженного путешествия. Я не знаю, в каком виде представил оное Беллинсгаузен, но ясно вижу, что слог в донесении моем к Беллинсгаузену после разлучения нашего и по прибытии в Порт-Жаксон изменен совершенно, а кто взял на себя это право, не знаю»¹⁰.

59 тетрадей, из которых состояли «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане»¹¹, кроме Голенищева-Кутузова, просматривали цензор Морского ведомства и библиотекарь Морского кадетского корпуса.

Одни «чужие руки» изъяли имя Торсона, другие оставили текст Беллинсгаузена в неприкосновенности, как, например, четвертую и пятую главы, где имя декабриста упоминается наиболее часто. Во время первого плавания в Южном Ледовитом океане Торсон проявил себя пытливым исследователем. Напомним, что Торсон ежедневно нес вахту, управлял шлюпом «Восток», вел метеорологические и геомагнитные наблюдения (склонение компаса). И хотя вахтенный журнал «Востока», как и корабельный журнал «Мирного», впоследствии исчез (по видимому, погиб вместе с архивом Беллинсгаузена), эти наблюдения вошли в состав «Двукратных изысканий в Южном Ледовитом океане».

Следует особо подчеркнуть, что этот капитальный труд не является путевым дневником Беллинсгаузена. Напротив, Беллинсгаузен неоднократно подчеркивает, что использует материалы и данные М. П. Лазарева,

И. И. Завадовского, К. П. Торсона, Я. Прядина, И. М. Симонова, П. Н. Михайлова, А. С. Лескова и других участников плавания. «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане» являются обобщением важнейших результатов великого национального географического предприятия, эпохальные достижения которого были добыты героизмом и самоотверженностью всех членов экспедиции, от рядовых матросов до командиров судов. Беллинсгаузен не выделяет никого из своих подчиненных. Этот принцип не следует нарушать. И говоря об участии К. П. Торсона в южнополярном плавании, необходимо прежде всего отметить открытия и исследования всей экспедиции.

Обследовав Сандвичевы острова, экспедиция устремилась на юг. Температура воздуха опустилась ниже нуля. «С самого рассвета до полудня,— отмечал Беллинсгаузен 5 января 1820 г.,— мы проходили множество ледяных островов и мелкого льда. Вахтенный офицер, стоя на баке, устремлял крайнее внимание, чтобы не задеть льды»¹². Среди льдов плыли 6—9 января. Чтобы уклониться от встречи с мелкими льдинами, командующий вахтой сам управлял кораблем.

16 января 1820 г. экспедиция впервые приблизилась к «льдинному материку»¹³ и тем самым открыла шестую часть света. Спустя пять дней «Восток» и «Мирный» снова подошли к ледяному барьеру антарктического континента и не могли увидеть его пределов. По словам Беллинсгаузена, усмотренное мореплавателями ледяное поле «было продолжением того, которое видели в пасмурную погоду 16 января, но по причине мрачности и снега хорошенько рассмотреть не могли»¹⁴.

К такому же выводу пришел командир шлюпа «Мирный» М. П. Лазарев, который писал, что 16 января, достигнув $69^{\circ}23'$ ю. ш. и $2^{\circ}35'$ з. д., он со своими спутниками встретил «матерый лед чрезвычайной высоты» (на современном языке — ледяной барьер антарктического материка). М. П. Лазарев рассматривал его с высоты мачты (салинга) и убедился, что «матерый лед простирается так далеко, как может только достигнуть зрение» с помощью зрительной трубы. «Отсюда,— писал он,— продолжали мы путь свой к осту, покушаясь при всякой возможности к зюйду, но всегда встречали льдинный материк, не доходя 70° »¹⁵.

Во время первого плавания в Южном Ледовитом океане офицерами экспедиции было сделано большое число астрономических определений. Разумеется, делал их и Торсон. На этом самом важном этапе путешествия его имя исчезло за словами «вахтенный офицер», «наши лейтенанты», «некоторые офицеры», хотя каждые сутки он записывал в журнал долготу и широту, температуру и давление воздуха, направление и силу ветра, состояние неба и моря, типы встреченных льдов и названия летавших над шлюпом птиц.

5 февраля 1820 г. суда в третий раз подошли к Антарктиде. Мореплаватели увидели снова перпендикулярно обрывающийся в океан лед. Он отлого поднимался «к югу на расстояние, пределов которого мы не могли видеть с салинга»¹⁶. Поблизости от него в море плавали ледяные острова, отделившиеся, по словам Беллинсгаузена, «от собственной своей тяжести или других физических причин от матерого берега»¹⁷.

Эта мысль им повторена в донесении, которое он несколько позже отправил морскому министру И. И. де Траверсе из порта Джексон в Австралии: «Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжается по мере нашего зрения, возвышаясь к югу, подобно берегу. Плоские ледяные острова, близ сего материка находящиеся, ясно показывают, что они суть обломки сего материка, ибо имеют края и поверхность, подобную материке»¹⁸.

В туман, дождь, снег и град шлюпы «Восток» и «Мирный» все дальше уходили на восток, время от времени встречая приметы, свидетельствовавшие о близости берегов. «Весь такелаж, паруса и самые шлюпы обледенели,— писал Беллинсгаузен.— Мы не успевали очищать снег с бегучих веревок и с палубы»¹⁹.

Плывать среди ледяных островов в ненастную погоду было крайне опасно. Но едва вышли из льдов, как встретили огромную зыбь. 15 февраля шлюпы разлучились, но вскоре вновь продолжили совместные изыскания. Погода ухудшалась. Положение становилось все более опасным. «Неведение о льдах, буря, море, изрытое глубокими ямами, величайшие поднимающиеся волны, густая мрачность и таковой же снег, которые скрывали все от глаз наших, и в сие время наступила ночь; бояться было стыдно,

а самый твердый человек внутренне повторял: боже, спаси!» — писал Беллинсгаузен²⁰. Ночью 21 февраля едва не столкнулись с ледяным островом.

5 марта шлюпы «Восток» и «Мирный» растались и уже встретились в порту Джексон в Австралии. Апрель и начало мая экспедиция занималась исправлением повреждений в судах, готовясь к плаванию в тропики, благоприятный климат которых был необходим для поправления здоровья и матросов и офицеров.

В 8 часов утра 8 мая шлюпы «Восток» и «Мирный» покинули порт Джексон и направились к северным берегам Новой Зеландии, где экспедиция предполагала исследовать ту часть Тихого океана, которая находилась между Сердитым морем Рогевейна и Опасным архипелагом Бугенвиля, надеясь там найти неведомые земли или острова.

В ночь на 19 мая налетел шторм. Огромная волна обрушилась на шлюп «Восток». Вода хлынула в люки и залила палубу. Матросы и офицеры выдержали и это испытание. 24 мая они увидели Новую Зеландию и вошли в пролив Кука, который делит этот остров на две части. Десять дней знакомились с жителями, выменивали оружие, жезлы, украшения и различные «рукоделья», расплачиваясь топорами, гвоздями, зеркальцами, материей.

3 июня экспедиция покинула Новую Зеландию и направилась на восток. Спустя два дня налетел шторм и трепал шлюпы почти целую неделю. 14 июня путешественники вступили в ту часть океана, где, по мнению Беллинсгаузена, могли находиться неизвестные острова и мели. «Со всех трех салингов,— писал Беллинсгаузен,— прилежно смотрели берега, но ни в которой стороне не видали». Посетив на пути в экваториальную зону остров Опаро и определив его широту и долготу, экспедиция продолжала плавание. 5 июля шлюп «Восток» находился у небольшого острова Принца Кумберленда.

«...Приблизясь к северной оконечности, послал лейтенанта Торсона на ялике осмотреть берег, который местами порос кустарником,— писал Беллинсгаузен.— Астроном Симонов, штабс-лекарь Берх, лейтенант Демидов поехали с лейтенантом Торсоном. Лейтенант Лазарев послал ялик со штурманом»²¹. Окружность острова составляла около 15 верст. Он находился на 19°11'3" ю. ш. и 141°17' в. д.

«Торсон, Симонов, Берх и Демидов объявили, что сей узкий берег состоит из кораллов разных цветов,— отмечал Беллинсгаузен,— лес же растет невысокий, кривой: они настреляли морских птиц, с собою привезли довольно крупных морских ежей, коих иглы или колючки в шесть дюймов длины, лилового цвета, подобны грифелям»²².

8 июля открыли остров, поросший кокосовыми рощами, лесом и кустарником. Он находился на $17^{\circ} 49'$ ю. ш. и $141^{\circ} 1'$ з. д. Его длина составляла около 30 верст, а ширина — 7 миль.

Остров назвали именем контр-адмирала Моллера, вместе с которым служил Беллинсгаузен.

Как и во время первого южнополярного плавания, Торсон снова каждый день командовал вахтой и управлял шлюпом «Восток». Если в Южном Ледовитом океане нужно было остерегаться столкновений с ледяными островами, то в тропическом поясе Тихого океана не меньшую опасность представляли коралловые рифы. И не усмотри он один из них, неизвестно, возвратилась бы экспедиция в Россию.

«18 июля после полуночи облака разошлись, луна светила и ветер был умереннее,— писал Беллинсгаузен.— В начале второго часа ночи бдительностью вахтенного лейтенанта Торсона в ночную трубу усмотрен бурун прямо перед носом шлюпа; мы тотчас поворотили, а с рассветом опять пошли к берегу»²³.

Утром путешественники увидели небольшой коралловый остров, который Беллинсгаузен назвал именем вице-адмирала Грейга. Он был самым высоким из всех открытых ранее островов и находился на $16^{\circ} 11'$ ю. ш. и $146^{\circ} 19'$ з. д.

Заметив, что у его северного берега море тихо и бурун весьма незначителен, Беллинсгаузен решил послать на берег лейтенанта Торсона и художника Михайлова. К ним присоединились астроном Симонов, штабс-лекарь Берх и лейтенант Лесков.

«Они нарубили разных сучьев от растущих деревьев, которые все мягкой породы, наломали кораллов, набрали раковин и улиток, застрелили малого рода попугая, величиною с воробья, у которого перья прекрасного синего цвета, ноги и нос красные, совершенно подобные сафьяну; застрелили также малую горлицу серо-зеленого цве-

та, набрали несколько грецкой губки, обложенной мелкими кораллами.

Лейтенант Торсон по возвращении объявил, что приметил следы людей и даже места, где разводили огонь, но жителей не видал. Видели разных малых береговых птиц, малых ящериц, небольших черепах, которые уползали в воду и прятались в кораллы. В лагуне была вытащена на берег старая лодка; вероятно, на сей остров, подобно как и на многие другие, жители больших островов приезжают для промысла»²⁴.

Гряде коралловых островов, которую открыли и описали экспедиция к Южному полюсу, а также предшествовавшие ей русские кругосветные мореплаватели, Беллинсгаузен назвал островами Россиян. Дальнейший путь через океан корабли «Восток» и «Мирный» прокладывали таким образом, чтобы «принести возможную пользу географии».

22 июля 1820 г. суда экспедиции бросили якорь в Матавайской бухте Таити, великолепные виды которого привели путешественников в восторг. Еще не успели убрать парусов, как корабли были окружены лодками островитян, предлагавших кокосовые орехи, бананы, лимоны, апельсины, ананасы, плоды хлебного дерева, яблоки, кур и яйца. Беллинсгаузен приказал «под надзором Торсона» закупать все плоды и фрукты и расплачиваться стеклярусом, бисером, зеркальцами, иголками, ножницами возможно щедрее, чтобы каждый островитянин остался доволен своим торгом. В одно из посещений шлюпа «Восток» король острова Помари подарил Торсону, Лескову и другим офицерам отрезы таитянской ткани²⁵.

27 июля моряки простились с Таити. Плывя на север, через четыре дня они открыли остров, который назвали именем М. П. Лазарева. 3 августа лейтенанты Торсон и Лесков, находившиеся на салинге, различили в зрительные трубы поросший лесом берег. Вскоре корабли приблизились еще к одному ранее неизвестному острову, который был назван по имени шлюпа «Восток».

«Над островом,— писал Беллинсгаузен об этом открытии,— непрерывно вилоь бесчисленное множество фрегатов, бакланов, морских ласточек и еще особенного рода, неизвестных мне, черных морских птиц, величиною не более голубя. Как остров не был еще известен, то, вероятно, человеческая нога не приказалась к сему берегу и ни-

что не препятствовало птицам здесь гнездиться... Природа, общая всем материкам, бдительно печется о всех творениях, доставляет сим птицам безопасное место, где они размножаются спокойно, и сей остров предназначен, кажется, в особенный удел морским птицам»²⁶.

Моряки обозрели со шлюпов остров «Восток» и нанесли его на карту. Из-за сильной прибойной волны на берег невозможно было высадиться, хотя Беллинсгаузену хотелось пополнить коллекцию «редкостей» тропических земель Тихого океана.

8 августа экспедиция открыла остров Александра. За недостатком времени на обретенную землю не высаживались. Беллинсгаузен лишь приказал спустить на воду ялик и отправил Торсона с подарками для жителей, которые вышли в океан на своих лодках²⁷.

11 августа суда экспедиции взяли курс на берега Австралии. Спустя восемь дней путешественники открыли два острова, назвав их именами художника Павла Михайлова и профессора астрономии Ивана Симонова.

«Хотя обретенные острова, еще не известных, весьма лестно для каждого мореплавателя и вообще способствует распространению географических сведений,— отмечал Беллинсгаузен,— при всем том, не желая на пути к Порт-Джексона найти на новые приобретения, дабы они нас не задержали, я спешил в сей порт для приготовления шлюпов к настоящей цели нашей, т. е. к плаванию в Южном океане»²⁸.

9 сентября шлюп «Восток» вошел в Джексонский залив. Здесь экспедиция провела более 50 дней, готовясь ко второму, завершающему, этапу плавания в Южнополярной области. Из книги Беллинсгаузена известно, что, находясь в Австралии, Торсон много занимался астрономическими определениями. В частности, он сделал 390 измерений расстояния Луны от Солнца, по которым определил высоту мыса Русских на северном берегу Джексонского залива, найдя ее равной $151^{\circ} 21'$ з. д.

31 октября 1820 г. экспедиция покинула порт Джексон. 17 ноября она находилась у острова Маквария (Маккуори), который к изумлению путешественников радовал глаз великолепной зеленью (на той же широте того же полушария остров Новая Георгия был покрыт вечным льдом). На следующий день Беллинсгаузен, Торсон и художник Михайлов сошли на берег, где посетили австра-

лийских промышленников и пополнили представителями здешней фауны и флоры зоологическую и ботанические коллекции, которые были впоследствии переданы Академии наук²⁹.

2 декабря 1820 г. налетела жестокая буря. «Порывы ветра набегали ужасные, — писал Беллинсгаузен, — волны поднимались в горы... и быстро неслись, море покрылось пеною, воздух наполнился водяными частицами, срывааемыми ветром с вершин валов, и брызги сии, смешиваясь с несущимся снегом, производили чрезвычайную мрачность, и мы далее двадцати пяти сажен ничего не видели. Таково было наше положение при наступлении ночи!»³⁰

К счастью, в это время шлюпы успели покинуть район ледяных островов, среди которых они плавали уже много дней, и вышли в свободное от льдов море. Путешественники впоследствии признавались, что встреча с ледяным островом в такой шторм была бы равносильна гибели.

На следующий день буря продолжалась. Паруса и такелаж покрылись слоем льда, который кусками падал на палубу. Лишь в ночь на 5 декабря ветер стал стихать и можно было надеяться, что опасность миновала. Но спустя две недели шлюпы «Восток» и «Мирный», находясь среди обширных ледяных островов, попали в полосу тумана и снова оказались «в опаснейшем положении». Экспедиции пришлось отступить на север. Беллинсгаузен неоднократно подчеркивает, что он решительно заходил во льды или не убавлял парусов среди льдов, потому что «совершенно надеялся на усердную бдительность вахтенных лейтенантов и проворство служителей»³¹. Каждый день несли свою вахту, управляя шлюпом «Восток», Торсон, Демидов, Игнатьев, Лесков.

31 декабря 1820 г. в пятый раз за второе плавание в Южном Ледовитом океане экспедиция пересекла Южный полярный круг, но была остановлена обширнейшим ледяным полем.

В 3 часа дня путешественники увидели на северо-востоке чернеющее пятно. «Я, — писал Беллинсгаузен, — с первого взгляда узнал, что вижу берег, но офицеры, смотря также в трубы, были разных мнений»³².

Дали знать на шлюп «Мирный», что видят берег. Вскоре сквозь тучи пробился солнечный луч. Он прорезал пасмурность и осветил крутые черные скалы, на которых не было снега. «Невозможно выразить словами радость,

которая явилась на лицах всех при восклицании: «Берег, берег!» — писал Беллинсгаузен. — Восторг сей был не удивителен после долговременного единообразного плаванья в непрерывных гибельных опасностях, между льдами, при снеге, дожде, слякоти и туманах... Ныне обретенный нами берег подавал надежду, что непременно должны быть еще другие берега...»³³.

Лед не позволил высадиться на берег. Прибывший по просьбе Беллинсгаузена лейтенант Лазарев, обозрев берега и мысы, удостоверил руководителя экспедиции, что это не часть материка, а остров, который и называли именем Петра I. Беллинсгаузен отмечает в своей книге, что, если бы было малейшее сомнение, «что сей берег не остров, а составляет только продолжение материка, я непременно осмотрел бы оный подробнее»³⁴.

В солнечный день 17 января 1821 г. путешественники снова на юго-западе увидели землю, к которой не смогли подойти ближе, чем на 40 миль. Перед ними вдалеке лежал берег, над которым возвышалась цепь гор, отчасти покрытых снегом. Открытую землю называли Берегом Александра. Беллинсгаузен в своем труде определенно говорит о том, что «берег обширен или по крайней мере состоит не из той только части, которая находилась пред глазами нашими»³⁵. По определениям моряков, самая высокая часть Берега Александра находилась на $68^{\circ} 43' 20''$ ю. ш. и $73^{\circ} 9' 36''$ в. д. Вероятно, в этих определениях участвовали все офицеры и штурманы экспедиции, в том числе и Торсон.

20 января 1821 г. суда экспедиции взяли курс к берегам Новой Шетландии, известие об открытии которой Беллинсгаузен получил уже в Австралии от русского посла в Португалии барона Тейля. Путешественники хотели удостовериться, «точно ли сей новообретенный берег принадлежит к предполагаемому матерому южному берегу»³⁶.

Спустя пять дней русские приступили к исследованию Новой Шетландии и открыли острова Шишкова, Михайлова, Мордвинова, Рожнова, Тейля, Елены, Смоленск, Бородино, Малый Ярославец, Полоцк, Лейпциг, Ватерлоо. Не обнаружив признаков соединения Новошетландских островов с южным матерым берегом, Беллинсгаузен отдал приказ следовать в Рио-де-Жанейро, куда корабли благополучно прибыли 27 февраля 1821 г.

Здесь Торсон выполнил одно из поручений Беллинсгаузена.

«2 марта при рассвете увидели на рейде небольшой голландский фрегат, который салютовал крепости и флагманскому кораблю,— писал командир шлюпа «Восток».— Я отправил лейтенанта Торсона поздравить капитана с прибытием и предложить мои пособия в случае какой-либо нужды, ибо мы имели всего в изобилии и уже возвращались в Отечество. Лейтенант Торсон донес мне, что сей фрегат короля нидерландского «Адлер» отправлен из Голландии в Батавию и на пути зашел к Рио-Жанейро, чтоб освежить служителей. Командир капитан-лейтенант Даль на предложение лейтенанта Торсона объявил, что у него повреждение в беген-рее; фрегат «Адлер» с шлюпом «Восток» одного размера, а потому я тотчас, без всякой переделки, велел отбуксировать к нему наш беген-рей»³⁷.

Во время стоянки в Рио-де-Жанейро путешественники устроили на Крысьем острове временную обсерваторию. В ней Торсон выполнил 315 астрономических определений для вычисления долготы этого острова³⁸.

Русские путешественники присутствовали на одном из заседаний народного собрания, депутаты которого требовали введения конституции в стране. На следующий день это собрание было разогнано, войска открыли огонь по «волнующейся толпе», при первых выстрелах было убито несколько человек³⁹. Можно предполагать, что движение в Бразилии произвело на будущего декабриста глубокое впечатление. Более того, Торсон по прибытии в Лиссабон, куда экспедиция доставила русского посланника в Португалии Тейля, был свидетелем другого важного события — подписания королем «приготовленной кортесами конституции»⁴⁰.

В 6 часов утра 24 июля 1821 г. шлюпы «Восток» и «Мирный» салютовали Кронштадту. На этом закончилась продолжавшаяся 751 день Первая русская экспедиция к Южному полюсу. Позади осталось 86 475 верст, или, по словам Беллинсгаузена, «в $2\frac{1}{4}$ раза более больших кругов на земном шаре»⁴¹. Уже в первой половине августа 1821 г. все офицеры (в списке вторым, вслед за лейтенантом Игнатьевым, значился Торсон) были награждены орденом св. Владимира 4-й степени. Всем участникам экспедиции «без изъятия» (от денщиков до командиров кораблей) было назначено двойное жалование до тех пор,

«пока в службе находиться будут». В том числе К. П. Торсону было определено 1440 рублей ежегодно к тому окладу, который он получал до сих пор. Все эти награды были выданы за «отличное исполнение порученной... экспедиции в разных морях вокруг света и особливо к Южному полюсу»⁴².

Во всех документах подчеркивались выдающиеся достижения экспедиции к Южному полюсу. Они действительно превзошли ожидания.

Третий лейтенант шлюпа «Восток», Аркадий Лесков, вместе с Торсоном принятый в экспедицию по рекомендации «известных морских капитанов», 21 марта 1823 г. писал начальнику Морского штаба о том, что начало XIX в. ознаменовано для флота счастливыми событиями: «Российские мореходцы неоднократно обтекали земной шар и первые разрешили важный вопрос, открыв землю под 70 градусом южной широты, о существовании которой после путешествия Кука перестали уже думать»⁴³.

Первая русская экспедиция не только открыла ледяной материк, но исследовала и картировала на значительном протяжении антарктический ледяной барьер уже в первые недели южнополярного плавания. Особенно примечательно, что перед завершением плавания Беллинсгаузен пришел к выводу о том, что ледяной материк по мере приближения к Южному полюсу принимает вид отлогих гор, что стужа в более южных местах увеличивается и всегдашние морозы способствуют образованию льда из снега.

Матерый лед, по мнению Беллинсгаузена, «идет через полюс и должен быть неподвижен, касаясь местами мелководий или островов, подобных острову Петра I, которые, несомненно, находятся в более южных широтах и прилежат также берегу, существующему (по мнению нашему) вблизи той широты и долготы, в коей мы встретили морских ласточек»⁴⁴.

Признаки берега (не ледяного, а в виде земли) участники экспедиции отмечали неоднократно, и в большинстве тех мест находились немногие оазисы, которые не покрывал антарктический материковый лед.

Открытие ледяного материка было важнейшим, но не последним открытием Первой русской экспедиции к Южному полюсу. Ею было обретено 20 островов в тропическом поясе Тихого океана, остров Петра I и Земля Алек-

сандра в Южном Ледовитом океане и восемь островов «в южном умеренном поясе» (в их числе остров Торсона).

По словам декабриста Владимира Романова, экспедиция к Южному полюсу принесла России славу, которой она всегда будет гордиться. Она обогатила географию новыми открытиями «и, сделав множество полезных наблюдений, поставила имя Беллингаузена наряду с именами знатнейших мореходцев»⁴⁵.

Наблюдения, выполненные экспедицией, открывали эпоху более полного познания физических явлений, происходящих на земном шаре. Проведение одновременных метеорологических и магнитных наблюдений, начало которым было положено экспедициями к полюсам, во второй четверти XIX в. получает широкое развитие. Сначала в нем участвуют отдельные ученые и полярные исследователи (со стороны России И. М. Симонов, Ф. П. Врангель, А. Я. Купфер, М. Ф. Рейнеке и др.). Затем магнитно-метеорологическое сотрудничество становится частью межгосударственных отношений. С 40-х годов в него включаются магнитные и метеорологические обсерватории России, которые ведут на пространстве от Петербурга до Ситхи одновременные согласованные с английской антарктической экспедицией Джемса Росса наблюдения. В дальнейшем этот принцип будет положен в основу целого ряда международных программ научных наблюдений, в том числе программ 1-го и 2-го международного полярного года. Так, в 1819—1821 гг. Россия стала родиной одновременных географических и геофизических наблюдений, охвативших Мировой океан от Чукотского моря до берегов ледяного материка.

Экспедицией были составлены карты новооткрытых островов и берегов, в том числе Южного Ледовитого океана с очертаниями отдельных участков ледяного барьера Антарктического континента. В составлении этих карт участвовали и офицеры «Востока». Карты поражают и по сей день своей исключительной точностью и достоверностью. Это достоинство их не случайно. Они были основаны на многократно повторенных астрономических определениях.

Через несколько месяцев после возвращения из плавания начальник Морского штаба А. В. Моллер письменно предложил Адмиралтейств-коллегии направить Торсона из Кронштадта в Петербург, поскольку «он нужен

здесь для окончания дел по вояжу к Южному полюсу»⁴⁶. Этот только что обнаруженный нами документ неоспоримо свидетельствует о том, что Торсон наряду с командирами кораблей Ф. Ф. Беллинсгаузеном и М. П. Лазаревым принимал участие в оформлении отчетов, карт и материалов Первой русской экспедиции к Южному полюсу. После «окончания дел по вояжу» Торсон получил еще более важное поручение. 30 октября 1822 г. по приказанию Моллера Торсон окончательно откомандирован в Петербург для «занятия составлением записок Южной экспедиции»⁴⁷.

А затем начальник Морского штаба намеревался поручить Торсону «ученую экспедицию к Северному полюсу»⁴⁸, о чем подробнее будет рассказано в следующем разделе книги.

К сожалению, судьба записок о плавании к Южному полюсу, которые составлял Торсон, неизвестна. Не удалось обнаружить документов о представлении их в Адмиралтейский департамент. Возможно, ко времени восстания на Сенатской площади они оставались незаконченными и были уничтожены после 14 декабря 1825 г. Достоверно только известно, что в Сибири Торсон составил в «литературно отделанной форме воспоминания о плавании к Южному полюсу». Однако опубликовать их, как и другие сочинения, декабристу не удалось⁴⁹.

После смерти К. П. Торсона (1851) его сестра, находившаяся в Селенгинске, через генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева отправила в Петербург в III отделение два тюка рукописей брата, которые большей частью содержали проекты «об улучшении мореходства».

III отделение, найдя, что сочинения Торсона «небрежно написаны» и не представляют «одного целого», отправило их обратно с тем, чтобы родственники привели их в порядок и переписали⁵⁰. Но переписать два тюка рукописей, среди которых находились описание путешествия к Южному полюсу и труд «Опыт натуральной философии о мироздании», в селенгинских условиях и при отсутствии средств было слишком сложно и, пожалуй, невозможно. Впоследствии архив К. П. Торсона был передан декабристу А. Е. Розену, но, судя по письму его к Е. П. Оболенскому от 21 января 1859 г., записок о плавании к Южному полюсу среди разбираемых им бумаг уже не было⁵¹.

Будем надеяться, что дальнейшие поиски позволят пролить свет на судьбу воспоминаний о путешествии в Антарктику и «Опыта натуральной философии о мироздании», находка которых, несомненно, представляла бы исключительный интерес для истории отечественного естествознания и русского общественного движения. Во всяком случае, даже те скромные данные о деятельности Торсона как естествоиспытателя, которые добыты исследователями на сегодняшний день, говорят о том, что в его лице отечественная география имела одаренного исследователя.

Поиски Северо-Западного прохода

Блестящее завершение Первой русской кругосветной экспедиции воодушевило русских исследователей на поиски Северо-Западного прохода из Тихого в Атлантический океан. После неудачного плавания в 1778—1779 гг. Джемса Кука и его спутников из Тихого океана на север стали все чаще и чаще высказываться предположения, что море к северу от Берингова пролива всего лишь залив, образованный перешейком, соединяющим два материка. Плавание Дежнева из Колымы вокруг Чукотского полуострова в Тихий океан английскими моряками было поставлено под сомнение. Предпринятая в 1787 г. Северо-Восточной экспедицией попытка пройти морем из Колымы в Тихий океан окончилась неудачей. Побережье между Шелагским и Северным мысом в начале XIX в. еще не было исследовано. Некоторые моряки считали, что именно здесь берет свое начало перешеек между двумя континентами.

Спустя четыре года после возвращения в Кронштадт русских кораблей из первого кругосветного плавания И. Ф. Крузенштерн и государственный канцлер Н. П. Румянцев начали обсуждение задач Первой русской экспедиции для поисков морского пути из Тихого океана в Атлантику вдоль северных берегов Америки. Осуществление их планов было отодвинуто нашествием Наполеона на Россию. Но уже через несколько месяцев после освобождения Отечества от французских войск Румянцев решил осуществить на свои средства ученое предприятие, которое по его замыслу должно было способствовать укреплению позиций России на Американском континенте. Руко-

водителем экспедиции и командиром корабля «Рюрик» был назначен лейтенант Отто Коцебу, участвовавший в первом русском кругосветном плавании. Встретившись с Николаем Бестужевым в Кронштадте, он пригласил будущего декабриста сопутствовать ему в предстоящем вояже. Затем прислал Николаю Бестужеву письмо, в котором повторял свое приглашение.

«Милостивый государь Отто Августович! — отвечал Николай Бестужев лейтенанту Коцебу. — Получа Ваше письмо, спешу охотно подтвердить данное мною слово служить с вами на бриге «Рюрике» и, вручая Вам судьбу мою, поздравить как Вас, так и себя со счастливым началом преднамереваемого. Я признаюсь, что весьма нетерпеливо ожидал Вашего о том извещения и теперь совершенно начинаю предаваться моей радости, что буду в состоянии вырваться из сего бездействия, меня удручающего, и что сим случаем буду в состоянии стать на вид по дороге службы. Одно желание остается у меня то, чтобы оправдать хорошее мнение моих начальников и службою своею заплатить за выбор из среды многих моих товарищей.

Одно только меня беспокоит, что здесь не очень выгодные слухи для графа Румянцева, на счет упадка милости к нему царской; но оное думаю происходит более от мнения тех людей, кои не расположены к графу, нежели от истинного положения дел. За всем сим я боюсь, чтоб оное не было со временнем справедливо и тем самым не попрепятствовало исполнению нашего желания; простите меня, что я так искренен, я сообщаю страхи свои, потому что боюсь препятствий.

Я бы желал иметь надлежащее понятие о том, что мы предпринимаем учинить, и хотя мы с Вами о сем говорили, но разговор сей был вскользь и столь кратковременен, что я не имел случая в оном распространиться и теперь останавливаюсь только на химерическом предприятии графа отыскать Берингов пролив. Скажите, каким образом мы к оному пройдем: по Северному океану мимо Белого моря или, совершив окружное путешествие, зайдем с другой стороны. Оное покушение составляет ли всю цель нашего путешествия или нам предложат иные какие-нибудь открытия?

Я смею надеяться, что Вы не оставите меня ответом как на сии вопросы, так и Вашим мнением о тех слухах,

кои могут иметь действие на предприятие наше... Остаюсь навсегда покорнейшим Вашим слугою.

Н. Бестужев»⁵²

Неизвестно, какие причины помешали Николаю Бестужеву принять участие в предстоящем плавании. Но документально известно, что он продолжал проявлять интерес к этой проблеме до декабрьских событий 1825 г. Поиски Северного прохода привлекли внимание и Кондратия Рылеева, и Александра Корниловича, и в особенности Владимира Романова. Известно также, что Федор Глинка был переводчиком и редактором трехтомного труда Отто Коцебу «Путешествие в Южный океан и Берингов пролив для отыскания Северо-Восточного морского прохода».

Вслед за плаванием брига «Рюрик», во время которого были добыты важные доказательства в пользу существования Северного прохода из Тихого в Атлантический океан, в 1819 г. была отправлена грандиозная экспедиция к Южному полюсу и в Берингов пролив. Северному ее отряду в составе судов «Открытие» и «Благонамеренный» под командованием М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева было поручено «употребить всемерное старание к разрешению великого вопроса касательно направления берегов и прохода в сей части нашего полушария». Одновременно на северо-восток Сибири была послана экспедиция для поисков и описи северных земель в составе Колымского и Янского отрядов под начальством лейтенантов Ф. П. Врангеля и П. Ф. Анжу, которым предстояло искать Северную матерую землю, описать северное побережье от реки Оленек до Северного мыса (ныне мыс Шмидта) и проверить, соединяется ли Азия с Америкой перешейком. Суда экспедиции М. Н. Васильева проникли значительно дальше к северу от Берингова пролива, чем это удалось кораблям Джемса Кука, на что одним из первых обратил внимание декабрист Корнилович. Находясь в районе Ледяного мыса, русские моряки установили наличие сильных течений, направленных к востоку, что, по мнению И. Ф. Крузенштерна, являлось неоспоримым доказательством свободного сообщения между Тихим и Атлантическим океанами. Однако положение северного берега Чукотки по-прежнему оставалось неясным, и вопрос о существовании Северного прохода современники не считали окончательно решенным.

В таком состоянии находилась эта проблема, когда она привлекла внимание Владимира Павловича Романова. Интерес к географическим исследованиям у будущего члена Северного общества, как и у большинства морских офицеров, проявился рано, возможно, еще в стенах Морского кадетского корпуса.

В 1818 г. Романов был назначен в плавание на фрегате «Проворный» к берегам Испании. Офицерам вменялось в обязанность замечать все новое и полезное, что может послужить на пользу географии и мореплавания. По окончании суток они должны были «означать как считае-мый, так и по астрономическим наблюдениям определен-ный пункт»⁵³. Экспедиция была снабжена картами морей, через которые предстояло плыть фрегату «Проворный». Офицерам надлежало как можно больше «брать пеленгов видимых берегов», чтобы выявить как несходство, так и наибольшую достоверность карт. Одновременно следовало собирать сведения о ветрах, приливах, вести магнитные наблюдения, записывая их в журнал.

«Наконец,— говорилось в инструкции,— чтоб по возвращении Вашем можно было составить любопытное и полезное повествование, не оставляйте без замечания ничего, что случится Вам видеть что-нибудь нового, полезного или любопытного, не только относящегося к морскому искусству, но и вообще служащего к распространению познаний человеческих во всех частях»⁵⁴.

Плаванием на фрегате «Проворный» началась деятельность Романова как географа. Он вернулся в Кронштадт с записками об Испании, отрывки из которых были опубликованы во второй части «Отечественных записок» за 1820 г. Они посвящены описанию города Кадикса, его жителей, их одежды, занятий, развлечений, нравов. В них содержится много интересных наблюдений этнографического характера.

Записки увидели свет, когда Владимир Романов плыл на корабле «Кутузов» из Кронштадта к берегам Русской Америки. Он посетил многие русские поселения на севере Тихого океана, собрал сведения об островах, их первооткрывателях, о северо-западных берегах Америки и жителях этих мест — индейцах племени калошей.

К сожалению, до нашего времени дошел лишь единственный отрывок из «Путешествия» Романова. Он был опубликован в 1825 г. в журнале «Северный архив», на

страницах которого печатались многие декабристы. Он носит название «О колюжах или калошах вообще» и посвящен описанию хозяйства и обрядов одного из индейских племен, обитавшего на северо-западном берегу Русской Америки. Романов отмечает, что хотя русские давно ведут промыслы в северной части Тихого океана, но «первые путешественники не имели способов» собрать сведения о калошах (колюжах).

«Колюжи,— пишет Романов,— росту среднего, взгляд моложавый, волосы черные, жесткие и прямые, губы несколько толстоватые, тело смуглое. Раскрашивание лиц почитается у них главным щегольством. Кроме сего, накидывают они на плечи четырехугольный лоскут сукна или лосины, а головы пудрят орлиным пухом»⁵⁵.

Романов отмечает храбрость индейцев и восхищается тем, что они с детства приучают себя стоически переносить холод и боль и могут даже при морозах ходить босыми. Особенно искусны калоши в изготовлении лодок-однодеревок, которые могут поднимать до 50 человек. В то же время они великолепные резчики по дереву и рисовальщики⁵⁶.

Одним из первых с заметками Романова познакомился Николай Бестужев, о чем известно из следственного дела декабриста. «До 1823 года,— отвечал Романов на вопросы следственной комиссии,— с Николаем Бестужевым был так только знаком, как и со всеми служащими офицерами в одном порте; в начале того года вознамерился подать прожекты насчет описи в Северной нашей Америке, прибежал к нему как человеку, известному по литературе; он охотно согласился их поправить; и, увидя у меня записки о некоторых странах и народах, где я бывал, стал уговаривать, чтоб я их издал в свет, обещая их исправить»⁵⁷.

Однако Романов не успел до восстания на Сенатской площади опубликовать описание своего кругосветного путешествия. Судьба его рукописи неизвестна. Возможно, она была уничтожена вместе с другими бумагами декабриста. Удалось лишь отыскать (среди бумаг издателя Павла Свиньина) небольшую статью, посвященную островам Павла и Георгия⁵⁸, которые приносили ежегодно Российско-Американской компании доход около 1250 тыс. руб., и о всеми забытом их первооткрывателе штурмане Прибылове, «окончившем дни свои, имея только хлеб насущный»⁵⁹.

Собирая сведения относительно стран и народов, подвластных России в Америке, Романов особенно заинтересовался рекой Медной, которая вытекала из «каменных гор» и впадала в океан севернее горы Св. Ильи, примерно под 60° с. ш. и 140° з. д. На ее берегах обитало миролюбивое индейское племя, «называемое угалахмютами». Вблизи устья реки Медной располагались два острова Сукли и Нучик. На последнем находилась фактория Российско-Американской компании. Компания уже дважды предпринимала попытки исследовать реку Медную. Так, управляющим Барановым был послан вверх по реке промышленник Баженов. Ему удалось, по его расчетам, подняться примерно на 300 верст. Он нашел там медную руду (вероятно, благодаря ее залежам река и получила свое название).

Кроме того, Баженов принес сведения о том, что в Медную впадает река (Тлышитна), которая более удобна для плавания и берет свое начало из озера. Однако Баженов не смог составить карту Медной. Спустя несколько лет в тех местах побывал штурман Климовский. Он поднялся на 200 верст вверх по реке и доставил, по словам Романова, следующие сведения: «Река Медная течет между берегами, лесом покрытыми, для большого судоходства не способна, однако же для сообщений может быть выгодна, при устье обитаема угалахмютами, за которыми у подошвы гор живут атнахмюты (т. е. люди медного поколения), народ также миролюбивый; что в продолжении зимы собираются к сим многие отдаленные племена других индейцев, живущих за горами, на игрища, на которых проводят несколько месяцев, меняя товары своих земель атнахмютам, от коих получают взамен безделки, достающиеся им от угалахмютов, а сим от русских; между вещами, полученными сим промышленником, привезенные образчики меди доказывают превосходство и богатство руды, находящейся большим числом на поверхности земли в самородном виде; сверх сего привез он несколько английских фальшивых гиней, которые занесены были к атнахмютам другими отдаленными племенами на игрища, выменены на разные вещи. Сии гиней не иначе могли попасть к ним, как из Гудзонского залива от Гудзонской компании, а сие самое подает повод думать о возможности сообщения между Гудзонским заливом и Медною рекою»⁶⁰.

Так зародился у Романова проект экспедиции на север Русской Америки «из Медной реки с двойкою целью: первая — для удостоверения, соединяется ли Азия с Америкой; вторая — для открытия сообщения Американской компании с Гудзонскою».

Находясь в Новоархангельске, Романов часто встречался с правителем русских владений в Америке Матвеем Ивановичем Муравьевым, который под командой Василия Михайловича Головкина участвовал в кругосветном плавании на шлюпе «Камчатка» в 1817—1819 гг. Будущий декабрист поделился с Муравьевым своими мыслями по поводу желательности посылки экспедиции для описи реки Медной и северного побережья Америки. Муравьев восторженно отнесся к планам Романова, предложил ему остаться в Америке и приступить к осуществлению своих интересных планов. Но Романов не мог оставить свой корабль, так как на нем, кроме капитана, было всего лишь два офицера. Он не хотел ставить в тяжелое положение своих товарищей по кругосветному плаванию и вернулся осенью 1822 г. в Кронштадт.

22 декабря 1822 г. Романов послал письмо начальнику Морского штаба А. В. Моллеру. «Любовь к наукам и пламенное желание пользы и славы Отечества моего,— писал он,— заставили меня во время путешествия кругом света на корабле «Кутузове», Российско-Американской компании принадлежащем, собрать сведения относительно стран и народов, подвластных России в Америке. Вследствие таковых с моей стороны розысканий Медная река представилась мне удобнейшим местом для совершения по ней экспедиции, могущей послужить к распространению географических познаний и торговых выгод Отечества нашего. Прилагая при сем предначертие сей экспедиции, осмелюсь просить Вашего превосходительства дабы благоволили приказать исследовать, заслуживает ли сие предположение вероятия и внимания»⁶¹. К письму был приложен проект «экспедиции от реки Медной по сухому пути до Ледовитого моря и до Гудзонского залива».

Владимир Романов писал в своем проекте: «Деятнадцатое столетие, распространяя науки и полезные познания в Европе, отличается особенным направлением, данным географическим изысканиям. Не говоря о других державах, приобретающих в наше время новые сведения о неведомых дотоле странах света, Россия в продолжение

последнего двадцатилетия сделала важные открытия по части географической, но общее стремление умов, общие напряжения мореходцев всех стран до сих пор оставляют важнейший вопрос нерешенным, соединяется ли материк Азии с Америкой или море разделяет их. Непреодолимые трудности, испытанные англичанами в покушениях на море решить сию задачу, хотя и показали невозможность сих морских предприятий, но со всем тем Парри отправлен снова, однако же благоразумие и опытность внушили англичанам новое средство: для решения сего самого важного вопроса послать берегом оттуда же лейтенанта Франклина, и, кажется, от предприятия сего последнего можно надеяться большего успеха»⁶².

Действительно, честь решения важнейшей географической проблемы оспаривали моряки и ученые двух сильнейших держав мира — России и Англии.

В тот самый 1818 г., когда бриг «Рюрик» после трехлетнего плавания доставил науке доказательства в пользу существования Северо-Западного прохода, на его поиски английским правительством были посланы корабли под начальством Джона Росса и Давида Бьюкенена. Затем в 1819 и 1820—1821 гг. с той же целью был отправлен Эдуард Парри, он обследовал значительные пространства Баффиновой Земли, но главной задачи не решил. Кроме того, в 1821 г. началось сухопутное путешествие Джона Франклина, который намеревался из устья реки Коппермайн проникнуть к устью реки Маккензи.

Словом, к 1822 г. вопрос о существовании Северо-Западного прохода не был окончательно решен ни русскими, ни английскими исследователями, как и оставалась неотвергнутой гипотеза о существовании перешейка между Азией и Америкой (одним из авторов ее был спутник Джемса Кука капитан Джемс Бурней).

Романов считал, что российские владения в Северной Америке и, в частности, река Медная с ее притоками открывают большие возможности для осуществления сухопутной экспедиции. Она должна была состоять из 16 человек: двух морских офицеров, 12 матросов, одного учено-естествоиспытателя и одного художника. Ее участников следовало либо отправить морем на одном из судов, которые ежегодно посылались из Кронштадта в северную часть Тихого океана, либо по сухопутью из Петербурга через Сибирь в Охотск, а оттуда уже отплыть на судах

Российско-Американской компании к устью Медной реки. Экспедиция должна была продолжаться не менее двух лет. В первое лето Романов предполагал исследовать район горы Св. Ильи и удалиться в глубь материка до владений индейского племени атнахмютов, где можно было провести зиму и познакомиться с другими племенами, которые, как было известно, приходили к атнахмютам на игрища. «При помощи сих знакомств следующей весною отправиться для открытий, предоставляя начальствующему экспедициею избрать способ путешествий,— писал Романов.— Первое предприятие может состоять в достижении до берегов Ледовитого моря, потом берегами оного до Мекензиева пути, который приведет в Гудзонский залив; второе, ежели правительству угодно будет, чтоб экспедиция, достигнув берегов сего залива, пошла обратно на западной берег Америки, тогда усилия оной будут состоять в открытии сообщения между Гудзонским заливом и Медной рекой, что, вероятно, будет легче первого и доставит немаловажные выгоды для торговли российской, учредив сношение между двумя компаниями — Российско-Американской и Гудзонской, и вместе с сим распространит коммерцию нашего Отечества. Ежели мыс Доброй Надежды и Новая Голландия обратили внимание Англии, то северо-западная часть Америки заслуживает таковое же внимание от нашего правительства по пользе, которой можно ожидать от богатой страны, изобилующей богатыми пушными товарами, медью и, легко статья, в недрах тамошних земель заключаются серебряные руды»⁶³.

Проект Романова интересен не только оригинальным направлением поисков сообщения между Тихим и Атлантическим океанами, но и глубоким пониманием важности укрепления позиций России в Русской Америке. По его мнению, в тех условиях, когда Англия всемерно усиливала свое влияние на юге Африканского континента и в далекой Австралии, русское правительство обязано было обратить не меньшее внимание на север Американского континента с его пушными и рудными богатствами.

23 декабря 1823 г. проект Романова был направлен А. В. Моллером в Адмиралтейский департамент, который в свою очередь отослал его в Главное правление Российско-Американской компании с просьбой уведомить, «какие сведения имеет компания о том крае, где лейтенант Романов предполагает делать исследования и розыскания,

равно каких пособий можно ожидать при сем случае от Американской компании, которой колонии находятся в этих местах»⁶⁴.

Проект Романова в компании был встречен без энтузиазма. Ее директора Булдаков, Крамер и Северин не были заинтересованы в установлении торговых отношений с Гудзонской компанией, полагая, что проникновение русских экспедиций до Гудзонова залива не принесет никакой пользы, «кроме географических познаний». Что касается интересов Российско-Американской компании в исследовании внутренних областей Аляски и северного побережья Америки, то о них-де заботился управляющий Русской Америкой капитан Муравьев — тот самый Муравьев, который предлагал Романову остаться в Америке и возглавить экспедицию для исследования Медной реки и северного побережья до Гудзонова залива.

Действительно, в 1821 г. по заданию капитана Муравьева были посланы два судна для исследований северо-западных и северных берегов Америки. Одним командовал мичман Хромченко, вместе с Отто Коцебу участвовавший в экспедиции на «Рюрике» по отысканию Северо-Западного морского прохода. Командование вторым судном было поручено штурману Этолину. Эта экспедиция успешно справилась с возложенными на нее поручениями, но она занималась исследовательскими работами в районе Берингова пролива, на расстоянии многих сотен верст от тех мест, куда предлагал Романов снарядить сухопутную экспедицию.

Однако это обстоятельство было использовано в качестве предлога для отклонения проекта Романова, так как он якобы «почти уже выполняется, хотя и не с торопливостью, но с должным, по местным обстоятельствам, вниманием и прилежанием...»⁶⁵

«Управляющий колониями флота капитан-лейтенант Муравьев,— отвечало Главное правление компании Адмиралтейскому департаменту,— в последних своих депешах уверяет, что после тех исследований он отправляет опять морскую экспедицию, чтоб сделать еще опыт и внутри земли, к чему и избрал он из помянутых мореходов Этолина, как единственного человека по усердию, терпению и охоте к таковым исследованиям. Должно надеяться, что г. Муравьев тем еще не удовольствуется и будет составлять впоследствии времени отряды для дальнейших ис-

следований, чем сугубо пополнятся географические познания»⁶⁶.

Этот отказ подписали «первенствующий» директор и кавалер Михайло Булдаков, директор Венедикт Крамер, директор Андрей Северин и правитель канцелярии Зеленский.

Адмиралтейский департамент согласился с заключением Главного правления Российско-Американской компании о том, что нет необходимости «посылать в тот край особую экспедицию»⁶⁷.

Однако Романов не прекратил своих попыток добиться осуществления своего замысла. 8 февраля 1823 г., спустя две недели после того, как было принято решение об отправлении в кругосветное плавание шлюпа «Предприятие» под командой О. Е. Коцебу, В. П. Романов представил А. В. Моллеру «Предначертание экспедиции для описи берега Америки между Ледяным мысом и Мекензиевою рекою». Он писал А. В. Моллеру, что исполнение ранее предложенного им проекта сухопутной экспедиции на север Америки от реки Медной до Ледовитого океана и Гудзонова залива взяла на себя Российско-Американская компания. Выражая сомнение в том, что его первое «Предначертание» будет осуществлено, он представляет предложение о завершении описи северного берега Америки, которое составил с ревностной мыслью о «пользе географических открытий и славе Отечества нашего». Если его проект будет одобрен, то предлагаемую им экспедицию можно было бы «соединить с экспедицией капитана Коцебу и отправить на судне, которое отправляется под его начальством в Камчатку»⁶⁸.

В первых строках проекта Романов обращает внимание на тот факт, что северный берег Америки, прилежащий к Атлантическому океану, уже описан английскими путешественниками. Джону Франклину удалось достигнуть по сухому пути реки Маккензи. Что касается северного побережья Америки, расположенного от этой реки на восток от Берингова пролива, то его исследованием занимались экспедиции Кука, Коцебу и Васильева, который проник к северу дальше английских мореплавателей, но, как и его предшественники, был остановлен непроходимыми льдами за Ледяным мысом. Все это, по мнению Романова, доказывало невозможность описать с моря побережье Америки между Ледяным мысом и рекой Маккен-

зи по причине скопления в этом районе тяжелых льдов.

«Вследствие такой невозможности, — продолжает В. П. Романов, — берег сей остается неописанным донныне и судьба как бы нарочно хранит славу сего описания для имени русского. Конечно, Россия таковыми открытиями не приобретает выгод, имеющих влияние на торговлю, но стоя уже на первой ступени государств образованных, берет участие в общем деле географических открытий на пользу всего человечества»⁶⁹.

И хотя Романов не видит в своей экспедиции пользы для русской коммерции, он снова подчеркивает ее внешнеполитическую важность. Он напоминает о том, что Англия и Франция ежегодно шлют экспедиции во внутренние районы Африки, что Россия в свою очередь исследует под руководством академика Г. И. Лангсдорфа Бразилию и Патагонию до Огненной Земли. И в это же время в пределах ее владений остается неисследованной обширная область Севера Америки.

Если будет одобрен проект предложенных им географических исследований, то экспедиция, прибыв на Камчатку, отправится на север либо на боте, либо на шхуне («Св. Николай»), недавно купленной в Маниле для Петропавловского порта.

Вероятно, проект написан Романовым после беседы с И. Ф. Крузенштерном, который, как видно из следственного дела, одобрял его намерения⁷⁰, что придавало Романову уверенность в выполнении волновавших его задач. Он писал во втором проекте, что состав и время действий предлагаемой экспедиции будут зависеть от совета просвещенных «мореходцев наших, опытностью и познаниями известных всем свету»⁷¹. Безусловно, он имел в виду прежде всего И. К. Крузенштерна. Однако предложение Романова было оставлено без внимания, очевидно, потому, что шлюп «Предприятие» в сопровождении еще одного военного судна предполагалось послать в Северный Ледовитый океан как раз для решения задач, поставленных Романовым.

Одновременно с Романовым записку о поисках Северо-Западного прохода и исследовании северных берегов Америки представил участник плавания к Южному полюсу Аркадий Лесков. Она была доведена до сведения А. В. Моллера, который на докладе сделал помету: «Проект одного офицера Романова находится еще на рассмот-

рени. Впрочем, иметь в виду сего офицера, буде проект апробуется»⁷².

Эта помета свидетельствует, что Романову удалось в какой-то степени привлечь внимание Морского ведомства к своим «Предначертаниям». Во всяком случае некоторые из высказанных им предложений вошли в совместную записку И. Ф. Крузенштерна, Г. А. Сарычева, В. М. Головнина, предложивших включить в проект инструкции экспедиции на шлюпе «Предприятие» пункт, который разрешал бы ее руководителю О. Е. Коцебу следовать в Берингов пролив для ученых исследований. Одновременно по прибытии на Камчатку О. Е. Коцебу должен был осмотреть купленную в Маниле шхуну «Св. Николай», о которой упоминает Романов в своем втором проекте. Если она окажется пригодной к плаванию в полярных водах, то Коцебу должно быть разрешено укомплектовать ее экипаж и под командованием искусного офицера послать «с нужным наставлением к северу для исследований по ученой части»⁷³.

Однако спустя несколько недель этот пункт, уже утвержденный начальником Морского штаба, был им же отменен. Романову пришлось остаться в Кронштадте. Он решил опубликовать свои проекты⁷⁴, заново переработав их. Вопрос о соединении Азии и Америки перешейком Романов исключил, поскольку к этому времени Врангелем было окончательно установлено, что все северное побережье Евразии омывает море, и тем самым было доказано, что Северный проход существует. Оставалось картировать северное побережье Русской Америки, что, по мнению исследователя, должно было принести пользу географии и славу России⁷⁵.

Но раньше, чем «Предначертание» путешествия появилось в «Московском телеграфе» и «Северном архиве», в правлении Российско-Американской компании произошли изменения. Сменились директора, и управление делами компании было поручено одному из руководителей Северного общества декабристов, Кондратию Федоровичу Рылееву. Разбирая бумаги компании, он обнаружил проект Романова. Тщательно изучив его, Рылеев пришел к выводу, что «от выполнения оного принесется компании не только слава, что первые русские рассмотрят тот край, ибо ни одна европейская нога не была в оном, но и польза, что заведется сношение с Гудзонскою компани-

сю, а может быть, еще откроется новая ветвь промышленности»⁷⁶.

Вскоре Рылеев встретился с Романовым на обеде у директора компании Ивана Васильевича Прокофьева, под гостеприимным кровом которого довольно часто собирались декабристы для обсуждения дел тайного общества. Рылеев обещал Романову убедить директоров компании послать экспедицию для описи северных берегов Русской Америки. Спустя некоторое время он сообщил своему новому товарищу о существовании тайного общества и посвятил в его задачи.

Летом 1825 г. Романов был вынужден по семейным делам уехать из Петербурга в Херсонскую губернию. С согласия Прокофьева он взял у Рылеева «кипу бумаг из дел компании о том крае, где думал произвести экспедицию, чтобы лучше рассмотреть и размыслить, и просил у него, чтобы он уведомил, когда компания согласна будет»⁷⁷.

В середине августа исследователь послал из Херсона письмо Рылееву, в котором оповещал, что компанейские бумаги он оставил у Николая Бестужева. Через два месяца Рылеев ответил. Он интересовался, когда Романов вернется в Петербург, и просил прислать какие-либо статьи для «Соревнователя просвещения».

Владимир Павлович Романов сообщал, что ждет от своего товарища известий и готов оставить все дела для службы компании. Он просил Рылеева «за делами по случаю смены главных правителей в Америке» не забыть уведомить его о судьбе проекта исследования реки Медной и поисков морского пути из Тихого океана в Атлантический. Романова интересовала судьба его проекта описания северного побережья русских владений в Америке. Однако этого письма по неизвестной причине Рылеев не получил.

Вскоре же произошли события, которые заставили В. П. Романова вновь напомнить о себе. Умер император Александр I. Возникла ситуация, которую ждали декабристы для начала активных действий против царского правительства. 6 декабря 1825 г. В. П. Романов писал Рылееву:

«Вскоре после отправления последнего письма к Вам, почтеннейший Кондратий Федорович, поражены были печалью, узнавши о смерти нашего царя, многие пролива-

ли слезы сожаления, а на сих днях обрадованы были, узнав о восшествии на престол Константина Павловича, который, верно, поддержит правление своего брата и пойдет по следам Бабушки.

В том письме просил Вас известить меня, нету ли каких препоручений у Вас на Севере, т. е. посылка к полюсу или для описания Северной нашей Америки, а я на все готов, а ежели нету, то хоть на Юге, во вновь учреждаемой компании, а я желаю быть полезным и исполнять все, что будет препоручено от Вашей компании, и найдете готового, душевно Вам преданного Владимира Романова.

Мысли мои и стремление к полезному все те же, какие были, как в последний раз мы с Вами рассуждали»⁷⁸.

Некоторые исследователи полагают, что просьба Романова о «препоручениях на Севере» касается его участия в Северном обществе. Нам представляется, что подобное толкование не совсем правильно. Правда, упоминание в письме о Севере и Юге вызывает невольную аналогию с Северным и Южным обществами декабристов. Но сходство здесь чисто внешнее. В последней части письма речь идет не о планах декабристов, а о проекте полярных исследований в Русской Америке. Беспokoясь о его судьбе, Романов одновременно с напоминанием Рылееву послал письмо директору Российско-Американской компании Прокофьеву, о чем имеется показание автора письма в материалах следственной комиссии⁷⁹.

Что касается дел и задач тайного общества, то намек на них надо искать в первой части письма Романова к Рылееву. В этих кажущихся на первый взгляд безобидными строках о смерти императора Александра I и воцарении Константина и содержится вопрос Романова: «Что же делать дальше?» Этот разговор между строк был замечен следователями по делу декабристов, в руках которых оказалось это письмо. Они не могли пройти мимо красноречивой приписки в конце его, где декабрист еще раз подтверждает свою верность идеалам тайного общества. Не проекты же Романова о полярных исследованиях в Русской Америке привлекли в письме внимание Николая I, который собственноручно написал на нем: «Надо послать приказание губернатору его выслать сюда, а бумаги запечатать»⁸⁰.

Однако о предстоящем аресте декабрист узнал раньше, чем к нему явились жандармы. Все документы, которые свидетельствовали о принадлежности Романова к тайному обществу, были уничтожены его сестрой⁸¹. Ни одной улики, кроме письма к Рылееву, не попало в распоряжение следственной комиссии.

Романов был арестован и 26 февраля 1826 г. доставлен в Петропавловскую крепость. На первых допросах в следственной комиссии он отрицал свою принадлежность к Северному обществу. Однако он и не подозревал о том, что еще в начале февраля комиссии стало известно о его готовности «когда будет нужно принять участие в исполнении цели, предположенной обществом...»⁸²

Романов вынужден был признаться, что знал о существовании Северного и Южного обществ и что имел поручение «разглашать повсюду о необходимости введения конституции»⁸³.

От каторжных работ и ссылки в Сибирь Романова, вероятно, спасли показания Александра и Николая Бестужевых, старавшихся не давать в руки следственной комиссии свидетельств против своих товарищей. По окончании следствия Николай I приказал: «Продержать Романова еще три месяца в крепости, отправить на службу в Черноморский флот и ежемесячно доносить о поведении»⁸⁴.

Романов, высланный своими судьями к Черному морю, не утратил интереса к исследованию Севера. В 1829 г. в «Отечественных записках» появилась анонимная статья «Предположение об описи Ледовитого моря на нартах». Примечание к ней по просьбе редакции журнала написал Владимир Романов. В этом проекте исследования северного побережья Русской Америки были подробно рассмотрены вопросы снаряжения сухопутной экспедиции, укомплектования ее нартами и упряжками, кормом для собак и продовольствием для самих путешественников.

Привлечение опального исследователя⁸⁵ к комментированию проекта сухопутной полярной экспедиции свидетельствует о большом его авторитете в делах исследования Севера.

Его замечания обнаруживают глубокое знание и проникновение во все детали снаряжения арктических экспедиций. Он находит, что автором проекта занижена ежедневная порция сухарей на человека, и пред-

лагает ее увеличить до одного фунта в день, так как от обеспеченности путешественников продовольствием прежде всего зависит успех экспедиции. «Заместо дров,— писал Романов,— должен быть взят спирт, на коем производить варку в кастрюле. Самым лучшим в пищу можно запастись английским пемиканом (говядиною, особенно приготовленною). Главнейше же еще запастись теплою одеждою, для предохранения от холода, для ног взять торбасы. Больше взять веществ для разведения огня, чтобы обращать снег в воду: ибо в тех широтах прежде июня месяца нет пресной воды... Взять на всякий случай коньки и лыжи. А всего же важнее в подобных экспедициях (и во всяких), чтобы начальник имел решительность и отважность»⁸⁶.

Кроме Николая Бестужева, Романова, Рылеева интерес к исследованию Северо-Западного прохода проявлял Константин Торсон. Вскоре после завершения дел «по вояжу к Южному полюсу» он начал готовиться к путешествию в Северный Ледовитый океан. Декабрист Михаил Бестужев дважды сообщает в своих воспоминаниях, что начальник Морского штаба А. В. Моллер предложил его другу Торсону возглавить ученый вояж к Северному полюсу, самому выбрать офицеров и написать инструкцию. Экспедиция должна была состоять из двух кораблей: фрегата и брига.

«Помню,— продолжает М. Бестужев,— те блаженные минуты, когда в осенние ночи при тусклом свете сальной свечи мы проводили с Торсоном пути по земному шару и открывали неведомые страны и острова и крестили их русскими именами. Как затруднялось, чтоб найти предлог посетить Средиземное море, куда меня влекло мое пламенное воображение: посетить места, столь славные историческими воспоминаниями. И наконец и эти места были включены в инструкцию, и эта инструкция была утверждена высочайшею волею. Фрегат и бриг строились в Петербурге»⁸⁷.

Этот же факт Михаил Бестужев повторяет в воспоминаниях о своем брате Николае, добавляя, что для Торсона такое предложение было очень заманчиво и «хорошо соответствовало его постоянному направлению к пользе науки и славе Отчизны».

Инструкцию, которую составил Торсон вместе с Михаилом Бестужевым для будущей экспедиции, не уда-

лось отыскать в делах Морского ведомства. Нет там и данных о назначении Торсона начальником экспедиции, хотя слухи об этом распространялись в Петербурге летом 1825 г. Не имеется там и документов, которые раскрывали бы начальную историю подготовки этого нового крупного географического предприятия России, которое считалось секретным и о котором знал очень небольшой круг людей. Возможно, что все документы уничтожены в числе многих сожженных дел секретного архива Министерства морского флота. О том, что готовившаяся ученая экспедиция к Северному полюсу не предавалась огласке, видно из переписки Ф. П. Врангеля со своим другом Ф. П. Литке.

«На Охте строятся два брига,— пишет Врангель,— для экспедиции в Берингов пролив для каких-то изысканий навстречу Парри или на Север (т. е. к Северному полюсу.— *В. П.*) — настоящая цель оной хранится еще во мраке секрета. Командирами прочт капитан-лейтенанта Торсона и лейтенанта Андрея Моллера»⁸⁸.

Через несколько дней Врангель почти слово в слово повторяет это сообщение и снова называет Торсона как начальника проектируемой экспедиции.

Действительно летом 1825 г. на Охтенской верфи завершилась постройка двух кораблей для кругосветной экспедиции. Известно, что начальнику Морского штаба напоминали о необходимости назначения командиров судов, но А. В. Моллер отложил решение этого вопроса на более позднее время. А в декабре 1825 г. Торсона арестовали и командирами построенных шлюпов назначили Ф. П. Литке и М. Н. Станюковича, которые занимались исследованиями в северной и тропической частях Тихого океана...

Планам Торсона об участии в решении еще одной из важнейших проблем полярных исследований не суждено было сбыться. Но имеющиеся свидетельства весьма важны. Это еще один штрих, свидетельствующий об интересах декабристов в области географии. Не менее существенно, что вопросы исследования северных берегов и внутренних областей русской Америки оказались в поле зрения полярного исследователя Ф. П. Врангеля, разделявшего идеалы декабристов. По его инициативе была послана в 1838 г. экспедиция А. Ф. Кашеварова, которая описала значительную часть северного побережья Рус-

ской Америки. При его поддержке Руф Серебренников обследовал реку Медную и составил ее первую карту, заплатив за этот подвиг ценою жизни. Мысли, высказанные декабристами, не остались забытыми. Они принесли свои плоды, добавив несколько новых страниц в историю отечественных географических исследований и открытий.

Михаил Кюхельбекер и Дмитрий Завалишин в кругосветных плаваниях

В 1821 г. русским правительством было принято решение начать ежегодную отправку кораблей для охраны Русской Америки⁸⁹. Для этой цели были избраны шлюпы «Аполлон» и «Аякс»⁹⁰. Они должны были не допускать иностранные корабли к русским берегам на Тихом океане ближе, чем на 100 миль⁹¹. На шлюп «Аполлон» по просьбе И. Ф. Крузенштерна был назначен М. К. Кюхельбекер. 28 сентября 1821 г. корабли покинули Кронштадт. При выходе из Балтийского моря «Аякс» был выброшен бурей на мель, и «Аполлону» пришлось совершать дальнейшее плавание в одиночестве⁹².

Из архивных документов известно, что во время шторма порывом ветра Михаила Кюхельбекера сорвало с бизань-ванта. Он свалился на палубу и получил сильный ушиб голени, но отказался оставить корабль. Ушибленная нога продолжала досаждать в продолжение всего плавания. Особенно сильна была боль при сырой погоде и продолжительных холодах⁹³.

Кюхельбекер вел путевые записки, из которых сохранился единственный отрывок, относящийся ко времени плавания через Атлантический океан и пребывания в Бразилии.

«27 декабря мы оставили Портсмут и через 47 дней прибыли в Рио-де-Жанейро, — писал Михаил Кюхельбекер. — Ветер был все время благоприятным, не было и большой жары. Рио-де-Жанейро выглядит лучше, чем оно есть на самом деле, улицы очень грязные и вонючие. Много голых негров, которые несут тяжелый груз, при этом кричат или поют — это производит странное впечатление на приезжего. Больших и красивых домов нет, в комнатах повсюду ящерицы и пауки, нет настоящих постоянных дворов. Есть водопровод, подающий воду

с гор, несколько ничем не примечательных монастырей и церквей.

Но окружающая местность прелестна, большие горы, холмы, плодородные долины, светлые ручьи текут с гор, раскиданы красивые деревенские дома, плантации сахарного тростника, кое-где хлопка — это создает красивый ландшафт. Природа очень богата, красивейшие и многообразные деревья и цветы, большие разноцветные бабочки и цветы, нужно бояться змей. Собрал много семян, но нет okazji послать их, ни одно судно не идет в Россию, я должен подождать благоприятного случая. Отсюда мы направляемся в Новую Голландию, тогда мы найдем русские суда»⁹⁴.

Эта запись сделана Кюхельбекером на обороте листа разграфленного вахтенного журнала и свидетельствует о том, что он собирал географические сведения о виденных землях.

После починки шлюпа путешественники 1 марта 1822 г. оставили Рио-де-Жанейро. Во время плавания к порту Джексон в Австралии экспедиция лишилась командира «Аполлона» капитана 1-го ранга Толубьева, страдавшего «чахоткой легких»⁹⁵. Старший офицер шлюпа «Аполлон» лейтенант Хрущов, принявший на себя обязанности руководителя экспедиции, докладывая в государственную Адмиралтейств-коллегию о ходе вояжа, воздавал «должную справедливость» Михаилу Кюхельбекеру за его ревностную службу.

В порту Джексон экспедиция находилась с 27 мая по 13 июня, затем она направилась к Камчатке⁹⁶. Ее берега открылись 9 августа, но моряки не могли узнать приметных мест. Только спустя три дня «пасмурность прочистилась»⁹⁷, и путешественники увидели сначала сопки, затем вход в Авачинскую губу. 13 августа шлюп «Аполлон» вошел в Петропавловский порт, где сдал грузы для Камчатки и Охотска.

Затем экспедиция направилась к берегам Русской Америки и 10 октября 1822 г. прибыла в Новоархангельск. Через три недели шлюп «Аполлон» взял курс на Сан-Франциско, где путешественники пополнили запасы провизии, проконопачили шлюп и заменили пришедший в негодность такелаж⁹⁸. Летом 1823 г. экспедиция плавала у северо-западных берегов Русской Америки между 51 и 57° с. ш., уделяя главное внимание охране проливов,

простиравшихся почти на 200 верст. Плавание на парусном судне в них было очень опасным — проливы узки (ширина колебалась от 1 до 5 миль); островки, их усеивающие, скрытые подводные камни, течения никто и никогда не исследовал.

Командир судна был вынужден посылать «лейтенантов для обозрения близлежащих проливов и мест»⁹⁹. Такие поручения выпадали и на долю Михаила Кюхельбекера. Сохранился отрывок из его рапорта командиру шлюпа. Из этого документа видно, что 1 июня 1823 г. он отправился с двумя гребными судами из гавани, в которой стоял шлюп для исследования пролива к северу от стоянки корабля. Кюхельбекер нанес на карту мысы Первый, Второй и Третий, обследовал несколько бухт и заливов. При этом были промерены глубины, которые колебались от 15 до 30 сажен, измерены расстояния входов в бухты и осмотрены углубления берега. Всюду был замечен песчаный грунт.

Кюхельбекер со своими спутниками открыл большой остров, который он назвал Калошинским, поскольку на его восточном берегу «виднелись остатки старой Калошинской крепости». В проливе между Калошинским островом и побережьем Америки были обнаружены глубины до 40 саженей, грунт — песок. Во время этого плавания «на самом форватере пролива» были открыты две банки длиной около четверти мили и шириной около кабельтова. «Грунт вблизи них каменистый, а глубины 2—3 сажени, а между мелями глубина колебалась от 12 до 19 сажен»¹⁰⁰.

На этом черновик рапорта Михаила Кюхельбекера обрывается. Но и он дает прекрасное представление о его занятиях. Кроме картирования пролива, Кюхельбекер занимался метеорологическими наблюдениями и описанием особенностей виденных берегов. В том же отрывке приводятся записи магнитного склонения и заметки о жилищах индейцев¹⁰¹.

3 сентября 1823 г. в Новоархангельск на смену шлюпу «Аполлон» прибыл фрегат «Крейсер» под командой М. П. Лазарева. После захода в Сан-Франциско «Аполлон» вместе со шлюпом «Ладога» взял курс на Кронштадт, куда прибыл 15 октября 1824 г.

По окончании плавания лейтенант Хрущов в официальных документах отметил высокое морское искусство

«лейтенантов Баранова, Кутыгина и Кюхельбекера», подчеркнув глубокую признательность офицерам «за понесенные и делаемые труды в столь продолжительное плавание»¹⁰². (Двое из упомянутых Хрущовым офицеров — Кюхельбекер и Баранов — 14 декабря 1825 г. вышли на Сенатскую площадь¹⁰³.)

Дошедшие до нас два отрывка из путевого журнала Кюхельбекера свидетельствуют о том, что в его лице русский флот имел пытливого исследователя морей и дальних стран. Этот вывод подтверждается дальнейшей деятельностью декабриста в Сибири, его географическими изысканиями в Забайкалье и гидрографическими работами на Байкале.

Сохранился еще один документ, представляющий важный интерес для географии. Речь идет о вахтенном журнале шлюпа «Аполлон», вернее, о его белой копии, которая находится в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота. Около одной четверти содержащихся в журнале метеорологических, магнитных и астрономических наблюдений принадлежит именно Михаилу Кюхельбекеру. Они производились термометром Реомюра и барометром, разделенным на дюймы, десятые и сотые доли дюйма. Направление ветра определялось по компасу, а сила ветра — в баллах¹⁰⁴.

Опубликованные в 1882 г. наблюдения включали 6 сроков: 0, 4, 8, 12, 16, 20 часов. При этом приводились показания термометра с точностью до четверти градуса, барометра — с точностью до одной сотой дюйма. Отмечались выпадение осадков (туман, дождь, снег, град), состояние погоды (облачно, ясно) и фазы Луны. Кроме того, в графе «замечания» имелись записи о том, в каком часу пошел дождь и в каком часу прекратился. И наконец, при начале каждых суток (по астрономическому времени) приводились координаты корабля по наблюдениям или счислению.

В таблицах также приведены данные магнитного склонения.

На смену шлюпу «Аполлон» были посланы фрегат «Крейсер» и шлюп «Ладоба». На первом находились два морских офицера, которые по возвращении из этого вояжа связали свои судьбы с движением декабристов. Это лейтенант Федор Гаврилович Вишневецкий и мичман Дмитрий Иринархович Завалишин¹⁰⁵.

Экспедиция была снабжена географическими сочинениями, в числе которых упоминались путешествия И. Ф. Крузенштерна, Г. А. Сарычева, Ю. Ф. Лисянского, Дж. Кука. Кроме того, на каждый корабль было выдано по два оттиска карт из подготавливаемого к печати Атласа Тихого океана с той целью, чтобы во время плавания была проверена их достоверность и собраны замечания, «нужные к поправке оных, дабы с верностью можно было издать в свет сей Атлас»¹⁰⁶.

Географические работы Федора Вишневого до нас не дошли. Он не принадлежал к тайному обществу и не знал о его существовании, но 14 декабря 1825 г. вместе со своей ротой вышел в составе гвардейского экипажа на Сенатскую площадь, за что был разжалован в рядовые и сослан «в полевые полки кавказского корпуса»¹⁰⁷. Во время плавания на фрегате «Крейсер» он зарекомендовал себя, по отзыву М. П. Лазарева, исполнительным офицером. Каждые сутки нес шестичасовую вахту, измерял температуру воздуха и атмосферное давление, выполнял геомагнитные и астрономические наблюдения. Они записаны в корабельные журналы и по сей день служат науке¹⁰⁸.

Эти наблюдения над физикой Земли являлись частью ученой деятельности русских моряков, положивших начало глобальному изучению атмосферных процессов и магнитного склонения на просторах Мирового океана, включая полярные области планеты¹⁰⁹. В этих же наблюдениях принимал участие и Дмитрий Завалишин, написавший в различные годы несколько статей и трудов, посвященных участию в плавании на фрегате «Крейсер».

Девятнадцать лет он был зачислен в число участников экспедиции М. П. Лазарева. Образование Завалишин получил в Морском кадетском корпусе, по окончании которого был оставлен в нем преподавать астрономию и морскую географию. Он много занимался самообразованием, посещал лекции в Петербургском университете и Горном институте, изучил английский, французский, немецкий, итальянский, испанский, латинский, греческий, еврейский и польский языки, следил за успехами географии. В 1819 г. Завалишин близко познакомился с М. П. Лазаревым, который пытался добиться назначения его «сверх комплекта» на шлюп «Мирный», но получил отказ. По возвращении из южнополярного плавания он вспомнил о молодом морском офицере.

«Я получил однажды в исходе 1821 года,— писал Завалишин,— от адмирала Беллинсгаузена записку, в которой он просил меня прибыть к нему безотлагательно. Когда я явился, он передал мне письмо М. П. Лазарева, который, возвратясь из экспедиции к Южному полюсу и находясь в отпуску, писал мне «по секрету», что, вероятно, будет назначен снова в кругосветное плавание»¹¹⁰.

М. П. Лазарев приглашал Завалишина в число своих офицеров. Зная, что отправление фрегата «Крейсер» к берегам Русской Америки имеет не только военную, но и «ученую цель», он готовился извлечь возможно большую пользу из предстоящего путешествия¹¹¹.

Фрегат «Крейсер» в сопровождении шлюпа «Ладога» вышел из Кронштадта 17 августа 1822 г. Из Портсмута Завалишин послал на имя Александра I проект создания Ордена восстановления, ставившего своей задачей искоренение злоупотреблений и восстановление законности. Во время пребывания в Англии он посетил Гринвичскую обсерваторию и картографическое заведение Арроусмита, где приобрел карты для экспедиции. Завалишин поставил себе за правило осматривать достопримечательности посещаемых стран и знакомиться с природой. В Бразилии Завалишин углублялся в девственные леса и осматривал окрестности Рио-де-Жанейро. Он часто ездил в загородную «плантацию» академика Г. И. Лангсдорфа. «Я один только из офицеров,— вспоминал декабрист,— мог ходить с ним в ботанические экскурсии по бывшей у меня способности одинаково хорошо переносить и сильный холод и сильный жар»¹¹². Эти поездки он считал «полезными в научном отношении»¹¹³.

В своем труде «Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» Завалишин описывает птиц от «бразильского колибри с огненно-изумрудной шейкой» до американского ворона, который своим отвратительным криком нарушал очарование тропической природы¹¹⁴.

Русские моряки прибыли в Рио-де-Жанейро в то время, когда Бразилия после длительной борьбы провозгласила себя независимой от Португалии. Страна была охвачена революционным брожением (чему свидетелем еще в 1821 г. был Торсон). Завалишин с вниманием следил за «политическим и социальным движением»¹¹⁵.

Переход от Бразилии до Тасмании, продолжавшийся около трех месяцев, был очень опасен. Особенно трудно

пришлось в последние 17 дней, когда одна буря сменяла другую. Шел дождь, снег, град, то попеременно, «а иногда все вместе». Офицеры и матросы были утомлены до крайности. Не было возможности высушить одежду и обувь. Из-за непрерывной ненастной погоды путешественники не могли определить положение корабля по астрономическим наблюдениям и вынуждены были довольствоваться счислением по лагу и компасу.

«Конечно,— писал Завалишин,— офицеры употребляли все свое старание для достижения возможной точности, но никто не мог ручаться, какую разницу могли производить неподлежащие измерению: морское течение, неравномерность хода корабля в промежутках измерений и изменяющееся склонение магнитной стрелки компаса, определение которого само требует астрономических наблюдений. А между тем опасность была близка уже и в случае неверности счисления мы могли наткнуться на берег в то время, когда считали бы себя еще далеко от него, а пасмурность и туман препятствовали увидеть берег заблаговременно. Было еще невыгодное обстоятельство: барометр предвещал усиление бури»¹¹⁶.

Благодаря верным наблюдениям офицеров и решимости М. П. Лазарева кораблям экспедиции удалось не только вовремя заметить берег Тасмании, но и в шторм благополучно войти в пролив Д'Антрекасто и найти убежище в порту Дервен.

Колонисты и губернатор Тасмании снабдили путешественников большим количеством всякой живности. Тут были свиньи и черные лебеди, бараны и попугаи, куры и черепахи, обезьяны и утки. После выхода из Тасмании фрегат напоминал собой Ноев ковчег.

Плавание от Тасмании до Таити было опасно из-за коралловых островов и подводных коралловых рифов, не означенных на карте. По своим гидрометеорологическим условиям оно значительно отличалось от плаванья в тропическом поясе Атлантического океана. «Там — отсутствие бурь, штилей и дождей,— писал Завалишин,— здесь — проливные дожди по нескольку дней и бури, сопровождающиеся электрическими явлениями»¹¹⁷.

На страницах труда Завалишина «Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» содержится немало замечаний метеорологического характера. В сочетании с опубликованными измерениями температуры и давления возду-

ха¹¹⁸, которые велись в течение трехлетнего вояжа, они представляют не только исторический интерес, но и могут быть использованы в современных исследованиях, посвященных изучению атмосферных процессов над различными областями Мирового океана.

На пути к Таити путешественники посетили остров Райновой, где познакомились с жителями и собирали «редкости». Затем фрегат налетел на подводный коралловый риф. По словам Завалишина, эта была отдельная ветвь кораллов, которая сломалась от удара о корабль.

«Действительно, — вспоминал декабрист, — когда в Ситхе разгрузили фрегат, то в носовой части найден был кусок коралла, который, пробивши наружную обшивку, сломался и заткнул собою пробоину. Но будь риф сколько-нибудь обширнее, фрегат неминуемо разбился бы»¹¹⁹.

В июне 1823 г. путешественники достигли острова Таити. «Мы имели случай, — писал Завалишин, — наблюдать на Отаити, где мы пробыли две недели, нравы и обычаи островитян Великого океана... Нас, русских, отаитяне очень любили и, начиная от дворца до самой бедной хижины, не было больше праздника, как если кто из нас посещал их».¹²⁰

В записках о плавании на фрегате «Крейсер» декабрист делится своими впечатлениями о животном и растительном мире Таити, о благоприятных климатических условиях и щедрых дарах природы, когда «трех каких-нибудь деревьев хлебного плода достаточно для прокормления человека круглый год». Оставив Таити, фрегат «Крейсер» направился к берегам Русской Америки, а шлюп «Ладога» взял курс на Камчатку.

2 сентября 1823 г. «Крейсер» находился у острова Ситхи, а на следующий день в Новоархангельске встретился со шлюпом «Аполлон». Находясь на Ситхе, Завалишин вместе с другими офицерами смог уделить «немало времени на осмотр местности и на исследование положения колоний и быта как русских, так и алеут и туземного населения»¹²¹.

9 ноября в Новоархангельск прибыла «Ладога». Она привезла важные сообщения. Крейсерство военных судов ограничивалось прибрежными водами. Одновременно М. П. Лазарев получил приказ отправить Завалишина в Петербург (в связи с проектом учреждения Ордена восстановления).

Завалишин мог возвратиться либо через Сибирь, либо океаном на шлюпе «Ладога», который отправлялся назад в Россию вместе со шлюпом «Аполлон». М. П. Лазарев посоветовал ему выбрать сухопутный вариант. По его словам, Завалишину было интереснее познакомиться с этой малоизвестной и важной частью России.

14 ноября 1823 г. фрегат «Крейсер» в сопровождении шлюпа «Ладога» вышел к берегам Калифорнии. 1 декабря они прибыли в Сан-Франциско, где собрались три русских военных судна¹²².

Свои впечатления о пребывании в этих землях Завалишин в дальнейшем описал в статье «Калифорния в 1824 году», опубликованной в «Русском вестнике» (1865, № 11) и записках о кругосветном плавании. Завалишин объездил всю северную часть Верхней Калифорнии и осмотрел места, впоследствии прославившиеся запасами золота. Он посетил берега реки Сакраменто, где предполагал устроить новые русские поселения (недалеко от этих мест находилось поселение Росс, основанное Российско-Американской компанией в 1811 г.)¹²³.

«Всевозможные исследования» Завалишина были подчинены цели расширить русское поселение Росс до реки Сакраменто, тем более, что земли эти отличались «превосходным климатом, богатейшей почвой, прекраснейшим положением на Великом океане, с одним из лучших в мире портов»¹²⁴.

Весной 1824 г. фрегат «Крейсер» возвратился в Новороссийск. 16 мая Завалишин на судне «Волга» вышел в Охотск. Он имел намерение подняться вверх по Амуру, но в Охотске «не нашлось ни одного годного судна», которое могло бы доставить его к устью этой реки. Осенью 1824 г. Завалишин вернулся в Петербург и был свидетелем наводнения. По мнению Завалишина, это обстоятельство было главной помехой его делу. Он не был принят царем и его проект Ордена восстановления был забыт...

Во время плавания на фрегате «Крейсер» проявились географические интересы Завалишина, которые гораздо позже, в годы каторги, ссылки и в особенности после амнистии, стали одним из главных дел его жизни.

Не менее важно другое свидетельство. Отправляя Завалишина к начальнику Морского штаба А. В. Моллеру, М. П. Лазарев рекомендовал его «как весьма исполнительного и ревностного офицера». Далее в своем письме

он подчеркивал, что в продолжение двухлетнего плавания «как благородным поведением своим, так и усердным исполнением всех возложенных на него обязанностей приобрел он право на совершенную мою признательность»¹²⁵.

Следует полагать, что эта характеристика Завалишина относится не только к его строевой службе, но и к его ученым занятиям во время плавания. Во всяком случае дошедшие до нас труды декабриста, относящиеся к плаванию на север Тихого океана, не вызывают сомнений в правомочности такого предположения.

Когда декабристы вышли на Сенатскую площадь, Завалишин находился в отпуске в Казани. 26 декабря 1825 г. имя Завалишина стало известно следственной комиссии. 5 января 1826 г. декабриста арестовали, а 16 января 1826 г. доставили в Петербург. Он дал показания и затем был освобожден из-под ареста. 18 января 1826 г. начальник Морского штаба А. В. Моллер направил предложение Адмиралтейскому департаменту употребить Д. И. Завалишина «на службу в оном по ученой части соответственно его способностям и с тем вместе препоручить ему состоящую при Музее модель-камеру»¹²⁶. Но едва Д. И. Завалишин успел принять запечатанную после ареста Н. А. Бестужева модельную мастерскую, как А. Х. Бенкендорф отдал приказ о новом аресте.

При обыске на квартире Д. И. Завалишина были обнаружены «редкости», привезенные из плавания на фрегате «Крейсер». В описи значатся два головных украшения индейцев из перьев, индейская гребенка, японский молитвенник, «костяная штука жителей Берингова пролива, веер жителей Сандвичевых островов» и другие предметы обихода обитателей земель, расположенных в Тихом океане. Там же было обнаружено 15 книг географического содержания¹²⁷.

При втором аресте у Завалишина было отобрано несколько записок, в которых содержались предложения по преобразованию управления Русской Америкой. Они основаны на исследовании не только промыслов, но и географического положения русских поселений. В одной из записок дано описание острова Ситхи, на котором находилась «столица» Русской Америки — крепость Новоархангельск. «Весь остров покрыт горами и каменными холмами, нет нигде ровного места, — писал декабрист. — Леса непроходимы. Деревья по каменистому грунту, не

имея достаточной глубины для распространения корней, стоят нетвердо и уступают первому сильному порыву ветра. На разрушении их вырастают другие, и часто ветви их, образуя новое дерево, той же участи подвергаются, и таким образом они, падая одно на другое, высокие холмы образовали. Нельзя ступить ни шагу, чтобы не провалиться. Расчищать такие леса требует и много времени и много людей, огнем истребить невозможно. Разрушительная стихия сия не имеет действия над лесами Ситхи, вечная сырость напитала их... Прибрежные воды покрыты бездною мелких каменистых островков...»¹²⁸

Предлагая переместить Главное правление Русской Америки из Новоархангельска в гавань Св. Павла на острове Кадьяк, Завалишин считал необходимым «рассмотреть географическое и местное положение обоих, качество Земли и климат, средства пропитания, промыслы как причины, определяющие удобства, выгоды и безопасность сих заселений»¹²⁹.

Дмитрий Завалишин находит географическое положение Новоархангельска крайне невыгодным, поскольку крепость весьма отдалена от остальных русских поселений на северо-западных берегах Америки. Ее положение на краю русских владений в Америке делает крепость уязвимой и в оборонительном отношении, тем более что она не господствует над соседними холмами.

«Качество земли и климат,— продолжал Завалишин,— увеличивают невыгоды заселения. Везде каменистый грунт земли представляет ужасные затруднения в разработке ее и весьма мало вознаграждает труды. Из растений токмо картофель и репа могут расти на открытом воздухе, другие же не иначе, как в парниках. Недостаток в пастбищах не позволяет иметь стад, ибо часто случается, что и десять коров прокормить бывает нечем, привозить же сено стало бы непомерно дорого»¹³⁰.

По мнению Завалишина, остров Кадьяк в сравнении с Ситхой представлял наибольшие удобства для сосредоточения там управления Русской Америкой. Прежде всего он находится в центре русских владений и одинаково удален от всех поселений. Гавань Св. Павла гораздо глубоководнее и безопаснее, чем рейд Новоархангельска, и в нее могут заходить большие суда.

«Почва земли на Кадьяке несравненно лучше нежели в Ситхе,— отмечает Завалишин.— Так что все овощи мо-

гут попевать на открытом воздухе. Обширные пастбища дают средства содержать достаточное количество скота и даже лошадей, что послужит немалым облегчением в работах и сократит число нужных людей. Рыбы здесь множество и превосходного рода. Что же касается климата, то оный хотя и холоднее Ситхи, но суше и здоровее»¹³¹.

Судя по неопубликованным материалам, Завалишин одной из действенных мер по защите интересов России на Американском континенте считал изучение главнейших рек Русской Америки и ее глубинных районов. «Вся страна материка, нам принадлежащая, должна быть хорошо исследована»¹³², — писал декабрист.

Географические работы Завалишина о Калифорнии, селении Росс, Русской Америке проникнуты одной идеей — укрепления политического могущества и влияния своего Отечества¹³³.

Участие декабристов К. П. Торсона, В. П. Романова, М. К. Кюхельбекера, Ф. Г. Вишневого, Д. И. Завалишина в русских кругосветных плаваниях не осталось бесследным в истории отечественной науки. Они обогатили географию России важными наблюдениями, которые помогают ученым познать особенности глобальных атмосферных процессов и магнитных явлений и их изменений во времени и пространстве.

Со времени создания Петром I регулярного флота русские моряки приступили к систематическому картированию побережий Северного Ледовитого и Тихого океанов, Балтийского и Каспийского морей. Особенно выдающихся успехов добились северные отряды Второй Камчатской экспедиции, которые, отыскивая путь из Архангельска на Камчатку, картировали северное побережье России от Белого моря до Баранова Камня, расположенного к востоку от Колымы. С тех пор новых описей в Арктике почти не проводилось. Исключение составляло лишь Белое море. Для описи его в 1798—1802 гг. снаряжается грандиозная экспедиция, на основе съемок которой была составлена карта, как вскоре выяснилось, далекая от совершенства. На остальном побережье Северного Ледовитого океана не было ни одного географического пункта, который был бы определен с применением вернейших астрономических инструментов и современных методов гидрографической съемки. По словам декабриста Батенькова, некоторые сибирские берега Ледовитого моря порой неверно показаны на целый градус по широте, а погрешности по долготе еще значительнее. Более того, берега к востоку от Колымы не были вовсе описаны, как не были точно картированы многие места на побережье Тихого океана и Охотского моря¹.

В конце 1818 г. руководитель Адмиралтейского департамента Г. А. Сарычев представил записку морскому министру И. И. де Траверсе, в которой отмечал, что сочиненные в XVIII в. карты в настоящее время устарели и требуется новая съемка морей России, основанная «на точных географических широтах и долготах».

По мнению руководителя департамента, необходимо было, во-первых, описать берега от границы с Норвегией до Белого моря, во-вторых, картировать «берега от Белого

моря, простирающиеся к востоку до устья знаменитой реки Печоры». Третьей задачей исследовательских работ в Арктике являлось исследование Новой Земли, которая «никогда еще не была описана, а положена на карты по одним показаниям русских звериных промышленников»².

Поскольку карты северного побережья России от Печоры до Баранова Камня не были утверждены инструментальными определениями, то надлежало его заново исследовать, если не на всем протяжении, то по крайней мере вблизи устьев Оби, Енисея и Лены. Впоследствии к этой четвертой задаче было добавлено картирование берегов Ледовитого моря между Индигиркой и Северным мысом (ныне мыс Шмидта), что имело решающее значение для окончательного доказательства существования Северного морского прохода из Атлантики в Тихий океан. Кроме того, намечалось осуществить поиски гипотетической матерой земли, которая, по уверению чукчей, находилась на севере от Шелагского мыса в сутках езды на оленях. Пятый пункт «Записки» Сарычева предусматривал исследование русских побережий на севере Тихого океана от Камчатки до Берингова пролива и всей Русской Америки. Кроме того, предполагалось исследование Пенжинского и Гижигинского заливов, побережья и островов Охотского моря (пункты 6 и 7).

В дальнейшем эти направления географических изысканий русского флота были дополнены задачами по съемке берегов Белого, Балтийского, Черного и Каспийского морей. Если вспомнить, что в конце того же 1818 г. началась разработка инструкций для экспедиции к Южному полюсу и в Берингов пролив, что одновременно намечалось исследование обширных акваторий Тихого океана, то нельзя не удивляться грандиозности задач, поставленных перед русскими моряками. — Следует подчеркнуть, что несколькими днями раньше «Записки» Сарычева был составлен еще один документ. Он принадлежал Крузенштерну, и в нем были намечены задачи изучения не только русских морей, но и Мирового океана. Но если Крузенштерн выступал как частное лицо, то «Записка» Сарычева являлась официальным документом Морского ведомства. Она была рассмотрена морским министром И. И. де Траверсе, который сделал на ней несколько карандашных пометок, свидетельствующих о том, что на основе этого документа делалось представление в

более высокие правительственные инстанции. По-видимому, эти задачи получили одобрение «решающих лиц», так как спустя пять лет Сарычев представлял отчет о том, что «исполнено по сей Записке» и что «остается еще не исполненным»³.

Для выполнения поставленных задач было снаряжено большое число экспедиций, в которых приняли участие будущие декабристы, а также морские офицеры, впоследствии арестованные по делу восстания на Сенатской площади и после 9—10-месячного заключения высланные на берега Черного и Белого морей «под бдительный надзор начальства».

Еще в 1819 г. было предпринято плавание к берегам Новой Земли под командой Андрея Петровича Лазарева, брата известного флотоводца. В числе офицеров этой экспедиции, состоявшей из 50 человек, находился мичман Михаил Карлович Кюхельбекер. Ему было поручено доставить из Петербурга в Архангельск метеорологические и астрономические инструменты, что при езде на казенных тройках и по плохим дорогам было задачей весьма нелегкой. И термометры, и барометры он сдал в совершенной исправности. По ним велись наблюдения над температурой и давлением воздуха в продолжение всего плавания, которое началось 10 июня 1819 г. Бриг «Новая Земля» взял курс на южную оконечность Новой Земли. Здесь экспедиции предстояло разделиться на четыре части. Одному отряду на гребном судне надлежало войти в Карское море и описать восточный берег Новой Земли, второму отряду следовало картировать западное побережье этого острова, третьему — исследовать остров Вайгач. Что касается брига «Новая Земля», то Лазареву предписано было «прорезать» Маточкин Шар и, выйдя к его восточному устью, следовать к острову Белому. Затем предстояло обогнуть со стороны Карского моря северную оконечность Новой Земли и соединиться с гребными судами в Маточкином Шаре.

Морское министерство разработало план обширный, но малореальный. Тем более что в распоряжение экспедиции был предоставлен старый бриг. Хотя он был отремонтирован и заново обшит, но, как затем выяснилось, оказался малопригодным для плавания по Ледовитому морю.

Экспедицию преследовали неудачи. Только 27 июля она смогла подойти к берегам Новой Земли в районе Ко-

стина Шара. Моряки лишь запеленговали несколько приметных пунктов на западном побережье (Майгол-Шар, остров Машарский, мыс Кармакульский). Экспедиции не удалось из-за тяжелой ледовой обстановки ни войти в Маточкин Шар, ни описать берега острова Колгуева. Более половины команды заболело цингой. Офицерам, в том числе и Михаилу Кюхельбекеру, в последние недели плавания пришлось исполнять обязанности матросов. Когда 4 сентября бриг «Новая Земля» возвратился в Архангельск, на его борту было всего лишь 10 здоровых членов экипажа. По словам декабриста Николая Чиждова, «Лазарев не достиг своей цели по причине льдов, суровости климата или других каких препятствий»⁴.

Известно, что Михаил Кюхельбекер не разделял мнения А. П. Лазарева, будто Новая Земля недосыгаема по причине «революции» в ледовой обстановке и что обладание этим островом не доставит никаких выгод России, особенно из-за «смертоносности тамошнего климата».

Из научного наследства экспедиции сохранился лишь вахтенный журнал брига «Новая Земля» с данными наблюдений за температурой и давлением воздуха, ветрами, осадками, состоянием погоды и льдом. Часть записей принадлежит Михаилу Кюхельбекеру. Они до сих пор сохраняют свое научное значение как первый цикл наблюдений за особенностями метеорологических условий в навигацию, отмечавшуюся необычайно тяжелыми условиями ледовой обстановки, а также представляют определенный интерес для изучения колебаний ледовитости Баренцева моря.

Спустя два года к берегам Новой Земли была снова отправлена экспедиция. На этот раз ее возглавлял Ф. П. Литке. В его первом плавании участвовал декабрист Николай Алексеевич Чиждов, который написал статью о Новой Земле, увидевшую свет в 1823 г. Ее первым читателем и ценителем был Николай Бестужев, от которого путешественник «усвоил» свободолобивый образ мыслей. Но определенное влияние на формирование идеалов и научных интересов путешественника оказал также и его дядя, заслуженный профессор, действительный член Петербургской академии наук Дмитрий Семенович Чиждов, в доме которого он жил. (Дмитрий Чиждов в числе 10 профессоров университета назвал противозаконным гнусное судилище, которое было устроено над Германом, Арсенье-

вым и другими передовыми учеными Петербургского университета.)

Статья Чижова, в которой он наряду с личными наблюдениями обобщил результаты первого и второго плаваний Литке, была опубликована в журнале «Сын Отечества». Статья содержит сведения о полярных льдах, протяжении берегов острова, проливе Маточкин Шар, небольших островах, расположенных у западного побережья Новой Земли, о заливах, которые пригодны для стоянки судов.

Чижев кратко останавливается на истории открытия и исследования острова, отмечая при этом, что Новая Земля известна с древнейших времен новгородцам, которые ходили к ее берегам на промыслы пушного и морского зверя. «Распространяясь по всей Югорской Земле и перейдя Уральские горы, они не оставили посетить и сии пустынные страны: так всегда дух торговли и желанье прибытков вели к важнейшим открытиям»⁵.

Дальше Чижев рассматривает полярные плавания англичан и голландцев в XVI—XVII вв., во время которых они посещали Новую Землю. Особенно внимание декабриста привлекли экспедиции Виллема Баренца, которого он называет «жертвой горячей любви к познаниям». По словам Чижова, путешествия этого голландского мореплавателя «были единственными сведениями, по которым полагали берега сего острова на всех картах», до двух последних путешествий Ф. П. Литке, картировавшего почти все западное побережье Новой Земли.

Чижев дает характеристику ее климатических особенностей, отмечая при этом, что на Северном острове они гораздо суровее, чем на Южном.

«Климат Новой Земли самый суровый, какой только может существовать,— отмечает далее декабрист.— Долгое сокрытие солнца под горизонтом во время зимы покрывает землю сию непроницаемым мраком в продолжение нескольких месяцев. Летом теплота редко бывает выше точки замерзания, особливо во внутренности земли; и так можно ли ожидать каких-нибудь произрастений на сей полузамерзшей почве, едва отогреваемой на несколько дюймов слабыми лучами солнца?»⁶

По словам декабриста, только южнее Маточкина Шара растут трава, мох, ива и тальник высотой не более аршина, в то время как к северу от него «вечные снега по-

крывают землю». Современные карты подтверждают справедливость этого наблюдения — значительная часть Северного острова скрыта под ледяным куполом.

Полезные ископаемые на Новой Земле «не представляют пространного поля для естествоиспытателей». Вместе с тем Чижев не исключает наличия на острове залежей каменного угля, обломки которого находили многократно на его берегах, и в частности в Маточкином Шаре. Он считает необходимым провести обозрение берегов. «Вероятно, труды естествоиспытателя не остались бы тщетными».

Ссылаясь на журнал штурмана Федора Розмыслова, зимовавшего у восточного устья Маточкина Шара в 1768/69 г., Чижев отмечает возможность вулканической деятельности на Новой Земле.

«Итак, — заключает он, — когда жестокие стужи скрывают поверхность земли и покрывают ее горами снегов, во глубине оной горят вечные огни и гнездится раскаленная лава»⁷. По мнению декабриста, если бы полярные «страны были испытаны точнее, здесь нашлись бы многие явления непостижимой природы и следы тех чрезвычайных переворотов, коим подвержена обитаемая нами планета Земля».

Многие страницы посвящены описанию зверей и птиц Новой Земли. Чижев отмечает, что на острове в основном обитают белые и голубые песцы. Кроме того, на юге острова водятся многочисленные стада оленей. «Летом находят они на ложбинах между горами несколько травы, достаточной для умеренной их пищи, а зимою питаются мохом, выгребая оный из-под снега. Горячая кровь их служит промышленникам сильным противочинготным средством, а кожа снабжает их одеждою, известною на Двине под именем малицы. Она шьется наподобие рубашки, внутрь шерстью и весьма соответствует климату, в котором зимуют промышленники. Говорят, что, когда Вайгачские проливы (Карские Ворота и Югорский Шар) покроются льдом, стада оленей переходят часто на матерый берег, где промышляют их самоеды около реки Кары, а на весну перебираются они опять на прежние свои жилища и плодятся по тундрам. Розмыслов видел оленей в Маточкином Шаре, но Баренц, зимовавший на восточной стороне Новой Земли близ северной оконечности, об них не упоминает. Должно думать, что они не проходят далее Маточкина Шара, не находя там никакой пищи»⁸.

Кроме того, на юге Новой Земли замечены белые зайцы, лисицы и волки. Весьма многочисленны лебеди, утки, чайки, гагарки и многие другие птицы. Они плодятся по каменистым берегам, но с наступлением жестоких стуж отлетают и, по словам промышленников, одна только сова остается зимовать в сих пустынных странах. Особую ценность для промысла представляют гаги, знаменитые своим пухом.

Значительное место уделено описанию белого медведя, главного обитателя этой суровой земли, которого путешественники встречали и у матерого берега, и вблизи Северного полюса.

«Свирепые животные сии были весьма немилостивы к древним мореплавателям, коих путешествия наполнены страшными рассказами о их спутниках, съеденных медведями.

Но ныне,— не без иронии замечает Чижев,— при общем распространении просвещения сии последние утратили, кажется, свою лютость, и промышленники уверяют, что они не делают никогда нападений на их жилища и довольствуются тем, что уносят съестные припасы, которые по тамошнему обыкновению зарываются в снег»⁹.

Декабрист обращает внимание на обилие морского зверя в новоземельских водах, где водятся нерпы, морские зайцы, белухи, тюлени, моржи, киты. По его мнению, берег Новой Земли «не беднее животными берегов Гренландии, привлекающих к себе столько европейских промышленников».

Особенно важным Чижев считал развитие китовых и звериных промыслов на Севере. «Непонятно, почему русское купечество не обращает на сие никакого внимания и пренебрегает ветвью торговли, которая доставляет другим народам значительные выгоды,— писал он.— Каждый год берега Гренландии, Девисова пролива и Шпицбергена покрыты бываюи английскими, голландскими и датскими кораблями... Дешевизна в городе Архангельске всех припасов для построения судов могла бы сделать таковую промышленность весьма выгодною, особливо по близости берегов Новой Земли и Шпицбергена, а поморы были бы лучшими матросами на китоловных судах. Если бы таковые промыслы производились под руководством людей просвещенных, то могли бы принести неисчислимые выгоды»¹⁰.

В 1821 г. бриг «Новая Земля», на котором плавал Чижев, встречал моржей в таком количестве, что «мог бы взять полный груз зверя в одни сутки».

По его мнению, использование противочинготных средств позволило бы промышленникам безвредно зимовать в самых больших широтах, а развитие промыслов оказало бы большую помощь науке «распространением сведений о полярных странах».

Обращает на себя внимание критика Чижевым утверждений А. П. Лазарева, смотревшего на Новую Землю как на остров, который никогда не будет нужен России. Главная заслуга плаваний Литке в 1821 и 1822 гг. состояла, по мнению декабриста, в том, что он «совершенно опровергнул мнения, рассеянные его предшественником о неприступности ее берегов и смертоносном ее климате». Чижев выражал надежду, что описание путешествий Литке в скором времени увидит свет и доставит науке самые точные сведения об этом огромном полярном острове.

Чижев не ставил перед собой задачи дать систематическое описание Новой Земли. Его цель была более скромной. Он хотел обратить внимание читателей «на страну, бывшую предметом многотрудных путешествий в 1819, 1821 и 1822 годах, из коих последнее имело совершенный успех...»

Статьи Чижева продиктованы горячим стремлением к распространению географических познаний о малоизвестных частях своего Отечества. Но они по своему значению выходят за рамки познавательных целей, предвеля появление капитального труда Литке «Четырехкратное плавание в Северный Ледовитый океан», на страницах которого упоминается и имя мичмана Чижева. Статья Чижева «О Новой Земле» представляет собой опыт комплексной характеристики одного из самых больших островов Русской Арктики.

С первым плаванием Литке, в котором участвовал Чижев, связана постановка вопроса о тщательном промере Белого моря и описи его берегов, в положении которых были обнаружены грубейшие ошибки.

В этой трудной и сложной гидрографической съемке принимал участие Алексей Михайлович Иванчин-Писарев, которого за «прикосновение» к движению декабристов сначала заточили в Петропавловскую крепость, а затем перевели «в Архангельск с тем, чтобы там состоять

на службе под бдительным надзором начальства». Спустя несколько месяцев мичман Иванчин-Писарев встретился с одним из самых близких друзей Николая Бестужева, известным русским гидрографом Михаилом Рейнеке. Рейнеке включил декабриста в состав возглавляемой им Беломорской экспедиции и вскоре сделал своим помощником.

В самом начале первого плавания Беломорской экспедиции летом 1827 г. первое важное поручение выпало именно на долю А. М. Иванчина-Писарева. Совместно с кондуктором П. К. Пахтусовым и 16 матросами ему предстояло отправиться на двух шлюпках к северному берегу острова Моржовца, описать его, определить его широту и поставить башню, которая должна была служить приметным пунктом для дальнейшей описи Белого моря.

Едва шлюпки отвалили от брига, как налетел шквалистый ветер, но Иванчин-Писарев успел благополучно пристать и вытащить шлюпки на берег. В первый прилив вода не достигла их, но во второй прилив волны достигли карбаса и восьмерки. Моряки пытались поднять их выше с помощью талей, но все усилия были напрасны и менее чем за полчаса от шлюпок ничего не осталось, кроме штевней.

«Должно, — писал Рейнеке, — отдать справедливость деятельности Писарева и усердию бывшей с ним команде: в первые часы пребывания их на острове палатка изорвана была ветром, и они целые сутки оставались под проливным дождем при $+2\frac{1}{2}$ Реомюра, без огня, коего под проливным дождем не могли развести. При всем том они выполнили все им порученное. Башенка была построена, северный и западный берег острова описан»¹¹. Затем Иванчин-Писарев вместе с офицерами и штурманами экспедиции «с редким и неусыпным усердием» занимался исследованием Северных Кошек и получил чин лейтенанта и денежную награду. В 1828 г. он изучал северные районы моря, в навигацию следующего года он участвовал в промере Двинской губы и восточной части Онежского залива. Летом 1830 г., когда начальник Беломорской экспедиции М. Ф. Рейнеке остался в Кандалакше выполнять согласованные с Петербургской академией наук маятниковые наблюдения, на Иванчина-Писарева было возложено командование бригам «Лапоминка». До 18 августа он занимался описью заливов вблизи Пыррей губы. Затем Иванчин-Писарев попытался приступить к исследо-

ванию Унской губы, «но дурные погоды лишили его надежды» выполнить задание Рейнеке в столь позднее время.

29 августа он вошел в устье Северной Двины. Спустя несколько недель вместе с Пахтусовым он отправился по сухопутью из Архангельска к берегам Унской губы. Они астрономически определили устье губы и выполнили промер глубин.

Между тем осенью 1830 г. в Архангельске появились антиправительственные прокламации. Местные власти učinили ссыльному допрос. Вскоре по приказу Николая I он был переведен на службу в крепость Свеаборг.

Съемка берегов и промер глубин Белого моря продолжались еще в течение двух навигаций. В 1833 г. увидел свет «Атлас Белого моря», в котором его автор М. Ф. Рейнеке обобщил результаты шестилетних исследований своей экспедиции, в том числе наблюдения и промеры Иванчина-Писарева.

Кроме того, М. Ф. Рейнеке был создан двухтомный капитальный труд «Гидрографическое описание Северного берега России», издание которого было завершено только в 1850 г. Это монументальное исследование вместе с «Атласом Белого моря» Рейнеке послал своему другу Николаю Бестужеву в Селенгинск. Декабрист откликнулся на подарок восторженным письмом, черновик которого сохранился в его бумагах. Вот эти удивительные строки:

«Ваша книга, результат 27-летних трудов, есть монумент несокрушимый. Конечно, это не блестящий роман или поэма, но Геродот, Плиний и Страбон также не писали стихов, однако их читают и будут всегда читать с набожностью, а что такое был их труд? Компиляция виденного и слышанного — не более: они не имели понятия о тех трудах, какие поднимаются нынешними черно-рабочими тружениками для описания земли и моря. Определить полжизни, с потерей здоровья, на пользу человечества и науки — заслуга невоснаградимая. Только уважение умной части человеческого рода и собственная совесть могут оценить и оплатить этот долг! Верьте мне, что я не только с благодарностью, но и с благоговением принял Ваш подарок»¹².

Декабрист добавлял далее, что труд Рейнеке останется «в потомство векам». Эта высокая оценка одного из выдающихся трудов о Русском Севере — важный штрих в

эпической картине широких географических интересов декабристов. Мы особо останавливаемся на трудах Рейнеке, потому что сердцем он принадлежал к «орлиной стае» первенцев свободы и исполнил на Балтике то, чем мечтал заняться Николай Бестужев. Он посвятил не год и не два, а целых два десятилетия съемке Финского и Рижского заливов. Николай Бестужев просил от друга своего отчета о том, что сделано и что будет издано. Рейнеке послал ему обширную рукопись, в которой в основных чертах обрисовал результаты выполненных исследований.

«Благодарю Вас за сведения о островах морских Финского залива,— отвечал Николай Бестужев.— Некоторые я знаю и люблю и оттого-то интересовался знать, будет ли о них что-нибудь написано или напечатано Вами... Еще более благодарю Вас за описание всех Ваших приемов при описи и промерах. Катайтесь сколько угодно на Вашем коньке и приезжайте почаще ко мне в гости, у меня и Вам и ему угощение будет от чистого сердца»¹³.

Николай Бестужев обсуждал со своим петербургским другом вопросы понижения уровня Каспия, неоднократно высказывал мнения о методах съемки моря, давал советы по учету рефракции, течений во избежание погрешностей. Рейнеке со своей стороны посылал Бестужеву карты Балтики и книги по морскому делу и истории мореплавания. Николай Бестужев писал, что возрождается духом, следя за успехами современных «чернорабочих описателей земли и моря».

Вопросы изучения морей и земель Арктики привлекали внимание выдающегося деятеля движения декабристов Гаврилы Батенькова. Ему предполагалось поручить «проверку открытий Матюшкина и Врангеля»¹⁴.

«Где же те острова?» — задавался он вопросом, цитируя строку из агитационного стихотворения К. Рыльева. И далее добавлял (в письме к своему другу А. А. Елагину), что если бы их нашел, то прежде всего «учинил бы им подробную съемку». Речь идет о поисках гипотетической Северной матерой земли, которую безуспешно пытались открыть Ф. П. Врангель, Ф. Ф. Матюшкин и П. Ф. Анжу. Батеньков, сотрудник М. М. Сперанского, его правая рука, не только содействовал успехам этой экспедиции, но и посвятил ее выдающимся достижениям две статьи, которые хранятся среди его бумаг в рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

В них рассмотрены итоги двухлетних исследований Колымской (Ф. П. Врангель) и Янской (П. Ф. Анжу) экспедиций, которые в поисках северных земель «осмотрели Ледовитое море на пространстве 153 тысячи квадратных верст». Далее Батеньков отмечал, что экспедициями описаны с точностью берега «сего моря от устья Яны до мыса Козьмина по прямолинейному расстоянию на 1220 верст», а также картированы Новосибирские и Медвежьи острова. Путешественники проникли к северу на расстояние от 335 до 585 верст, где встретили тонкий лед и незамерзшее море, которые «составляют такие преграды, которые никакая отважность преодолеть не может»¹⁵.

Не менее интересно, что в письме к Врангелю Батеньков согласился с мнением путешественника о том, что Северная матерая земля является плодом фантазии предшествующих путешественников, но в то же время высказал предположение о существовании к северу от Яны и Колымы небольших островов. И они действительно там были открыты. Это острова Жохова, Вилькицкого, Жаннетты, Генриетты, Беннетта.

Вслед за Батеньковым этим полярным путешествиям посвятил статью Александр Корнилович. В ней во всем величии предстает подвиг Врангеля, Матюшкина, Анжу, которые исследовали огромные пространства Северного Ледовитого океана, побережья, тундр, гор и рек.

Корнилович обратил внимание на такое важнейшее достижение экспедиции Врангеля, как первое точное картирование побережья от мыса Баранова до Колючинской губы. Тем самым, по его словам, был разрешен «вопрос о несоединении Азии с Америкой». Весьма важными считал декабрист добытые экспедицией данные о существовании к северу от Чукотки обширного острова, ныне носящего имя Врангеля.

«Препятствия, поставленные природою, не позволили Врангелю убедиться собственными глазами в существовании земли, которая, по словам чукчей, лежит на севере от мыса Якана,— писал Корнилович,— но он приготовил преемнику своему в сем деле все способы к ее открытию. Он указал место, откуда должно искать ее, и способы, как удобнее до нее достигнуть»¹⁶.

Как и Батеньков, декабрист Корнилович очень высоко оценил «физические» изыскания экспедиции. «Важнее и

драгоценнее всего наблюдения над образованием льдов, над северными сияниями, над климатом сих холодных стран,— писал он.— Наблюдения сии, сделанные во время трехлетнего пребывания на берегах Ледовитого моря, послужат важным дополнением к полнейшему понятию о физическом состоянии полярных стран»¹⁷. Они действительно вошли в состав классических трудов по географии России.

Успехи Колымской и Янской экспедиций, по словам Корниловича, вызвали интерес во всем мире. Настойчивое внимание декабристов к путешествиям Врангеля, Матюшкина и Анжу не случайно. Их деятельность была примером недюжинного мужества и беззаветного служения русской науке, которые были столь притягательны и столь близки идеалам первенцев свободы.

Декабристы занимались и изучением Черного моря. Николай Чижов оставил удивительно яркий рассказ об Одессе в своем «Отрывке из воспоминаний о Черном море». Он интересен сопоставлением природы Севера, где едва распустившиеся цветы вянут от холодного ветра, с благодатным климатом и щедрой растительностью Черноморья. Весьма образно описывает декабрист разноплеменный люд южного города. Но особенно его поражает встреча с греком, лицо которого омрачено «тяжкой думой». «Соотечественник Платона! — восклицает декабрист.— Угадываю причину твоих размышлений! Отчизна занимает твою душу... Твоя ненависть справедлива, твое мнение извинительно! Утешься, сын Эллады. Греция не может погибнуть»¹⁸.

В заключительных строках Чижов выражал надежду встретиться с «сыном Эллады» на площади Афин или разыскать его у подножия древнего Олимпа. Но вместо Греции декабристу пришлось увидеть Сибирь... Освободить греков и путешествовать по Элладе довелось другому декабристу — Владимиру Романову, высланному на Черное море под надзор начальства.

И хотя этот морской офицер душой тяготел более к северу, а точнее, к неизведанным просторам Русской Америки, он употребил черноморское изгнание на пользу науки. Будучи прирожденным исследователем, Владимир Романов и на Черном море проявил себя как географ. Его давний знакомый Павел Свинын, в «Отечественных записках» которого будущий декабрист дебютировал с

«Записками об Испании», неоднократно просил Романова присылать труды о Черном море, его берегах, народах и странах.

Известно несколько писем Романова, в которых он обещал прислать географические заметки и рассказывал о том, что «басурманская пуля» поцеловала его в висок и теперь у него голова болит при всякой перемене погоды. Вероятно, Романов сдержал свое обещание, но статьи его не пробились на страницы «Отечественных записок»... Лишь в третьей части «Записок ученого комитета Морского штаба» в 1829 г. появились «Замечания о рейде при Сухум-Кале лейтенанта Романова». Любопытно, что этот труд декабриста подан с величайшей осторожностью. Об этом свидетельствует предпосланная ему фраза: «Главный командир Черноморского флота доставил изложенные лейтенантом Романовым следующие замечания о рейдах на Сухум-Кале и Редут-Кале»¹⁹.

Очевидно, появлению этих «Замечаний» способствовало то обстоятельство, что по представлению командира Черноморского флота Самуила Грейга Романов был произведен в капитан-лейтенанты, награжден орденом св. Анны 2-й степени и золотой саблей с надписью «За храбрость» и, наконец, освобожден от гласного надзора своего начальства.

В своих «Замечаниях» Романов рассказал о географических изысканиях, которые он выполнил во время крейсерства летом 1827 г. на шлюпе «Диана» у берегов Абхазии. Прежде всего он промерил и картировал Сухумский залив.

«Рейд при Сухум-Кале,— писал Романов,— закрыт от северных, восточных и юго-восточных ветров. Глубина самая лучшая для якорного стояния от 30 до 15 сажен, где грунт ил, а в некоторых местах и на десяти саженях тот же грунт. Идучи с моря днем, самый лучший показатель якорного места — восточные ворота крепости, и коль скоро они откроются, глубины оказываются 50, 45 и 30, а ближе к берегу 25, 18 и 10 сажень»²⁰.

Далее Романов отмечал, что ширина Сухумского залива между мысами Кадором и Сухумским составляет около 25 верст. Вблизи Сухумской крепости в море впадает речка Басла, ширина которой в низовье составляет около 30 м. Во время ливневых дождей она бурлила мутными волнами, а в остальное время вода в ней изумляла своей

прозрачностью и вкусом. Романов рекомендовал морякам именно здесь запастись питьевой водой. Он исследовал устье реки Киларус. Она была стремительна в своем течении, а вода холодной, изумительно чистой и вкусной. Затем были обследованы четыре небольшие речки, в которых водились «раки и мелкая рыба». Более обстоятельно была осмотрена река Кадор, впадающая в море двумя рукавами. Наибольший из них достигает ширины около 50 сажен, фарватер его глубок, однако при впадении имеет отмели и островки. «Рыбы в оном чрезвычайно много,— замечает Романов,— попадаются осетры, белуга и другие». Второй рукав этой реки значительно уже, ширина его составляет всего лишь 5 сажен.

Романов не ограничился промером рейда и описью речек, он побывал и в сухумских лесах. В замечаниях декабриста также много сведений, полезных для командиров и офицеров, плавающих в восточной части Черного моря.

«Дабы найти Сухумский рейд, идучи от запада или от Севастополя,— писал он,— должно примечать следующее: во-первых, приблизясь около 40 миль, можно усмотреть мыс Адлер, который имеет вид нашего крымского мыса Аюдага, или Аюди, и совершенно таким же образом отделяется от матерого берега, а гора Адлер имеет некоторое подобие с Чатырдагом и открывается с моря в ясную погоду за 60 миль. Потом, когда, пройдя мыс, увидишь белое место на невысоком берегу, называемом Пицунда, должно продолжать курс не слишком в дальнем расстоянии от берега и не далее 10 миль, подходя к Сухуму, можно видеть гору, подобную чалме, находящуюся над Сууксами, вид ее весьма черный и отличный от прочих гор; она названа Цифирьева шапка»²¹.

Дальше, по словам Романова, перед мореплавателем должны были открыться две призматические, стоящие одна подле другой горы. Западную из них следовало запеленговать и по румбу, близкому к северу, продолжать путь, который и приведет к Сухум-Кале. Столь же подробно Романов рассматривает особенности рельефа южного створа Сухумского залива, давая при этом наставление мореплавателям для входа на его рейд при следовании от потийских берегов.

Романов отметил существование «течения, идущего вдоль берега от востока к западу», которое рекомендовал

П. И. ПЕСТЕЛЪ

Н. М. МУРАВЬЕВ

А. О. КОРНИЛОВИЧ

Н. А. БЕСТУЖЕВ

М. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Д. И. ЗАВАЛИШИН

Г. С. БАТЕНЬКОВ

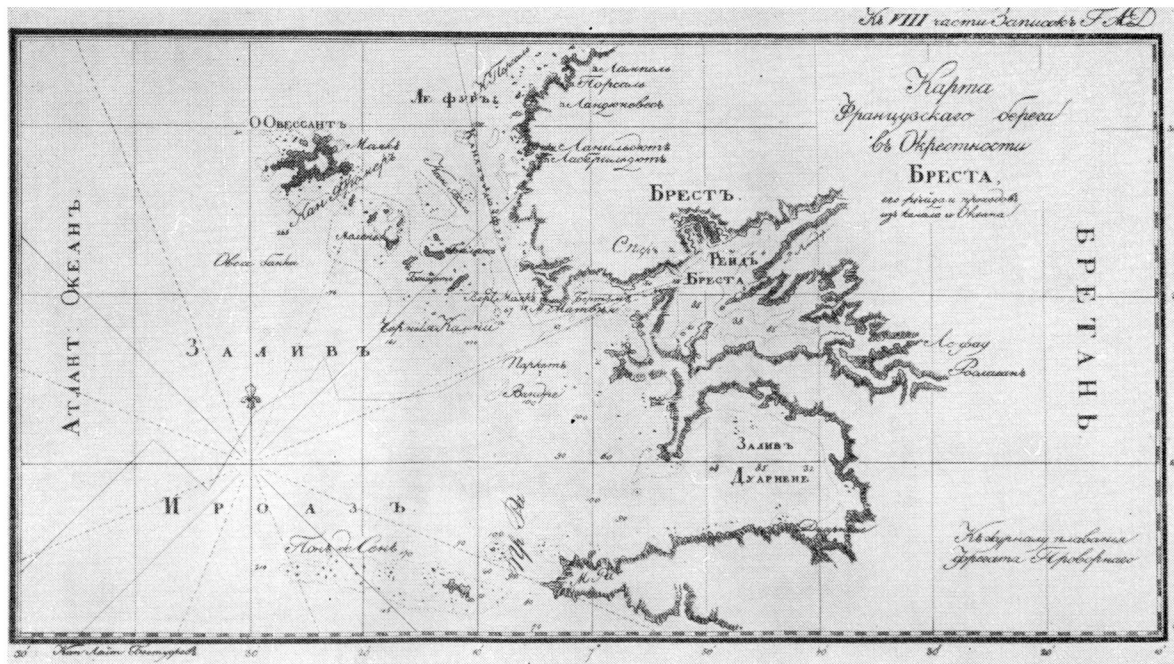

И. Д. ЯКУШКИН

П. И. БОРИСОВ

М. Ф. МИТЬКОВ

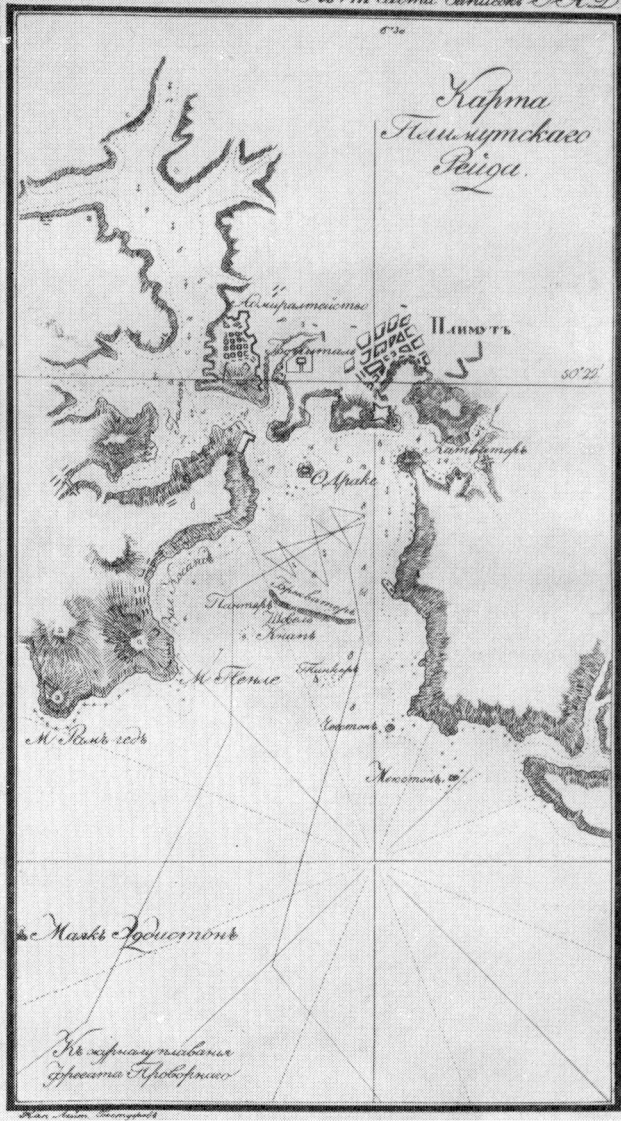

Карта французского берега в окрестности Бреста, его рейда и проходов из канала и океанэ (составлена Н. А. Бестужевым)

Карта Гибралтарского пролива и рейды Гибралтара (составлена Н. А. Бестужевым)

Карта
Плимутскаго
Рейда.

Карта Плимутскаго рейда (составлена Н. А. Бестужевым)

настоятельно учитывать мореплавателям, так как его силой корабль мог быть снесен за ночь на 20 миль и более. Большое место в очерке о Сухумском заливе уделено характеристике его климатических особенностей. По словам Романова, днем, как правило, ветер дует с моря в сторону берега. При закате солнца наступает затишье, которое ночью сменяет ветер, дующий с гор летом до 8 часов утра, а зимой до полудня.

«Когда в море шторм и буря свирепствует во всей силе,— отмечает Романов,— тогда на Сухумском рейде тихо, ветер дует с берега, и ходит одна только зыбь, а волнения не бывает»²².

Самым опасным для судов, стоящих в Сухумском заливе, считался северо-восточный ветер. Он дует шквалами «из ущелья, прямо с гор». Его порывы достигают большой силы и срывают корабли с якорей, поэтому суда при наступлении северо-восточной бури крепятся к берегу.

Кроме того, находясь в Сухумском заливе, Романов определил склонение компаса. Все определения географических пунктов были основаны на многократных астрономических наблюдениях.

Летом 1827 г. Романов исследовал рейд Редут-Кале, расположенный при устье реки Хоп, на расстоянии 123 верст от Кутаиси и 12 верст от Рионской пристани. Были измерены глубины рейда, определен грунт моря, запеленгованы горы Малый и Большой Олень, Потийский мыс и другие приметные места, зарисованы виды берегов, изучены климатические особенности района, при этом собраны сведения о том, что в Редут-Кале и Анапе в августе и сентябре «случаются тайфуны, но весьма малые».

Таким образом, во время крейсерства на шлюпе «Диана» Романовым была выполнена съемка большого участка кавказских берегов и сделаны зарисовки приметных мест. Составленные им карты имели важное значение для Черноморского флота и были немедленно опубликованы. Флот нуждался и в его гидрографических замечаниях, поэтому они увидели свет в рекордно короткий по тем временам срок, несмотря на то что их автор имел «прикосновение к делу 14 декабря».

Во время исследовательских работ у кавказских берегов Романов составил словарь «абхазских и других чер-

кесских наречий», который командование Черноморского флота переслало в Петербургскую академию наук.

Судьба Романова еще многие годы была связана с Черным морем. Ему довелось увидеть Босфор и Дарданеллы и путешествовать верхом на лошади по Греции. В годы Крымской войны Романов добровольцем сражался на Черном море. Одним из последних он покинул редуты осажденного Севастополя и, будучи раненым, продолжал командовать судном и под огнем противника перевозить на северную сторону последних защитников города. Вскоре после окончания Крымской войны Романов по поручению Русского общества пароходства и торговли исследовал Днестр и составил его карту.

Завершая данный раздел, следует сказать, что декабристы принимали участие в описи и промере Белого моря, исследовании Новой Земли и съемке Кавказского побережья Черного моря. Их внимание привлекали вопросы изучения вод и островов Балтики и Арктики. Многие выдающиеся исследователи морей России находились в тесном контакте с декабристами.

Символично, что климатологические изыскания Врангеля, Анжу, Матюшкина, Чижова, Иванчина-Писарева, Рейнеке явились прологом к метеорологическим наблюдениям декабристов в Сибири и вместе с ними вошли в состав классических трудов по климатологии России. Те и другие стали драгоценным достоянием науки, ее гордостью, ее первым словом о климате Севера и Сибири.

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ

Труды Батенькова по географии Сибири

Первенцы свободы рассматривали географическое изучение Сибири как важнейшую государственную задачу. Слабая изученность ее рек, гор, рудных богатств, климата, хозяйства, состава населения привлекла их внимание значительно раньше, чем они были отправлены на каторгу и в ссылку. Чтобы правильно оценить географическую деятельность сибирских изгнанников, необходимо прежде всего обратить внимание на тот выдающийся вклад, который внес в изучение природы и экономического положения Сибири Гаврила Батеньков.

Батеньков был единственным декабристом-сибиряком. Он родился 25 марта 1793 г. в Тобольске и был двадцатым ребенком в семье. Его «учителем в гимназии и впоследствии добрым другом» был отец великого русского ученого Д. И. Менделеева И. П. Менделеев¹. Батеньков участвовал в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. Он получил 11 ран в сражении при Монмирале. Выйдя в отставку и сдав экзамены на звание инженера путей сообщения, он уехал в Сибирь. Здесь в 1819 г. Батеньков встретился с известным государственным деятелем, сибирским генерал-губернатором М. М. Сперанским, по поручению которого разработал проект укрепления берегов Ангары (с учетом скорости ее течения). Батеньков совершил несколько поездок в район Култука, южного берега Байкала, селения Посольского, Селенги и Кяхты и затем совместно с полярным исследователем Матвеем Геденштромом разработал проект новой кругобайкальской дороги, который был осуществлен лишь спустя четыре десятилетия, а впоследствии по трассе, намеченной будущим декабристом, была проложена железная дорога².

Вскоре Сперанский привлек Батенькова к разработке известной Сибирской реформы, в процессе подготовки ко-

торой в 1820—1821 гг. составил семь важнейших документов, в том числе «Положение о приведении в известность земель в Сибири».

В канцелярию сибирского генерал-губернатора сходилось большое число донесений с Камчатки о русских исследованиях на севере Тихого океана, кругосветных плаваниях, наконец, поездках иностранных путешественников по Сибири. Все это, безусловно, расширяло круг географических интересов Батенькова. Батеньковым были собраны многочисленные географические материалы, в том числе описания Тобольской, Томской и Иркутской губерний, составленные землемерами Антоном Лосевым, Степаном Зверевым, Василием Филимоновым. На этих документах имеются исправления и пометки, сделанные декабристом³.

Среди его бумаг сохранились данные о распределении русского крестьянского населения и поселенцев по уездам и губерниям Сибири, о росте посевных площадей в 1810—1819 гг., состоянии горных заводов и рудников и количестве приписанных к ним душ «мужского полу», местной промышленности, населения и его этническом составе.

В 1820 г. Батеньков написал очерк «О Якутской области», сохранившийся среди бумаг декабриста в рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Он содержит общую географическую характеристику Якутии. Весьма подробно описаны Якутск, его положение, пути сообщения области. Особое внимание уделено гидрологическому режиму рек Лены, Вилюя, Алдана, Индигирки, Колымы и условиям судоходства по ним. Батеньков рассматривает климатические условия, леса, горы, почвы, вечную мерзлоту Якутии. В заключении очерка изложены «средства улучшить положение народов, обитающих в Якутской области», где проживало 72 597 душ⁴.

В 1822—1823 гг. Батеньков в нескольких частях журнала «Сын Отечества» опубликовал обширную статью (точнее, серию статей) «Общий взгляд на Сибирь», которая является важнейшим географическим трудом декабриста. В первом разделе рассматривается вопрос о внешних границах страны. Характеризуя изученность пограничных областей Сибири, Батеньков отмечает, что они подробно исследованы в немногих только местах. И еще менее изучена «внутренность сей страны».

Следующая глава посвящена районированию Сибири. Батеньков останавливается на некоторых особенностях климата Сибири и его влияния на развитие земледелия. Он отказывается от точного математического определения климата по линии Полярного круга, поскольку места, расположенные на одной и той же широте, характеризуются различными природными условиями, в зависимости от которых хлебопашество в одних районах распространяется до 60°, а в других «пресекается гораздо южнее»⁵.

Батеньков выделяет холодный и умеренный пояса. По его мнению, гражданское устройство Сибири должно строиться не по широтным зонам, хотя создание управления Севером дало бы возможность «приноровить административную деятельность к обычаям, добрым нравам и преданиям коренных жителей». Вместе с тем обширность северных территорий, отсутствие путей сообщения, зависимость в продовольственном отношении от южной части страны делают невозможным существование «отдельного управления Севера»⁶.

По особенностям рельефа он делит Сибирь на две части: Восточную («гористую») и Западную («ровную»). Весьма подробно охарактеризованы реки и рассмотрена пригодность их долин для более широкого развития земледелия, в частности, равнин к западу от Тобола, «низких плоскостей» между Тоболом и Иртышом, «великой степи» в междуречье Иртыша и Оби.

«Между Обью и Енисеем, — отмечает Батеньков, — лежит царство металлов: южные горы содержат в себе серебро, медь и свинец, север преизобилует железом. Полуденная часть сей полосы гориста и камениста, средняя состоит из умеренных возвышенностей и составляет главную житницу Сибири. Хлебопашество находится здесь в самом цветущем состоянии, далее даже 58° широты. Во многих местах пчеловодство составляет равномерно избыточный промысел»⁷.

Далее Батеньков дает краткую характеристику земледелия в полосе, лежащей между Енисеем и Байкалом и в верховьях Лены, которые покрыты дремучими лесами. Землепашество в этих местах мало распространено, но там, где распаханы земли, крестьяне снимают обильные урожаи. В то же время хлебопашество в Забайкалье ненадежно — «несвоевременные морозы нередко похищают самые лучшие надежды земледельца».

Батеньков отмечает, что прежнее и нынешнее административное деление Сибири не удовлетворяет ее хозяйственных потребностей. Из трех сибирских губерний (Тобольская, Иркутская и Томская) особенно неудачно была образована Томская, «пределы которой, по-видимому, определены были простым воззрением на расстояния» без учета существующих путей сообщения. В результате северные районы по Енисею и его притокам оказались «вне пределов ближайшего действия» губернской администрации. Более того, целый округ оказался отделенным от Томска землями, находившимися в ведении горного ведомства, не говоря уже о том, что со значительной частью губернии почти не существовало удовлетворительных транспортных путей. Батеньков находил «нужным постановить новое разделение Сибири, то есть образовать по системе Енисея еще одну губернию, собрать воедино разрозненные части губернии Томской».

Таким образом, Батеньков смело перекраивал существующие внутренние административные границы Сибири на основе учета состояния хозяйства и путей сообщения, что было новым словом в районировании России, которое нашло дальнейшее развитие в «Русской правде» и проекте конституции Никиты Муравьева.

Один из разделов этого труда посвящен этническому составу населения Сибири. Батеньков отмечает, что присоединение Сибири «не было сопровождаемо опустошениями». Казаки и землепроходцы не принуждали коренных жителей «переменять веру, обычай, язык». По последней переписи (1791) в Сибири насчитывалось 436 213 «инородцев», в том числе 220 307 мужчин (в 1763 г. их было около 114 тыс.).

В исследовании подробно рассмотрены места расселения и количественный состав национальностей Сибири. По роду занятий и образу жизни Батеньков делит народы Сибири на три разряда: оседлые, кочевые (полуоседлые) и бродячие. обстоятельное изучение этнического состава народов Сибири Батеньковым было выполнено в связи с работой над «Уставом об управлении инородцами». В этом документе, впоследствии получившем силу закона, будущий декабрист наметил меры по поднятию общественной и культурной жизни сибирских народностей до уровня русского населения и по облегчению перехода от кочевого и бродячего образа жизни к оседлому, к занятиям

земледелием, обеспечив их «особым пространством» (типа волостей).

По словам академика С. В. Бахрушина, составители устава были воодушевлены «прекрасными принципами»⁸. И действительно, «Устав» Батенькова находится в удивительном согласии с «Русской правдой» Пестеля, свидетельствуя о том, что прекрасные принципы отражали гуманизм декабристов и их глубокое внимание к судьбам малых народов.

Весьма подробно рассмотрел Батеньков ход заселения русскими Сибири и дал характеристику численного состава населения в Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях, Якутской и Камчатской областях и в Охотском приморском управлении. В это исследование была полностью включена ранняя работа «Табель населения Сибири по климатам».

Она интересна прежде всего попыткой разделения Сибири по климатическим особенностям на Северную, Среднюю и Южную полосы. К Северной полосе декабрист относит Березовский уезд Тобольской губернии, Нарымский и Туруханский уезды Томской губернии, Якутскую область, Гижигу, Охотск и Камчатку, делая при этом оговорку, что Охотск, Гижигу, Камчатку и «полуденную часть Якутской области, прилежащую к Становому хребту, следовало бы по положению причислить к Средней полосе», но он считает нужным отнести их к Северной «по неспособности к плодородию». Всего в Северной полосе проживало 198 117 человек, в том числе 15 900 русских. В состав Средней полосы Батеньков включил Туринский, Тюменский, Тобольский и Тарский уезды Тобольской губернии, Каинский, Томский, Енисейский уезды Томской губернии и Киренский уезд Иркутской губернии. Всего в Средней полосе проживало 382 011 человек, из них русских — 328 820.

В примечаниях Батеньков писал, что «в Средней полосе часть уезда Туринского, а именно комиссарство Пельинское, часть уезда Тобольского, а именно комиссарство Денциковское, часть Енисейского уезда, прилежащая к Туруханскому, также и часть Киренского, прилежащая к области Якутской, могли бы быть по положению их и по бесплодию отнесены к полосе Северной, но поставлены в Средней — по маловажности населения и во избежание раздроблений».

К Южной полосе были отнесены Ялуторовский, Курганский, Ишимский, Омский уезды Тобольской губернии, Бийский, Кузнецкий, Красноярский уезды Томской губернии, Нижнеудинский, Верхнеудинский, Иркутский, Нерчинский уезды Иркутской губернии.

В Южной климатической полосе проживало 1 021 892 человека, из них русских — 911 385. Население всей Сибири, по данным Батенькова, относящимся к 1820 г., составляло 1 602 010 человек, из них — 1 156 105 русских. (В таблицу распределения населения по климатам не были включены войска ⁹.)

Свое обозрение Сибири Батеньков заканчивал классификацией земель, разбив их на четыре группы: 1) тундра и топи; 2) степи и солончаки; 3) плоскогорья и «горы средней величины»; 4) высокие горы. «Сибирь,— писал он,— содержит в себе богатый запас земель, обеспечивающий изобилие наших земледельцев на неисчислимое время» ¹⁰.

Создание обширного исследования «Общий взгляд на Сибирь» связано с работой Батенькова над «Положением о приведении в известность земель Сибири». Батеньков отметил, что география Сибири «далеко еще не достигла желаемого совершенства и по сие время не имеем мы верных и подробных карт сего края» ¹¹.

Работая над «Положением», Батеньков глубоко и всесторонне проанализировал историю открытия и географического познания Сибири. По его словам, «первые наши завоеватели сего края были также и первыми его землеописателями». Совершая смелые походы, «русские замечали все на своем пути и сообщали свои замечания с довольною точностью». Этот вывод Батенькова подтвержден многочисленными современными публикациями «отписок» и «челобитных» русских землепроходцев.

По словам декабриста, за 150 лет русские землепроходцы не только изведали всю Сибирь, но и открыли все омывающие ее моря как на севере, так и на востоке ¹².

Батеньков считал, что моряки и ученые Второй Камчатской экспедиции обзрели многие места Сибири и дали описание ее природы, а последующие экспедиции на северо-восток Сибири и север Тихого океана расширили географические представления. Морскими путешествиями XVIII в., по словам Батенькова, только были дополнены,

проверены и точнее определены открытия русских землепроходцев. Однако составленные ранее карты к началу XIX в. устарели, большинство пунктов Сибири не было определено астрономическими наблюдениями, а положение рек, гор, озер основывалось «нередко на одних догадках».

Все это затрудняло административную деятельность и хозяйственное освоение земель, поскольку «местное начальство» не имело представления, «какие именно из них свободны и могут быть обращены в частную собственность или для новых поселений».

Именно этой задаче и был подчинен разработанный Батеньковым проект, который имел «хозяйственную цель». Вместе с тем в нем было уделено большое внимание «усовершенствованию географических познаний о сей стране».

В «Положении о приведении в известность земель Сибири» Батеньков отмечал, что ввиду безуспешности попыток подробного картирования земель Сибири, предпринимавшихся на протяжении целого столетия, снаряжается особая землеописательная экспедиция, находящаяся в полном подчинении сибирского генерал-губернатора.

Экспедиция обеспечивалась «учеными пособиями так, чтоб сделанные до сего времени в науках открытия могли быть к делу сему приложены по крайней возможности»¹³. Она должна была состоять из 12 офицеров и 50 топографов. На ее содержание ежегодно намечалось расходовать 116 тыс. руб., не считая жалованья участникам экспедиции и единовременных затрат на инструменты и различное снаряжение.

Землеописательная экспедиция должна была иметь целью «приведение в известность количества и положения земель, способных к заселению и устройству разных заведений, дабы можно было решительно определить:

- 1) какие земли надлежит оставить для нынешних поселений;
- 2) до какого количества и где можно умножить заселения;
- 3) какие земли надлежит сохранить в запасе для государственных потребностей;
- 4) какие можно раздать в частное владение;
- наконец, 5) определить удобство взаимных сообщений всех сих мест»¹⁴.

Экспедиции предстояло исследовать полосу земель Сибири, лежащую в климате, пригодном для земледелия, или, конкретнее, от южных границ до 60° с. ш.

Во время производства съемок в каждой сибирской губернии Батеньков предлагал иметь две постоянные обсерватории. При этом одна из них должна была находиться в губернском городе, а другая — переезжать вместе с экспедицией постепенно к востоку. Кроме астрономических наблюдений для точного определения долгот и широт и проверки инструментов для ученых изысканий, обсерватории должны были вести «наблюдения над барометром и термометром» и определять «склонение и наклонение магнитной стрелки».

Далее Батеньков еще раз подчеркивал, что метеорологическими и магнитными наблюдениями во время съемки Сибири должны заниматься специально назначенные офицеры, снабженные выверенными инструментами. По возвращении из путешествия они должны были представлять в постоянную обсерваторию журналы измерений.

Принимая во внимание обширность территории, которую экспедиции предстояло обследовать, главное внимание предлагалось уделить картированию наиболее заселенных мест, а для мест малонаселенных составить общие географические описания. Экспедиция должна была определить астрономическими наблюдениями города, крупные населенные пункты, устья, положения и направления главнейших рек.

Топографической съемкой предполагалось «привести в известность положение гор, холмов и возвышений, озер, болот, рек, ручьев, оврагов, губернских и уездных границ, лесов с разделением на роды, мест пашенных, лугов, дорог, означить различие грунтов, песчаного, солонцеватого, каменистого и проч., отличить места, потопляемые разлитием вод. Одним словом, привести в точную известность как положение, так и качество земель и все на оных усадьбы и урочища. Измерить высоту гор и их склонов»¹⁵. Кроме того, должны были составляться общие описания с тем, чтобы впоследствии на их основе составить географические очерки каждой губернии и хозяйственные характеристики описанных земель. На исследование каждой губернии отводился срок в 6—7 лет. Картирование должно было осуществляться в масштабе 20 верст в одном дюйме.

Начальник экспедиции в каждом месте своего пребывания обязан был вести «барометрические и термометрические наблюдения, равно и все прочие ученые замечания, касаясь и гидрографии, через наблюдение половодий и измерение быстроты течений. Одним словом, стараться, чтоб пребывание его в Сибири принесло сколько можно более пользы по всем предметам наук и точных искусств»¹⁶. Экспедиция должна была составить «систематическое» описание каждой губернии.

Согласно смете Батенькова расходы на покупку научных инструментов должны были составить 51 тыс. руб., в том числе геофизических — 2800 руб., и 10 тыс. руб. на постройку постоянных и походных обсерваторий. Всего предполагалось картировать 2 762 449 кв. верст.

В августе 1821 г. Сперанский передал проект Батенькова в Главный штаб. Однако здесь проект не встретил сочувствия и был переправлен в Сибирский комитет, который рекомендовал ограничить исследование Сибири лишь съемкой наиболее плодородных и наиболее населенных земель.

Таким образом, еще до восстания на Сенатской площади одним из выдающихся деятелей движения декабристов был не только создан замечательный труд по географии Сибири, но и намечены пути ее широкого изучения. Решение некоторых из поставленных Батеньковым ученых проблем взяли на себя его товарищи по тайному обществу, отправленные на каторгу и в ссылку.

Естественнонаучные исследования декабристов в годы изгнания

Большинство декабристов, до восстания принимавших участие в изучении России, полярных морей и Мирового океана, были приговорены к каторжным работам, притом на весьма большие сроки (Николай и Михаил Бестужевы, Торсон, Завалишин и др.). Во время заключения в Чите и Петровском заводе они, разумеется, не имели возможностей для географического ознакомления с краем. Их интересы сосредоточились на изучении климатических особенностей Сибири, сборе ботанических и зоологических коллекций, разработке теоретических вопросов естествознания.

Среди «чтений» в «казематной академии» видное место занимали рассказы Торсона о плавании к Южному полюсу, рассказы Михаила Кюхельбекера и Завалишина об островах Тихого океана, русских поселениях в Америке, о промыслах Российско-Американской компании. Известно, что в созданной декабристами библиотеке Петровского завода было много трудов по географии, географических журналов и, наконец, географических карт. Более того, Якушкин с Пуциным составили карту Забайкалья. Как видно из письма Якушкина к Пуцину, занятиям географией принадлежало важное место в ученых интересах изгнанников. «Помаите ли общий наш труд над картой, которую Вы прозвали рыбой и которая в самом деле имела несколько вид осетра?»¹⁷

Якушкин нашел способ упростить составление географических карт. В каземате он разработал «свои многотрудные таблицы, где долгота и широта мест переложены по новому его способу, с градусов на версты и сажени»¹⁸. Затем Якушкин начертил три глобуса, из которых два отправил своим сыновьям в Москву, а третий служил учебным пособием в Ялуторовске.

Еще одна карта Забайкалья была создана Д. И. Завалишиным. Она использовалась сибирской администрацией как самая точная и самая подробная. «Чтобы судить о затруднениях, которые я должен был преодолеть в этом деле,— писал декабрист,— достаточно сказать, что для правильного нанесения на карте течения реки Чикоя я должен был расспросить 168 человек жителей разных местностей по ней»¹⁹.

В Петровском заводе Якушкин приступил к работе над учебным пособием по географии. Его создание было связано с той просветительской деятельностью, которую начали декабристы еще в каземате, где обучали детей горных чиновников. (Многие из них поступили затем в Горный институт, обратив на себя внимание блестящей общеобразовательной подготовкой²⁰.)

Во время заключения и на поселении обучением детей занимались Николай и Михаил Бестужевы, Петр и Андрей Борисовы, Петр и Александр Беляевы, Матвей Муравьев-Апостол, Дмитрий Завалишин, Иван Пуцин, Константин Торсон, Гаврила Батеньков и многие другие.

Особо выдающаяся роль в этом принадлежит Якушкину, просветительской деятельности которого посвящено

исследование академика Н. М. Дружинина²¹. Якушкину удалось в 1842 г. открыть первую в Западной Сибири школу для «бедного класса». Спустя четыре года им была основана школа для девочек.

Для своих учеников Якушкин составил пособия по грамматике, истории, физике, химии, ботанике, зоологии. Самым подробным и обстоятельным было учебное пособие по географии (134 листа в рукописи). Оно содержало общие представления о Земле, ее полюсах, долготах и широтах. Особое внимание уделено водам Мирового океана, в том числе Северного и Южного Ледовитых, Атлантического, Индийского и Тихого.

Специальный раздел пособия был посвящен общим понятиям о государствах мира. Весьма подробно рассматривалось административное устройство России.

Кроме того, Якушкин составил 47 таблиц, которые должны были помочь усвоению материала по математической, физической и политической географии. Под его руководством ученики самостоятельно составили карту Западной Сибири и совершали ботанические походы по окрестностям Ялуторовска.

Годы педагогической деятельности Якушкин назвал прекрасным временем своей жизни. Это вопреки соответствовало его горячему стремлению меньше всего хлопотать о себе и всеми силами служить идеалам революционного движения, которым он остался верен до конца своих дней. Ради этого «прекрасного дела» Якушкин пожертвовал теоретическими изысканиями в области естественных наук, в которые он было «всецело погрузился» по выходе на поселение. В результате занятий естественными науками декабрист создал трактат «Что такое жизнь», сохранившийся в рукописи и опубликованный только в 1949 г. В этом исследовании декабрист, опираясь на достижения современного естествознания и отвергая богословские и идеалистические представления о жизни, определяет роль и место человека в окружающем его мире, рассматривая его лишь как «звено в бесконечной цепи» живых существ. Особенный интерес представляют мысли декабриста о взаимодействии человека с природой и о необходимости изучения воздействия как природы на человека, так и человека на природу.

По словам декабриста, человек, находясь в непрерывном общении с природой, должен прежде всего напри-

вить силы своего разума на изучение «всех проявлений в природе» и стремиться на основе полученных наблюдений знаний определить взаимодействие и взаимосвязь различных природных явлений, а также «стараться определить их взаимные отношения и отношение человека к природе»²².

Теоретические работы по различным вопросам естествознания велись и другими декабристами. Во время казематного заточения Николай Бестужев начал исследование о внутренней температуре Земли, которое, по-видимому, являлось прологом к его труду «Система Мира». До нас не дошли ни одна страница этого сочинения, ни его план. О круге вопросов, которые затрагивались в «Системе Мира», можно судить лишь по переписке декабриста с родными и друзьями. Исследование должно было дать представление о внутреннем строении Земли, землетрясениях, о связи сейсмических явлений с атмосферными и гидрологическими явлениями (на примере убыли и прибыли воды в Селенге в периоды «трясения почвы»), о гравитации Земли, о магнитном склонении и наклонении, дрейфе магнитных полюсов, магнитных аномалиях (типа «второго полюса» в районе Колымы), о воздушной оболочке Земли, причинах «революций» в погоде в различных районах мира, об электрических явлениях в атмосфере, о распределении воды и суши на земном шаре, о влиянии лесов на климат и запасы воды в реках.

Частью полученных выводов Николай Бестужев поделился с Михаилом Рейнеке, который просил позволения сообщить их своим друзьям: Гумбольдту, Купферу, Струве, Ленцу, Бэру. Исследование «Система Мира» должно было дать общие представления о нашей планете и ее месте во Вселенной. Более того, судя по тому, что Рейнеке дважды обращался со своей просьбой к Николаю Бестужеву, декабристом были получены выводы выдающегося научного значения.

Почти ничего неизвестно о другом теоретическом исследовании. Речь идет о труде Торсона «Опыт натуральной философии о мироздании». Как и «Записки о плавании к Южному полюсу и вокруг света», он бесследно затерялся.

Основатель Общества друзей природы и Общества соединенных славян Петр Иванович Борисов в читинском заточении написал статью о происхождении планет. В ней

нет и намека на идеалистическое, тем более на религиозное понимание происхождения Вселенной. Возникновение планет он объясняет как истинный материалист, опираясь на достижения естествознания первой трети XIX в. В отличие от ученых XVIII столетия Петр Борисов в своих суждениях о Вселенной выходит за границы Солнечной системы и считает ее пространство беспредельным. По его мнению, наибольшие успехи в изучении окружающего нас мира может принести «соглашение» математических наук с науками естественными. По мысли Петра Борисова, во Вселенной происходит непрерывное развитие, которое «будет продолжаться вечно»²³.

В ссылке Никита Муравьев создал капитальный труд «О сообщениях в России». К сожалению, он был уничтожен во время обысков, проводившихся у некоторых декабристов. Судя по выполненной академиком Н. М. Дружининым реконструкции, это исследование содержало характеристику гидрологического режима важнейших рек и описание водных путей Америки, Западной Европы, Европейской России.

Вероятно, зарождение интереса Никиты Муравьева к водным путям относится ко времени работы над проектом конституции, в которой многие «державы» будущего Федеративного Российского государства названы по имени крупнейших рек.

Декабрист исследовал вопрос о соединении каналами Белого, Балтийского, Черного, Каспийского морей. По свидетельству Г. П. Шатровой, в черновых набросках имеется особый раздел, посвященный сибирским рекам. В нем даны характеристики Оби, Иртыша, Енисея, Лены, Ангары, Катуня и их притоков и имеются предложения о соединении их каналами в единую водную систему²⁴. Кроме того, среди черновых набросков находятся заметки с расчетами по строительству железной дороги между Якутском и побережьем Тихого океана. По словам Шатровой, Никита Муравьев «мечтал разработать и разрабатывал такой проект водных путей сообщения, который бы сетью каналов, соединяющих реки и моря России, объединил бы и Сибирь в единую систему путей сообщения и открыл бы торговые пути в западные страны». Подобные мысли волновали не только Никиту Муравьева.

Развитие путей сообщения привлекло внимание декабристов Басаргина (в 1836 г. он разработал предложения

об устройстве железной дороги от Перми до Тюмени и организации перевозок от Перми из Сибири и в Сибирь по крупнейшим рекам Европейской России) и особенно Батенькова после того, как он наконец вырвался из секретной камеры. 20 лет одиночного заключения не убили и даже не притупили его желания служить Отечеству, науке, русской географии. По словам Фердинанда Врангеля, он вышел победителем из беспримерно трудного, длившегося два десятилетия боя.

Среди бумаг декабриста находятся проект прокладки пути между Петербургом и Тобольском, Тобольском и Архангельском, предложение о соединении каналом Оби и Енисея, что, по его мнению, связало бы всю Сибирь. В проектах Батенькова ощущается глубокое понимание значения географии при создании новых путей сообщений. «Проложение через Сибирь железнодорожного пути, — писал он в 1857 г., — значило бы присоединение огромной пустынной страны к образованному миру и довершение кругосветного пути. Такая мысль, хоть и далекая от осуществления, не может не произвести восторженного чувства. С первого раза она выказывает исполинский прием человеческого духа...

Чтобы решиться на это дело, надо решиться на реализацию означенной идеи без всяких положительных данных, в полной свободе на широком поле математической и физической географии»²⁵.

Далее декабрист писал, что выбор места постройки транссибирской магистрали должен производиться с учетом топографических и экономических условий.

Батеньков рассматривает три варианта транссибирской железной дороги, должной соединить Петербург с Тихим океаном. Весьма важно, по его мнению, проведение дороги через районы Севера, которые «снова оживляются», но устройство железнодорожного полотна по причине глубоких снегов, суровых климатических условий представляет главное затруднение.

Затем он подробно анализирует достоинства и недостатки среднесибирского и южносибирского вариантов. Он считает, что, прежде чем решить вопрос о выборе трассы, следует заняться изучением Сибири, так как в настоящее время никто не может дать достоверных и подробных «сведений, касающихся страны необыкновенной и пустынной, какова есть Сибирь». Прежде всего надо наметить

вопросы для создания «общей географии» этого края. Особое внимание следует обратить на исследование Нерчинского края, побережья Охотского моря, речных систем Май и Алдана, входящих в бассейн Лены. «Это, — писал Батеньков, — и составляет главный предмет научных изысканий тамошнего отдела Географического общества»²⁶.

Гаврила Батеньков, Николай Бестужев, Никита Муравьев, Николай Басаргин и другие декабристы рассматривали изучение Сибири и развитие ее производительных сил как процесс взаимосвязанный и взаимообусловленный. По их глубокому убеждению, приведение в систему географических знаний о Сибири должно было оказать значительную услугу распространению земледелия, промышленности, ремесел, промыслов. В свою очередь рост промышленности и строительство путей сообщения содействовали бы дальнейшему изучению края, развитию просвещения и культуры.

Декабристы в своих трудах и записках наметили пути подъема производительных сил и культурного уровня Сибири. Весьма важно то, что выдвинутая декабристами программа подъема сельского хозяйства и промышленности Сибири базировалась на всестороннем изучении Сибири и ее природных богатств. Бесспорно, что научная деятельность декабристов в годы каторги и ссылки «была новой формой политической борьбы против самодержавно-крепостнического строя после поражения восстания»²⁷. Но эту деятельность не следует ограничивать лишь проблемами Сибири. Она была гораздо шире и разностороннее, о чем свидетельствуют только что рассмотренные исследования Ивана Якушкина, Петра Борисова, Николая Бестужева, Константина Торсона, Никиты Муравьева в области теоретических проблем естествознания, всеобщей и отечественной географии. Не менее интересен и цикл проектов и исследований Александра Корниловича. В его лице русская наука имела выдающегося географа и историка. В год восстания ему было всего 25 лет. К этому времени он опубликовал 37 статей, посвященных древним и современным путешествиям, географии и истории Русского государства в различные эпохи. Кроме того, большое число географических работ декабриста осталось в виде черновых набросков. Среди его бумаг имелись «сведения о пространстве губерний, о постепенном возрастании народонаселения и прочее». Им же был составлен

атлас, на картах которого было отражено «возрастание России по царствам и государствам, разделение России при Петре, при Елизавете (Петровне)»²⁸ и т. д.

Корнилович был приговорен к 12 годам каторги. 8 марта 1827 г. его привезли в Читу. Он пробыл в остроге менее 10 месяцев. Фаддей Булгарин написал донос в III отделение о том, что Корнилович имел «преступные связи» с австралийским посольством, которое якобы спровоцировало восстание на Сенатской площади и на Украине. Когда его снова перевели в Петропавловскую крепость, он создал целую серию записок, посвященных улучшению положения крестьян в Сибири, учреждению приходских училищ, исследованию Амура, Средней Азии и других сопредельных территорий, расширению торговли со странами Востока. Наконец, предложил составить новый учебник географии. Особенно привлекали его внимание неисследованные области Азии, включая Амур, Монголию, Среднюю Азию.

«Европа,— писал он,— надеется получить от нас сведения о Восточной и Средней Азии. Честь и достоинство нашего правительства требуют удовлетворить в сем случае ожидания просвещенного мира и стяжать его благодарность сообщением ему известий точных о нравственном, политическом и умственном состоянии сих обширных стран, малоизвестных, но весьма любопытных»²⁹.

Корнилович предлагал для изучения сопредельных с Россией стран Азии вместо сановников посольств, которые, как правило, вызывают «неуместные опасения», использовать купцов. В их свите под видом «приказчиков» должны находиться два ученых путешественника, в том числе один астроном. Им надлежало собирать сведения о географическом положении и особенностях посещаемых мест и стран, в также заниматься наблюдениями по естественным наукам.

«Для свершения сей экспедиции предполагается три года,— писал Корнилович.— Она, как сказано выше, отправится из Тифлиса в Бухару». Затем ей предстояло посетить Афганистан, Кашмир, Коканд, Ташкент и другие «мелкие ханства Южного Туркестана», Восточный Туркестан и затем возвратиться в Семипалатинск³⁰.

Корнилович считал свой план экспедиции, бесспорно, исполнимым. «Таковая поездка, совершенная от частного лица под видом торгового предприятия,— продолжал Кор-

нилович, — будет, без сомнения, удачнее, а потому и предпочтительнее всякого рода официальных экспедиций»³¹.

Такая экспедиция будет иметь важное политическое и торговое значение, а также окажет важную услугу «наукам вообще и в особенности географии». Корнилович надеялся не только побудить петербургские власти снарядить экспедицию, но и принять в ней участие. Однако его планы были иллюзорны. Его еще четыре года держали в Петропавловской крепости, а затем отправили рядовым на Кавказ.

Одновременно с разработкой теоретических вопросов естествознания многие узники изучали природу и хозяйство Сибири. Петр Борисов, находясь в Благодатском руднике, начал собирать коллекцию флоры и фауны Сибири, а после перевода в Читу приступил к метеорологическим измерениям, которые сделали его имя бессмертным в науке. Ботаническими сборами занимался и Федор Петрович Шаховский (в Туруханске), и Сергей Григорьевич Волконский (в Чите и Петровском заводе).

Особенно большое внимание изучению сибирской флоры уделял Якушкин, о чем свидетельствует его переписка с товарищами по каторге и ссылке. 6 марта 1840 г. он писал И. И. Пущину, что с ранней весны до глубокой осени занимается сбором ботанических коллекций в окрестностях Ялutorовска. «Один травник отправил я к моим детям, — продолжал декабрист, — а другой, собранный мною в прошлом году, состоящий более нежели из трехсот растений, подарил я Свистунову; он также думает заняться травознанием». Далее Якушкин добавлял, что если бы Пущин жил вместе с ним, то он пристрастил бы его к географическому изучению края³².

Большое место среди географических изысканий декабристов занимали статистические исследования. Одним из первых к ним приступил Михаил Кюхельбекер. «Живу около десяти лет в Забайкальском крае, — писал Михаил Кюхельбекер Н. И. Гречу в апреле 1836 г., — и все заслуживающее внимания я, сколько позволяли мне обстоятельства, старался узнать как можно подробнее. Посылаю Вам образчик моих записок о нашей, как называют здесь эту страну, Даурии: место не русское — чем богат, тем и рад».

Далее Михаил Кюхельбекер сообщал, что у него имеется вторая, более обширная и более «заманчивая», статья,

«которая заключает в себе не одни общие статистические данные, но и живой быт народа»³³.

Статья Михаила Кюхельбекера была задержана III отделением. Больше повезло Владимиру Штейнгию, которому удалось под фамилией своего приятеля Черняковского опубликовать в «Журнале Министерства внутренних дел» (1843, ч. II) статью «Статистическое описание Ишимского округа». Под псевдонимом «Сибирский житель» увидели свет отдельные географические исследования Николая Бестужева, но большинство научных трудов погибло. Царизм предпринимал жесточайшие меры, чтобы ни одно слово декабристов не проникло в печать³⁴. Но несмотря на все препоны и преследования, связь их с русской наукой не оборвалась и после разгрома восстания на Сенатской площади. Незримые нити соединяли узников Читы и Петровского завода с Академией наук, Горным институтом, Нормальной обсерваторией, Пулковской астрономической обсерваторией, Гидрографическим департаментом. Существовали связи между декабристами и Русским географическим обществом, основателями которого являлись Литке, Врангель и Бэр. Известно, что фактический руководитель отделения математической географии этого общества Рейнеке обсуждал с Николаем Бестужевым различные вопросы исследования Сибири и Камчатки. Сибирский отдел неоднократно прибегал к помощи Николая Бестужева, когда посылал своих «чиновников» для изучения юго-восточного Забайкалья. Заведующий этим отделом И. С. Сельский настойчиво звал Николая Бестужева в Иркутск, чтобы обсудить проекты предстоящих научных изысканий. Действительный член Сибирского отдела Кальберг первым обработал и вычислил среднегодовые, среднемесячные выводы по наблюдениям Борисова в Чите и Петровском заводе. Внимательно за деятельностью Сибирского отдела Русского географического общества следил Батеньков, восхищаясь предпринятыми им экспедициями в целях изучения географии и геологии Сибири. На протяжении многих лет с декабристами переписывались Ф. Матюшкин (с Пуциным и Батеньковым) и М. Рейнеке (с Николаем и Михаилом Бестужевыми). Петербургские друзья, ученые и отдельные либерально настроенные чиновники помогли сохранить от гибели часть трудов декабристов. Они скопировали и сберегли метеорологические наблюдения.

ВКЛАД ДЕКАБРИСТОВ В ИЗУЧЕНИЕ КЛИМАТА СИБИРИ

В начале XIX в., по словам В. Н. Каразина, весьма близко общавшегося с декабристами, метеорология находилась в том же состоянии, что и во времена Аристотеля. Действительно, метеорология как самостоятельная отрасль науки не обрела еще независимости. Это в значительной степени объяснялось тем, что метеорологические наблюдения развивались весьма медленно. Наблюдатели пользовались неоднотипными приборами и разными методиками измерений, что затрудняло сравнение и использование добытых данных. На слабое развитие метеорологии влияло также пренебрежительное отношение к изучению атмосферных явлений со стороны не только отдельных ученых, но и целых научных обществ, считавших, что метеорология никогда не возвысится до степени настоящей науки. Более трезво и дальновидно смотрели на значение метеорологии русские моряки, прогрессивные государственные деятели, декабристы и находившиеся в их окружении географы.

Занимаясь поиском материалов об изменениях климата среди исторических источников от первых летописей до вахтенных и метеорологических журналов времени декабристов, автору этих строк посчастливилось выявить неизвестные до сих пор первые регулярные записи о погоде в Москве, относящиеся к середине XVII в. Они были начаты в 1650 г. по указу царя Алексея Михайловича. На протяжении многих лет в «Дневальные записки Приказа тайных дел», находившегося в московском Кремле, заносились метеорологические заметки вроде следующих: «В 1, 2, 3 часах шел дождь не мал и был гром велик, а до 11 часа пасмурно, а в 11 и 12 часах шел дождь велик и град в орех, а с 13 часу было красно, а за час до вечера находили тучи и дождик накрапывал, а в ночи было тепло». Эта запись относится к 1662 г.

Таких записей дошло до нашего времени более 2 тыс. Еще больше визуальных наблюдений за погодой выявлено в «Походных журналах» Петра I за 1695—1725 гг., нередко состоящих только из записей метеорологического характера. В том числе автор не только обнаружил подлинные записи Петра I о погоде, относящиеся к 1715, 1716, 1718, 1721, 1722 гг., но и установил, что еще в 1721 г. Петр I составил метеорологический бюллетень на основе одновременных наблюдений в Петербурге и Риге. 21 марта 1721 г., когда ожидалось появление английского флота в Балтийском море, Петр I решил следить за ходом атмосферных процессов и приказал каждые два-три дня доставлять ему в Ригу метеорологические наблюдения из Петербурга. Одновременно он отдал три приказа о проведении «разведки» за состоянием льдов в Финском заливе со стороны Ревеля и Кронштадта, с тем чтобы, как только фарватер освободится от льдов, флот немедленно следовал в Ревельскую бухту. Так стало известно, что еще в 1721 г. сведения о гидрометеорологических и ледовых условиях были использованы при подготовке крупнейшей военно-морской операции.

Еще годом раньше Петр I издал «Устав морской», которым капитанам кораблей и морским офицерам вменялось в обязанность в «путешествии держать журнал», занося в него сведения о штормах, переменах ветров, течениях, глубинах, опасных мелях, подводных камнях, грунтах моря¹. (Это положение оставалось в силе и во времена декабристов.) Наблюдения над погодой велись моряками фактически со времен первого азовского похода (1695), но они, к сожалению, в основной своей массе остались достоянием архивов.

В одной из коллекций Центрального государственного архива Военно-Морского Флота до Великой Отечественной войны хранилось 6888 шканечных журналов, в которые, как правило, каждый час заносились визуальные наблюдения о направлении и силе ветра, туманах, осадках, общем характере погоды. В них несколько миллионов записей о погоде². Метеорологические наблюдения опубликованы только из 10 вахтенных журналов русских кругосветных экспедиций, в том числе наблюдения на шлюпе «Аполлон», на фрегате «Крейсер», в которых принимали участие декабристы М. К. Кюхельбекер, Д. И. Завалишин и Ф. Г. Вишневецкий.

Исследование климата России и дальних стран, как отмечалось, привлекало многих моряков, декабристов и полярных исследователей, находившихся в тесном общении с деятелями тайных обществ (М. М. Геденштрома, Ф. П. Врангеля, П. Ф. Анжу, Ф. Ф. Матюшкина, Л. А. Загоскина, М. Ф. Рейнеке). Известно, что к числу важнейших достижений экспедиций Ф. П. Врангеля и П. Ф. Анжу декабрист Корнилович отнес их климатические исследования на северо-востоке Сибири³.

Со многими членами Северного общества был знаком выдающийся деятель русского просвещения, основатель Харьковского университета Василий Назарович Каразин. Еще в 1810 г. он выступил с проектом организации правильных и постоянных метеорологических наблюдений в России, которые должны были принести исключительную пользу изучению атмосферных перемен и открыть пути к их заблаговременному предвидению. Спустя семь лет он повторил свои предложения, которые были опубликованы вместе с другими его метеорологическими трудами в журнале «Сын Отечества». В них рассматривались проблемы использования атмосферного электричества на пользу человека, влияния лесов на климат и отмечалась необходимость создания центрального метеорологического учреждения сначала для России, а затем и для всего мира⁴.

Академия наук, видя «ничтожность надежд возвысить метеорологию до степени настоящей науки»⁵, высмеяла проекты В. Н. Каразина. Более того, министр народного просвещения князь А. Н. Голицын увидел в них «мысль, подозрительную, кроющую в себе какое-то злое политическое намерение»⁶.

Вскоре В. Н. Каразин по подозрению в причастности к восстанию Семеновского полка был заточен в Шлиссельбургскую крепость, а затем выслан на Украину под надзор полиции. Ему, как впоследствии и декабристам, было запрещено печатать свои труды. Без разрешения властей он не мог выехать из своего имения Кучик, не говоря уже о том, что ему навсегда было запрещено посещать Петербург и Москву.

Весьма символично, что первым на важность проектов Каразина обратил внимание Вильгельм Кюхельбекер. «Технологические статьи В. Н. Каразина все до одной занимательны,— писал Кюхельбекер в своем тюремном

дневнике. — В «Сыне Отечества» за 1817 год заслуживает особого внимания его «Рассуждение о необходимости сбережения лесов в России», в нем много мыслей основательных и разумных». Весьма заинтересовали декабриста предложения Каразина об устройстве сети метеорологических станций на всем пространстве России от Ливавы до Камчатки и об использовании для практических нужд энергии атмосферного электричества. В. К. Кюхельбекер увидел в этих проектах очень смелые гипотезы, «быть может такие, которые оправдаются лет через сто, пятьдесят или ближе». «Примечательнейшая из этих гипотез, — писал декабрист, — предположение, что человек может покорить себе электрическую силу и употреблять ее орудием усовершенствования произведений своих, точно так, как покорил себе воду, пары и прочее»⁷.

И уже вслед за Вильгельмом Кюхельбекером выдающийся русский климатолог, впоследствии неприменный секретарь Академии наук К. С. Веселовский отметил, что Каразин «прозревал у нас пользу учреждения системы метеорологических наблюдений еще в то время, когда метеорология даже в Европе едва считалась наукой и когда надежда на успех еще не сделалась, как в наше время, убеждением»⁸.

Это признание красноречиво, хотя и сделано через несколько десятилетий после того, как были опубликованы проекты Каразина. Оно свидетельствует о совпадении взглядов декабриста и ученого в оценке одного из выдающихся метеорологических проектов начала XIX в.

Вслед за проектом Каразина вопросы геофизического изучения Отечества были детально рассмотрены в упоминавшемся проекте Гаврилы Батенькова, посвященном проблемам «приведения в известность земель Сибири». Напомним, что он намечал устройство шести астрономофизических обсерваторий (по две в каждой сибирской губернии) и весьма интересовался изучением метеорологических и гидрологических условий. В числе его многих географических работ имеется «Табель распределения населения Сибири по климатам».

Предложение Батенькова об устройстве постоянных обсерваторий было закономерно. Оно отвечало его стремлению служить России и всеобщему благу. Дело в том, что в то время Сибирь почти совсем не была охвачена метеорологическими наблюдениями. К 1825 г. в Енисей-

ской, Забайкальской и Томской областях не существовало ни одного наблюдательного пункта. В Иркутской, Тобольской и Якутской действовало лишь по одной станции. А всего в России насчитывалось 45 мест, в которых велись наблюдения. При этом ни одна станция не выполняла срочные наблюдения по всем метеорологическим элементам⁹.

Заслуживает внимания тот факт, что современник декабристов академик Адольф Яковлевич Купфер точно так же, как и Батеньков, в своем проекте основания системы метеорологических и магнитных наблюдений в России основное внимание обратил на создание геофизических обсерваторий в Сибири.

Считая, что «точное познание климата можно приобрести только из последовательных метеорологических наблюдений», ученый добился основания русской регулярной геофизической сети.

Следует подчеркнуть, что осуществление этой идеи удалось академику Купферу благодаря поддержке начальника штаба Горного корпуса Константина Владимировича Чевкина, в молодости посещавшего декабристские кружки и навещавшего некоторых декабристов на поселении.

Но прежде чем вступили в действие основанные А. Я. Купфером и К. В. Чевкиным обсерватории, к метеорологическим наблюдениям приступили декабристы.

Уже в первые месяцы заточения декабристов в Читинском остроге начинается поистине беспримерный подвиг во имя науки. В октябре 1827 г. подпоручик 8-й артиллерийской бригады Петр Иванович Борисов, отнесенный к «государственным преступникам» первого разряда, приступил к производству метеорологических наблюдений и вел их почти 12 лет, до июля 1839 г. включительно. По словам декабриста М. А. Бестужева, он был страстно увлечен философией и естественными науками и «перечитал все, что было написано древними и новейшими философами и политиками»¹⁰.

На следствии П. И. Борисов показал, что он еще до производства в офицеры с особым пристрастием совершенствовал свои познания в математике и особенно в «натуральной истории, философии и морали». По окончании кадетского корпуса он «совершенно предался» изучению естественных наук¹¹. Товарищи по заточению гово-

рят о нем как об исключительно скромном, добром, отзывчивом человеке, всегда готовом к самопожертвованию. Он пользовался безграничным доверием своих друзей по тайному обществу. Он оставил несколько работ, в том числе статью об образовании планет, собрал богатые ботанические коллекции. Но самым значительным вкладом в науку является 12-летний цикл его метеорологических наблюдений в Сибири.

Первоначально (с октября 1827 по март 1828 г.) наблюдения велись в 6 и 14 часов. Термометр был установлен на солнечной стороне каземата и «подвергался действию солнечных лучей». В марте 1828 г. Борисов перенес термометр в тень и стал наблюдать температуру воздуха в 6, 14, 21 час. Эти измерения велись в Чите до июля 1830 г., когда декабристов отправили в специально выстроенный для них каземат в Петровском заводе.

Здесь П. И. Борисов возобновил трехсрочные ежедневные метеорологические наблюдения, которые вел на протяжении девяти лет, т. е. до того дня, когда узники первого разряда были отправлены из каземата на поселение.

«При своих наблюдениях Борисов,— писал академик Г. И. Вильд, проанализировавший и использовавший температурные измерения декабриста в одном из своих капитальных трудов,— пользовался ртутным термометром. Когда ртуть замерзала, что случалось несколько раз, то отсчеты делались по другому, вероятно спиртовому, термометру. Об установке инструментов у нас нет никаких сведений»¹².

Вильдом не были обработаны измерения температуры воздуха лишь за период с октября 1827 по март 1828 г., когда термометр находился на солнечной стороне и «подвергался действию солнечных лучей».

За исключением этого весьма незначительного промежутка времени по сравнению с 12-летним циклом наблюдений в Чите и Петровском заводе измерения П. И. Борисова были обработаны и использованы директором Главной физической обсерватории в труде «О температуре воздуха в Российской империи». При этом несколько однообразных пропусков, имевшихся в наблюдениях (особенно в октябре и ноябре 1829 г.), Г. И. Вильд заполнил интерполированными величинами¹³.

К чести академика Г. И. Вильда, он отметил в своем исследовании, что наблюдения в Чите и Петровском заводе выполнены «политическим ссыльным Борисовым», о чем, к сожалению, забывали упоминать последующие исследователи климата Сибири. Тем более что эти наблюдения — единственные в мире метеорологические измерения, выполненные в условиях каторги!

Не менее важным и ощутимым вкладом в развитие русской метеорологии явился 10-летний ряд наблюдений, выполненных одним из активных участников основания Северного общества, полковником лейб-гвардии финляндского полка Михаилом Фотиевичем Митьковым, который по истечении срока каторжных работ сначала был поселен в селе Ольхе, в 20 верстах от Иркутска, а затем переведен в Красноярск. Здесь 1 января 1838 г. (по н. ст.) М. Ф. Митьков начал метеорологические наблюдения. Первоначально он их производил в 9, 16, 21 час. Затем с 7 февраля 1838 г. был добавлен еще один срок — в 7 часов. Наблюдения включали измерения температуры и давления воздуха (в дюймах), температуры воздуха в помещении, где был установлен барометр, характеристику состояния неба, для которой использовалось 35 условных обозначений. Прежде всего отмечалось знаками: ясно, пасмурно, облачно. Особенно большое внимание уделено записям о характере облаков (рассеянные облака, облака на горизонте, тонкие облака, тонкие облака около горизонта, местные облака, облака перистые, кучевые, перисто-кучевые, слоистые, слоисто-кучевые, перисто-слоистые, дождевые). Отмечались туман и густой туман, дождь, дождь сильный, проливной, накрапывающий, дождь и град, снег, снег мелкий и большой, вьюга, метель, гром, молния и дождь, иней, изморозь, град, молния и зарница, гром, гром и молния, штиль (тихо) и ветер.

В примечаниях к каждому месяцу давались дополнительные визуальные характеристики погоды за отдельные дни, в которых имеются данные о вскрытии и замерзании Енисея, а также подробности об осадках и морозах. Регулярно, изо дня в день, на протяжении более 10 лет вел метеорологические наблюдения М. Ф. Митьков.

Наблюдения П. И. Борисова и М. Ф. Митькова стали достоянием мировой геофизики. Наука обязана этим академику Купферу, ревностно и неутомимо трудившемуся над развитием метеорологического дела в России.

Карта городов и населенных пунктов Сибири, где вели метеорологические наблюдения декабристы: П. И. Борисов (1, 2), М. Ф. Митьков (3), А. И. Якубович (4), Н. А. Бестужев (5), И. Д. Якушкин и М. И. Муравьев-Апостол (6), М. К. Кюхельбекер (7), А. А. Бестужев (8), П. П. Беляев (9), К. П. Торсон (10), М. И. Муравьев-Апостол (11)

Купфер имел широкие контакты с чиновниками сибирских горных заводов, откуда к нему на обучение производству метеорологических наблюдений приезжали молодые «кантонисты» и, возможно, те из них, которые получили начальное образование у декабристов. Кроме того, сибирские горные заводы посещал начальник штаба Горного корпуса К. В. Чевкин, которому непосредственно подчинялась геофизическая сеть. Но еще раньше Купфер мог получить информацию о метеорологических наблюдениях декабристов в Чите и Петровском заводе через профессора Горного института И. И. Свиязева, состояв-

шего в переписке с Николаем Бестужевым. И наконец, сам Купфер ездил в 1841 г. в Екатеринбург, Барнаул, Златоуст, Богословск и Нерчинск, где инспектировал созданные по его проекту обсерватории. По пути он посетил Красноярск, Иркутск и другие города Сибири. Пока не удалось установить, виделся ли ученый с кем-либо из декабристов, находившихся на поселении. Достоверно известно, что Купфер привез в Сибирь большое число метеорологических приборов и раздал их местным гимназиям, училищам и отдельным частным лицам. Более того, ученый собирал наблюдения, которые велись раньше не только «сословием образованных людей», но и сибирскими купцами, принимавшими на себя этот «утомительный и неблагодарный труд»¹⁴.

Таким образом, имелось немало путей и каналов, по которым Купфер мог получить не только сведения о наблюдениях Петра Борисова в Чите и Петровском заводе, но и скопировать их записи. Тем более что декабристы сами были заинтересованы в том, чтобы наблюдения над климатом Забайкалья стали достоянием науки. Д. И. Завалишин упоминает в своих «Записках декабриста» о том, что выполненные в Чите и Петровском заводе наблюдения были посланы декабристами в Берлинскую академию наук. Завалишин, по-видимому, ошибается. Наблюдения в действительности оказались не в Берлине, а в Петербурге, куда, вероятнее всего, они были посланы в обход III отделения с кем-либо из «доверенных горных чиновников», в своем большинстве относившихся с большим уважением к узникам Читы и Петровского завода. Не исключено, что их получил сам Купфер, когда приезжал в Сибирь. Во всяком случае они стали драгоценным звеном в уникальном собрании метеорологических наблюдений Нормальной обсерватории, которую через 8 лет после возвращения из Сибири академику Купферу удалось преобразовать во всемирно известную Главную физическую обсерваторию (ныне Главная геофизическая обсерватория им. А. И. Воейкова).

Что касается наблюдений М. Ф. Митькова, то, вероятно, они были начаты не благодаря «просвещенной заботливости» енисейского губернатора, а именно по просьбе академика Купфера. Митьков был снабжен лучшими метеорологическими приборами, сверенными с образцовыми инструментами Нормальной обсерватории. Не случай-

но Купфер сам обработал и подготовил к печати его измерения в составе «Свода наблюдений, произведенных в Главной физической и подчиненных ей обсерваториях за 1864 г.» в виде особого приложения. Их издание было завершено академиком Л. М. Кемпом, избранным на пост директора Главной физической обсерватории после смерти А. Я. Купфера (1865).

Труд декабриста был разослан всем метеорологическим и астрономическим обсерваториям и выдающимся естествоиспытателям, в том числе К. М. Бэру, Ф. П. Врангелю, Ф. П. Литке. С этого времени метеорологические изыскания Митькова вошли в состав многих выдающихся исследований ученых нашего Отечества.

Важное значение для изучения климата Сибири имели термометрические и барометрические наблюдения А. И. Якубовича в селе Назимове, на Енисее. На это обстоятельство обратил внимание М. К. Азадовский, опубликовавший «Дело о дозволении государственному преступнику Якубовичу заняться некоторыми сочинениями для г. фон-Миддендорфа»¹⁵.

Из этого дела стало известно, что Миддендорф просил Якубовича принять участие в производстве метеорологических наблюдений, собрать пробы песка и горных пород из окружающих золотоносных речек и, наконец, составить описание Туруханского края в статистическом отношении.

21 февраля 1843 г. Якубович сообщил гражданскому губернатору о предложении ему Миддендорфа «сделать описание Анцыферовской волости... и собрать минералогические сведения и также описать производство работы и механизм управления золотоносных россыпей — Подкаменной, Тунгузки и Питской системы». Гражданский губернатор Енисейской губернии Копылов направил ходатайство декабриста генерал-губернатору Восточной Сибири В. Я. Руперту, который дал 22 марта 1843 г. следующее распоряжение: «Если государственный преступник Якубович желает сделать для г. фон-Миддендорфа описание некоторых частей в статистическом и минералогическом отношении, также описание частных золотых приисков, то может заняться этим не иначе, как под условием, что сочинения его по каким бы ни было предметам не будут напечатаны и изданы в публику ни под каким собственным его именем, ни под псевдонимом, но что они будут сообщены г. Фон-Миддендорфу только

как материалы для собственного его употребления или для собственных его сочинений, с тем чтобы ни в каком случае не объявлял перед публикою, от кого получил их, и, пользуясь ими, вовсе не упоминал бы имени Якубовича»¹⁶.

Известно, что Якубович передал Миддендорфу коллекцию флоры Туруханского края. Что касается других материалов, то «запрещение отлучаться государственному преступнику из мест жительства, последовавшее в 1843 г., отняло возможность сделать проверки на местах, исправить собранные данные и сделать общий свод предпринятому им намерению, почему он все уничтожил». Так по крайней мере доносил енисейский губернатор 6 ноября 1844 г. генерал-губернатору Восточной Сибири. Вместе с тем Якубович выполнил для Миддендорфа цикл метеорологических и барометрических наблюдений.

В Прибавлении I к разделу «Климат» первой части «Путешествия на север и восток Сибири» А. Ф. Миддендорф опубликовал «Метеорологические наблюдения, произведенные в 1843 г. на Енисее в деревне Назимово, под $59\frac{3}{4}^{\circ}$ с. ш.»

Как видно из пояснительного текста к ним, Якубович приступил к наблюдениям 7 апреля 1843 г. За неимением термометра они до 14 июня носили визуальный характер, ограничиваясь лишь общей характеристикой погоды¹⁷.

Инструментальные наблюдения Якубович начал в 21 час 14 июня, когда отметил в журнале температуру воздуха (по Реомюру) $+4^{\circ}$, ветер западный сильный. В графе «погода» сделаны отметки: дождь 15 июня. Якубович вел наблюдения в три срока: в 5, 9 и 19 часов. Затем до 30 июня наблюдения велись дважды в день, при этом с разнообразными вариациями в часах измерений.

С 1 июля 1843 г. наблюдения за температурой воздуха и направлением ветров велись строго в три срока: в 9, 12 и 22 часа. В графе «ветер», кроме направления, давалась его визуальная характеристика: слабый, порывами сильный, безветрие, шторм. Фиксировались резкие перемены в силе ветра. В графе «погода» отмечалось: ясно, немного облачно, дождь всю ночь, туман густой, проливной дождь и т. д. В примечаниях имелись заметки о грозах, об особо теплых днях и утрах, о том, что весьма

мучительны комары и мошки («миллионами»), что косят сено, что сено гниет, что пробивают дорогу к золотым приискам и что «многие работники отморозили себе ноги, носы и проч.» Вечером 31 января 1844 г. ртуть в барометре замерзла и оставалась в таком состоянии до 5 февраля. 29 мая 1844 г. (вероятно, из-за ухудшения здоровья) наблюдения Якубовичем были прерваны и возобновлены 11 августа. Но на этот раз они продолжались только до 29 сентября 1844 г., когда были прекращены вследствие тяжелого заболевания декабриста.

«Наблюдатель Якубович из числа ссыльных, — имеет-ся замечание в конце таблицы наблюдений, — уже полтора месяца страдает водяной болезнью, усилившейся до того, что наблюдать более не может». Декабриста вскоре отправили в больницу в Енисейск, где он и умер в 1845 г. Наблюдения А. И. Якубовича вместе с другими географическими изысканиями были использованы А. Ф. Миддендорфом, который, несмотря на запрещение, упомянул имя политического ссыльного в своем фундаментальном исследовании, посвященном путешествию по Сибири.

Упомянул имя «образованного ссыльного» и академик Г. И. Вильд, под руководством которого были заново обработаны наблюдения Якубовича, пропуски были интерполированы по Красноярску (в основном это относилось к 1—4, 7—8 и 16 февраля 1844 г., когда ртуть в термометре Якубовича замерзла)¹⁸.

Кроме Читы, Петровского завода, Красноярска и Назимова, метеорологические наблюдения велись еще в семи пунктах Сибири: в Баргузине, Барнауле, Бухтарминске, Якутске, Акше, Ялуторовске и Селенгинске. К сожалению, метеорологическое наследство декабристов сохранилось далеко не полностью.

Имеется много свидетельств о том, что И. Д. Якушкин вел метеорологические наблюдения в Ялуторовске, где он был поселен в 1836 г. По его заказу местным умельцем Росмановым были изготовлены «пружинный термометр» и ветромер.

«Этот ветромер, устроенный на башне высотой в несколько сажен, — писал декабрист П. Н. Свистунов, — помещался во дворе дома, занимаемого Иваном Дмитриевичем, в котором он прожил 20 лет. Помощью стрелки, ходившей по циферблату и приводимой в движение системой колес, на которую давил флюгер, сила ветра опре-

делялась пройденным стрелкой расстоянием по циферблату в данный промежуток времени»¹⁹.

Ветромер Якушкина был устроен согласно наставлению академика Купфера «о делании метеорологических наблюдений». Из-за этого прибора у декабриста были неприятности с местным начальством. Ялutorовский городничий приезжал к Якушкину с предупреждением, что «крестьяне и мещане винят его в отводе дождя и что по городу слухи носят, будто они собираются убить его, приписывая сильную засуху ежедневному колдовству на столбе»²⁰. Якушкин заявил городничему, что он надеется на здравый смысл русского народа. Декабрист категорически отказался срубить столб с ветромером, напомнив непрошеному посетителю, что именно городничий «обязан охранять государственных преступников, состоящих под его надзором, и отвечать за жизнь каждого из них...»²¹

Якушкин продолжал вести наблюдения над направлением и силой ветра, пока в состоянии был взбираться на высокий столб с ветромером. Когда его здоровье «окончательно расстроилось», он снял с башни этот метеорологический прибор. Однако в 1850—1851 гг. Якушкин еще продолжал вести метеорологические наблюдения, что видно из его писем к близким. Так, рассказывая о наступлении ранней зимы, он упоминает, что утром 24 ноября 1850 г. термометр показывал -26° . 13 января 1851 г. он писал о том, что морозы достигли более -33° , что ртуть в термометре замерзла и не «оттаивала» несколько дней²².

Ведение Якушкиным метеорологических наблюдений не подлежит сомнению. Но где находится журнал, в который он заносил данные о температуре и давлении воздуха, силе и направлении ветра? Наши попытки разыскать его в семейном архиве Якушкина не принесли результата. Не нашелся он ни в архиве Главной геофизической обсерватории им. А. И. Воейкова, ни в Пушкинском доме (Институт русской литературы АН СССР), где сосредоточено богатейшее собрание декабристских материалов, в равной мере представляющих интерес для истории общественного движения, науки и литературы. Но надежда отыскать журнал Якушкина не потеряна, если только он не был передан в Сибирский отдел Русского географического общества, богатейший научный

архив которого вместе с метеорологическими наблюдениями подведомственных ему станций сгорел в 1878 г.

Возможно, именно Якушкину принадлежит журнал, копия которого имеется в Ялutorовском краеведческом музее. Сотрудники музея считают, что, вероятнее всего, его вел Матвей Иванович Муравьев-Апостол, который раньше наблюдал погоду в Бухтарминске. Однако вопрос не следует считать окончательно решенным до проведения графологической экспертизы этого важного для истории науки документа. По имеющемуся в нашем распоряжении отпечатку, снятому с ялutorовской фотоконии, можно лишь судить о том, что метеорологические наблюдения велись не по наставлению академика Купфера, а по правилам ведения метеорологических записей в вахтенных журналах на судах русского военно-морского флота.

Из числа поселенных в Ялutorовске декабристов ни один не принадлежал к «морскому племени»... А что если это журнал наблюдений, сделанных не в Ялutorовске, а в далеко расположенном от него Баргузине, где жил Михаил Кюхельбекер? Из переписки декабриста с иркутским губернатором И. Б. Цейдлером известно, что у него в 1832 г. разбился термометр и что за неимением запасного прибора он «принужден был прекратить метеорологические наблюдения»²³.

Неизвестна судьба таблиц с термометрическими и барометрическими данными, отправленными Александром Бестужевым-Марлинским в Пруссию знаменитому путешественнику Адольфу Эрману, с которым он встретился в Якутске в начале 1829 г. По словам М. П. Алексева, «между Бестужевым и Эрманом установилась довольно тесная дружба; они поняли друг друга и нашли материал для бесед; Бестужев сделал ему метеорологическую таблицу для сравнения высоты мест и сам увлекся магнетическими наблюдениями»²⁴.

Эрман посоветовал Александру Бестужеву заняться метеорологическими измерениями. И тот трижды в день «набжно поглядывал на барометр»²⁵ и трижды в день записывал температуру воздуха. Более того, он свел наблюдения в таблицы и отправил Эрману в Пруссию, но они не дошли до путешественника.

В Якутске Александр Бестужев продолжал настойчиво заниматься изучением путешествий и трудов естествоиспытателей. Судя по его переписке, он изучал труды

русских академиков Ф. И. Шуберта и Е. И. Паррота о природе полярных сияний, которые считали, что это явление возникает вследствие горения азота в атмосфере, сжигаемого падающими звездами и постоянно текущего к полюсам земного шара. Александру Бестужеву, имевшему возможность много раз наблюдать полярные сияния, эта азотная теория, которую он считал ранее правдоподобной, теперь представилась весьма сомнительной.

«Атмосфера,— пишет он братьям,— не разлагается ни вследствие перемещения, ни в угоду Парроту и Шуберту; другие частицы, составляющие воздух, должны бы так же перемещаться, как и азот. Что вы об этом скажете?»²⁶.

Его письма, прежде чем попасть к братьям в каземат, путешествовали «рикошетом» в столицу и, пройдя «петербургский карантин», направлялись в Читу или оставались в III отделении и в виде «фимиама коптели небеса»²⁷. Николай и Михаил Бестужевы ничего не могли сказать своему брату. Они не имели права писать «кому бы то ни было». Александр Бестужев знал и это, но продолжал почти с каждой почтой слать письма в Читинский острог, стараясь поддержать теплым словом дружбы своих близких и товарищей по движению, «смытых с лица отчизны» декабрьским потоком.

В этих письмах много блестящих этнографических зарисовок, наблюдений над природой Якутска. Весьма интересен его рассказ о знаменитой шахте купца Шергина, исследованием температуры которой впоследствии занимался академик Александр Миддендорф. Но одним из первых, если не самым первым, Александр Бестужев сообщил о том, что температура мерзлой почвы в колодце Шергина на каждую сотню футов вырытой глубины «вышеается на один градус»²⁸.

Бестужев пытался проверить открытое Александром Гумбольдтом «влияние северного сияния на магнитную стрелку, которая колеблется, дрожит и прыгает, когда северное сияние так любезно освещает полярные страны»²⁹. В этом сложном вопросе он разбирался вместе с доктором Адольфом Эрманом, который «с этой целью» приехал в Сибирь и посещал «некоторые полярные страны».

В письмах «милым братьям», отправленных в Читу в 1828—1829 гг., содержится много интересных записей о климате Якутска.

9 января 1828 г. «Климат здесь суров, морозы не падают ниже 38°».

10 февраля 1828 г. «День короче якутского носа, а морозы блокируют меня в доме. Я очень привык к холоду... но признаюсь действие оно на грудь очень болезненно: десять шагов производят одышку».

25 марта 1828 г. «У нас воздух начинает дышать весною».

10 апреля 1828 г. «Ранняя весна прогуливается по нашему городку, не замоча ноги».

25 апреля 1828 г. «Здесь погода немного изменяет. Холодный ветер крутит пыль, но не стоняет ленского снега»³⁰.

28 мая 1828 г. «Наконец мы дождались весны, которая напрасно нас поманила так рано. Еще теперь едва почки разверзаются, и зелень видна только на сырых местах. Реки пошли на прибыль: 17 и 20-го уже покрыли весь предьякутский луг с его холмами. Только где-то колеблются верхи тальников, льды катятся, сокрушаясь, к морю, то густея, то перемежаясь. Картина прелестная».

23 июня 1828 г. «Погода прекрасна, зелень в поле, вода играет, я оживаю».

10 августа 1828 г. «Осень или полуосень наша лучше лета — ясна и тепла, без духоты и комаров, только чахоточный блеск румянит окружные леса и советует подумать о шубе, обнажая на зиму деревья. Косьба еще продолжается, ибо здесь она единственное земледелие».

25 октября 1828 г. «Зима играет с нами, как кошка с мышонком, отпустит и прихватит, но, кажется, развязки не миновать. Здесь 40° не диковинка»³¹.

10 ноября 1828 г. «Зима поздравила нас ранними своими цветами. Около двадцатых чисел октября три дня мороз превышал 30°. Теперь он трещит на 35°. Здесь курносые метеорологи предрекали очень теплую зиму, но погода, не спросясь с ними, идет по-прошлогоднему, с той только разницей, что туманы реже оттого, что осень глубоко задушила землю снегами и она, менее промерзлая, дает менее паров».

9 декабря 1828 г. «Термометр показывает у нас «кровь мерзнет», и даже винный спирт прячется в шарик».

25 февраля 1829 г. «Никогда не бывало в Якутске столь теплой масленицы, какова нынешняя. Три дня стояли холода только в 8 и 9°, прочие около 20°».

25 марта 1829 г. «Зима не покидает нас, везде блеск и холод. Влияние солнца видно только на крышах, которые оно покрывает сосульками».

10 апреля 1829 г. «Оттепель наступила: ночи становятся прозрачными, дни ясными»³².

Наряду с образными заметками о погоде в письмах Александра Бестужева к братьям содержится несколько интересных высказываний об особенностях климата Якутска, о вещественности света, о чтении трудов американского ученого Вениамина Франклина, которые его «утешали» в якутском изгнании, восхищая «теплой любовью к человечеству»³³.

Весьма оригинальны суждения Александра Бестужева о метеорологических взглядах французского ученого Араго, рассказывающего как новость о том, что «снег предохраняет землю от холода», и этим объясняющего обилие снега в холодных странах. 9 марта 1829 г. он пишет братьям о том, что в России не найдется ни одного простодушина, который не знал бы, что снег является плохим проводником, охраняет землю от потери тепла и от «внешнего холода». Вместе с тем Александр Бестужев считает, что опрометчиво ставить количество снега в зависимость от степени стужи.

«Утверждать,— продолжает он,— что в Якутске более снегу, чем в Новгороде, совершенно ложно потому, что холод препятствует образованию снежных облаков в Якутске, точно так же, как жар в Италии». Через несколько строк декабрист снова возвращается к этой мысли. Он считает, что малое количество снега в Якутске объясняется прежде всего тем, что сильные морозы не позволяют воздуху «наполняться испарениями»³⁴. Этот замечательный вывод нашел спустя полвека развитие в трудах выдающегося климатолога России А. И. Воейкова.

Говоря о метеорологических изысканиях декабристов, следует упомянуть, что братья Андрей и Петр Беляевы, сосланные по отбытии каторги в Минусинск, сделали «соучастниками ученых работ немецкого ученого Лессинга», занимавшегося измерением высоты Саянских гор с помощью барометра. При отъезде в Саянск он оставил декабристам термометр и «просил делать метеорологические наблюдения»³⁵. Их вел аккуратно Петр Беляев, который затем передал свои записи путешественнику.

Остается загадочной судьба метеорологических наблюдений Константина Торсона в Акше и Николая Бестужева в Селенгинске (об изысканиях этих декабристов речь пойдет в отдельной главе). Их находка представляла бы несомненный интерес не только для истории науки, но и для современных метеорологических исследований.

Достоянием науки стали только наблюдения А. И. Якубовича, опубликованные А. Ф. Миддендорфом, и наблюдения П. И. Борисова и М. Ф. Митькова, сохраненные директором Главной физической обсерватории академиком А. Я. Купфером.

Метеорологические измерения декабристов привлекали внимание многих ученых России. Анализируя температурные наблюдения Митькова и Якубовича, Александр Миддендорф пришел к важному выводу о влиянии климата Сибири на климат европейской части страны и о вторжении теплых атлантических воздушных масс далеко на восток от Урала ³⁶.

Этот вывод ученого получил дальнейшее развитие в трудах А. И. Воейкова. Ни один из отечественных ученых не использовал столь многократно наблюдения декабристов, как русский климатолог. Они вошли в состав самых знаменитых его трудов. Уже в своем раннем исследовании «Средние температуры в Европейской России, Сибири и Кавказе» наряду с данными регулярной геофизической сети России ученый использовал наблюдения Митькова в Красноярске ³⁷. Десятки раз Воейков прибегает к метеорологическим измерениям декабристов в знаменитом исследовании «Климаты земного шара и в особенности России».

В основном на наблюдениях декабристов основан вывод Воейкова о том, что в Средней и Восточной Сибири, в городах Красноярске и Чите с их окрестностями зимой обыкновенно не бывает снега ³⁸.

Базируясь в значительной степени на наблюдениях Митькова и Якубовича, Воейков доказал ошибочность взглядов тех исследователей, которые во имя пристрастия к схематизации искусственно распространяли на широты, находившиеся под воздействием морского климата, метеорологические явления, характерные для тех же широт континентальных областей.

Воейков собирал распросные сведения о снежном покрове в Забайкалье. Не исключено, что он встречался с

ПРИБАВЛЕНІЯ.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ

ПРОИЗВЕДЕННЫЯ ВЪ

КРАСНОЯРСКЪ,

съ 1838 по 1847 годъ включительно. По новому стилю,

(Широта 56° 1' долгота 90° 34' отъ Париза.)

Наблюденія производилъ Г. Митковскій.

SUPPLÉMENT.

OBSERVATIONS METEOROLOGIQUES

FAITES A

KRASNOYARSK,

pendant les années 1838 à 1847 inclusivement. Nouveau style,

(Lat. 56° 1' long. 90° 34' de Paris.)

Par M. Mitkof.

Титульный лист «Метеорологических наблюдений» М. Ф. Митькова, опубликованных Главной физической обсерваторией

кем-то из декабристов-долгожителей, но еще более важно, что использовал наблюдения Борисова и Митькова в ряде основных положений о климате Сибири.

Так, наблюдения Борисова в Петровском заводе в сочетании с наблюдениями в Нерчинске, Нерчинском заводе и Иркутске позволили Воейкову сделать вывод, что «обширная страна по системам Селенги и верхних притоков Амура-Забайкаля зимой значительно холоднее Иркутска»³⁹. Это положение ученый повторил и в моногра-

фии «Атмосферная циркуляция, распределение атмосферного давления, ветров и осадков на поверхности земного шара».

Таким образом, наблюдения декабристов Борисова, Митькова, Якубовича в сочетании с данными горных обсерваторий и отдельных наблюдателей вошли в состав важнейших климатологических трудов Воейкова, обогатившего отечественную науку многими достижениями и выводами, которыми русская наука справедливо гордится.

Однако исследованиями Воейкова и Миддендорфа не исчерпывается использование измерений Борисова, Митькова и Якубовича. Они были проанализированы в капитальном труде академика Вильда «О температуре воздуха в Российской империи», основной задачей которого являлась критическая обработка всех собранных наблюдений для определения суточного и годового хода. При этом наблюдения в Красноярске отнесены к лучшим метеорологическим измерениям России как по своему качеству, так и по своей полноте.

Измерения Митькова, Борисова и Якубовича были под руководством Вильда заново обработаны, средние выводы перевычислены, пропуски интерполированы. Выводы из наблюдений декабристов приводятся во многих таблицах и графически изображены на картах атласа, дающего представление о распределении температуры в России в одно и то же время. «Наши результаты,— отмечал Вильд,— не очень разнятся от результатов Воейкова»⁴⁰.

Данные наблюдений декабристов также вошли в состав труда академика М. А. Рыкачева «Вскрытия и замерзания рек в Российской империи» (СПб., 1886). Кроме того, они использованы в «Климатологическом атласе Российской империи», изданном к 50-летию со дня основания Главной физической обсерватории (СПб., 1899), и «Климате Союза Советских Социалистических Республик» (Л., 1931), где, в частности, приведены среднемесячные температуры в Красноярске, Чите, Петровском заводе за годы, когда наблюдения велись декабристами⁴¹.

НИКОЛАЙ БЕСТУЖЕВ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Плавания в Голландию и Гибралтар

В необъятной проблеме «Декабристы и русская культура» особо выделяется беспримерная деятельность «на пользу наук и искусств» Николая Александровича Бестужева. Он оставил след в русской литературе своими повестями и рассказами, написал «Опыт истории Российского флота» и, наконец, опубликовал большое число географических работ. Обширный список трудов декабриста открывается статьей об электрических явлениях в атмосфере и завершается монографией «Гусиное озеро». Это закономерно. Прежде всего он считал себя географом и физиком, а затем уже историком, литератором, художником.

Николай Бестужев родился 13 апреля 1791 г. Отец, Александр Федорович Бестужев, «был человек образованный, преданный душою науке, просвещению и службе Родине». Будучи управляющим Екатеринбургской гранильной фабрики, он поддерживал деловые связи со многими чиновниками сибирских горных заводов.

«Любя науку во всех ее разветвлениях, — вспоминал об отце Михаил Бестужев, — он тщательно и с знанием дела занимался собиранием полной, систематически расположенной коллекции минералов нашей обширной Руси, самоцветных граненых камней, камеев, редкостей по всем частям искусств и художеств; приобретал картины столичных художников, эстампы граверов, модели пушек, крепостей и знаменитых архитектурных зданий, и без преувеличения можно было сказать, что дом наш был богатым музеем в миниатюре»¹.

В доме Бестужевых бывали художники, писатели, натуралисты, в том числе знаменитый естествоиспытатель академик Николай Яковлевич Озерецковский, совершивший путешествия по Беломорью и Лапландии, создавший серию трудов о географических и физических исследова-

ниях академических экспедиций. Его капитальный труд «Начальные основания естественной истории» явился выдающимся вкладом в науки о Земле.

Братья Бестужевы имели в любое время беспрепятственный доступ в кабинет отца, и, часто присутствуя при его беседах с учеными, художниками, мастерами, они «невольно бессознательно всасывали всеми порами»² любовь к наукам, искусству, просвещению. В их распоряжении была обширная библиотека отца с множеством географических сочинений.

Отец имел глубокое влияние на Николая Бестужева, которого он любил и уважал. Именно А. Ф. Бестужев развил в сыне пристрастие к географии, физике, математике. По свидетельству сестры декабриста Елены Александровны Бестужевой, отец дал прочитать старшему сыну сочинение М. В. Ломоносова «Рассуждение о большой точности морского пути», которое пробудило в мальчике интерес к морю³. Вскоре он с отцом посетил Кронштадт и впервые увидел морское судно. «Никто,— писал впоследствии Николай Бестужев,— не вообразит того впечатления, которое производит огромный корабль, плавающий на воде, вооруженный громадою пушек в несколько этажей, снабженный мачтами, превосходящими высочайшие деревья, перепутанный множеством веревок, из коих каждая имеет название и назначение, обвешанный парусами, невидными, когда подобраны, и ужасными величиною, когда корабль взмахнет ими, как крыльями, и полетит бороться с ветрами и волнами»⁴.

Николаю Бестужеву было десять лет, когда его определили в Морской кадетский корпус, где он пристрастился к морским наукам и прежде всего к географии, метеорологии, астрономии.

Большое влияние на Бестужева оказал почетный член Академии наук, преподаватель Морского кадетского корпуса Платон Яковлевич Гамалея, создавший серию уникальных многотомных ученых трудов, ожививших самые сухие науки красноречивым слогом⁵. Усиленное занятие науками пагубно отразилось на здоровье ученого. Он почти ослеп. Это вынудило его в 1809 г. взять продолжительный отпуск, а затем окончательно оставить Морской кадетский корпус⁶.

«Будучи почти создан им,— рассказывал Николай Бестужев о влиянии на него П. Я. Гамалея,— получаю от

него любовь к науке... я со своим выпуском был его последним учеником»⁷.

В том же письме, к своему другу М. Ф. Рейнеке он подчеркивал, что учился у многих учителей, но ни один из них не мог сравниться с П. Я. Гамалея в ясности изложения «в таких сухих науках, как навигация, астрономия и высшая теория морского искусства»⁸.

Николай Бестужев показал на выпускных экзаменах столь блестящие познания в науках, что был определен для продолжения образования в Парижскую политехническую школу. «Начало 1810 года, однако, открыло загадываемые впрямь намерения Наполеона и наше отправление состоялось», — писал впоследствии Николай Бестужев⁹.

В Морском кадетском корпусе судьба свела его с будущим полярным исследователем и выдающимся офицером русского флота Константином Петровичем Торсоном и замечательным мореведом Михаилом Францевичем Рейнеке. Правда, с последним он познакомился уже по окончании корпуса, в котором был оставлен воспитателем. Во время Отечественной войны 1812 г. ему пришлось вместе с подопечными кадетами отправиться в Свеаборг, из которого он возвратился лишь в следующем году. В это лето он получил предложение капитан-лейтенанта Д. В. Макарова принять участие в плавании к берегам Русской Америки. По словам брата Михаила, он был «готов пуститься в далекие страны и предавался радужным мечтаниям, готовясь к кругосветному странствию»¹⁰. Вероятно, именно тогда он пережил чувства, о которых спустя десять лет рассказал в зарисовке «Удовольствия на море».

«Послужит ли нам счастье обрести неизвестные страны? — писал Николай Бестужев. — Как изъяснить прелесть нового, неиспытанного чувствования при виде особенной земли, при вдохновении неведомого бальзамического воздуха, при виде незнаемых трав, необыкновенных цветов и плодов, которых краски вовсе незнакомы нашим взорам, вкус не может быть выражен никакими словами и сравнениями. Сколько новых истин открывается, какие наблюдения пополняют познания наши о человеке и природе с открытием земель и людей нового света! Не высока ли степень назначения мореходца, который соеди-

няет рассеянные по всему миру звенья цепи человечества!»¹¹

Этот великий девиз о служении науке и благу всего человечества проходит через многие труды и письма декабриста, посвященные различным вопросам, в том числе проблемам географии.

Однако надежда увидеть далекие страны на этот раз не сбылась. Капитан-лейтенант Д. В. Макаров, пригласивший Николая Бестужева в число офицеров его корабля, поссорился с директорами Российско-Американской компании и был отстранен от руководства кругосветной экспедицией. Бестужеву, покинувшему Морской кадетский корпус, пришлось остаться в Кронштадте.

В 1815 г. Н. Бестужев совершил первое плавание за пределы Балтийского моря. В составе отряда русских кораблей он прибыл в Голландию, чтобы помогать русским войскам в устройстве переправ через большие реки. Но русская армия уже находилась в Париже. Бестужев весьма сожалел, что ему не удалось принять участие в боевых действиях, хотя понимал, что «мир лучше войны».

Пребывание в Голландии оставило глубокое впечатление. «Вместо топких болот, вместо городов, висящих на сваях над морем, как я заключал из неясных описаний Голландии, увидел море, висящее над землею, увидел корабли, плавающие выше домов, тучные пажити, чистые и красивые городки, прекрасных мужчин и прекрасных женщин»¹².

Николай Бестужев изучал историю Голландии, особенно заинтересовавшись установлением республиканского правления и борьбой голландцев за независимость против испанского владычества. Он с восхищением писал о буржуазной революции XVI в., когда «голландцы показали свету, к чему способно человечество и до какой степени может вознестися дух людей свободных»¹³.

Николай Бестужев подчеркивает, что простой народ в Голландии честен, любознателен, целомудрен, мало употребляет хлеба и в основном питается картофелем. «Наши матросы весьма скоро подружились с добрыми голландцами, и можно было удивляться их разговорам, бог знает на каком языке, который, однако же, был понятен и тем и другим. Сначала русские, не привыкнув к обычаям своих хозяев, сердились очень, что они хотели кормить их

травую, давали мало хлеба и оделяли так называемым ими дырявым сыром, оставляя для себя тот, который плотнее. Но когда мы растолковали, что спаржа и другие травы суть лакомства, коими хотели их подчивать как любезных гостей, они помирились, но все лучше желали какой-нибудь похлебки и больше хлеба, нежели картофеля и зелени»¹⁴.

В книге содержатся размышления о прошлом и настоящем Голландии, ее торговом флоте, промышленности, финансах и, наконец, о всеобщей любви к русским, которые прошагали от сожженной Москвы до стен Парижа и принесли голландцам освобождение от наполеоновской тирании.

Когда русские моряки покидали Роттердам, их провожал почти весь город. «Русские привязали к себе всех жителей», — отмечал Бестужев. Матросы и офицеры с чувством глубокого уважения покидали страну, где «человек сделал все из неблагоприятной природы».

«Записки о Голландии 1815 года» прежде всего географический труд, самый лучший и самый достоверный отечественный труд первой четверти XIX в. об этой небольшой дружественной России стране. В то же время в этом сочинении Николай Бестужев «обнаружил талант этнографа-наблюдателя»¹⁵.

В 1817 г. Н. А. Бестужев снова отправился в плавание. На этот раз к берегам Франции. Его сопровождал брат Михаил, только что окончивший Морской кадетский корпус. Каких-либо записок об этом вояже, принадлежащих перу Николая Бестужева, до нашего времени не дошло, но, вероятно, как и большинство его друзей ученых-моряков, он вел путевой дневник. Михаил неоднократно подчеркивает, что рейс из Кронштадта в Кале и обратно в Россию «лил обильною струею благотворную влагу для роста семян либерализма»¹⁶. Семена свободолюбия во время пребывания во Франции «быстро пошли в рост и охватили своими корнями все ощущения души и сердца»¹⁷.

В 1818 г. Николай Бестужев вступил в масонскую ложу «Избранного Михаила», которая организационно была связана с Союзом благоденствия и к которой принадлежали Г. С. Батеньков, Ф. Н. Глинка и Ф. Ф. Шуберт, оказавший немалые услуги русской географии. Вскоре Николай Бестужев стал членом Вольного общест-

Ф. Лютке № 291.5

ЗАПИСКИ

О

ГОЛЛАНДИИ

1815 года

Николаемъ Бестужевымъ.

Ф. П. Лютке отъ сочинителя

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго Дома 1811 года.

Титульный лист книги Н. А. Бестужева «Записки о Голландии 1815 года» с дарственной надписью «Ф. П. Лютке от сочинителя»

ва учреждения училищ по методе взаимного обучения, ставившего своей целью распространение образования в простом народе. Затем судьба привела его в «ученую республику», как именовали современники Вольное общество любителей словесности, наук и художеств, где он подружился с Аполлоном Александровичем Никольским, впоследствии столь много положившим сил, чтобы сделать достоянием читающей России труды декабриста о Забайкалье, написанные в годы селенгинской ссылки. Под редакцией Никольского вышло 9 из 13 частей записок Адмиралтейского департамента, которые состояли в основ-

ном из статей географического характера. Никольский в течение многих лет посылал в Селенгинск письма и книги, связывая ссыльного декабриста с его прежними товарищами, в том числе с полярными исследователями — Ф. П. Врангелем, Ф. П. Литке, М. Ф. Рейнеке, П. Ф. Анжу и др. Кроме А. А. Никольского, в «ученой республике» Николай Бестужев встретил К. Ф. Рылеева, который жил единственной мыслью и постоянной идеей «пробудить в душах своих соотечественников чувство любви к Отечеству, зажечь желание свободы»¹⁸.

Вскоре Николай Бестужев был назначен помощником директора маяков Балтийского моря Л. В. Спафарьева. Декабриста больше всего привлекало исследование морских островов Финского залива, которые, по его словам, в это время даже для моряков являлись загадочными землями. Ему удалось осмотреть лишь Гогланд да некоторые прибрежные районы Финского залива.

Директор маяков неоднократно обещал Николаю Бестужеву предоставить возможность заняться исследованием островов Балтики, но так и не сдержал своего слова. Все это и заставило его расстаться с новой должностью.

Вскоре Бестужев был прикомандирован к Адмиралтейскому департаменту. По предложению адмирала Сарычева 27 марта 1822 г. ему было поручено «составление выписок из морских журналов, касающихся до Российского флота»¹⁹.

Бестужева давно влекла история мореплавания. Его интересовали не только битвы и сражения, но и выдающаяся роль флота в развитии географических знаний, коммерции, техники, просвещения.

«Прежде мореплавания самая даже мысль не смела нестись далее столпов Геркулесовых и всякий раз смиренно ложилась к их подножию; ныне всякое новое изобретение, мысль, чувство, понятие обтекают кругом целый свет, сообщаются, усваиваются и получают права гражданства везде, куда только ветры могут занести отважного человека. Теперь посредством мореплавания повсюду настлан широкий мост благодетельному просвещению, нет более препон для сообщений людей. Одно только любопытство еще встречается их во льдах полярных, но оно уже борется с ними и, конечно, вскоре пробьется к самим полюсам, на коих утверждена незыблемая ось мира»²⁰.

Это замечательное положение нашло дальнейшее развитие в «Опыте истории Российского флота», над которым Николай Бестужев напряженно работал в 1822—1825 гг. Во «Введении» к этому труду он рассматривает начало мореходства на Руси, древнейшие плавания к стенам Царьграда, к различным городам Черного и Каспийского морей, походы в Поморье и Печору. Более подробно он останавливается на русском торговом мореплавании XVII в., которое развивалось только на Каспии и в Белом море.

Он дает краткую характеристику Каспийского моря. «Море сие простирается в длину от севера на юг на 1000, а по наибольшей стороне на 400 верст и, принимая в себя многие реки, не имеет ни соединения с другими морями, ни других истоков и составляет донныне загадку для естествоиспытателей, недоумевающих, куда сбывает вода, обильно приносимая величайшими в свете реками»²¹.

Вопрос о колебаниях уровня Каспийского моря и в дальнейшем будет привлекать внимание декабриста. Вводная часть содержит также описание особенностей побережий Каспийского моря, его портов, городов, торговли.

Гораздо обстоятельнее охарактеризовано Белое море. Николай Бестужев считал его безопасным для мореплавания, «кроме простирающейся от севера на юг мели у западного берега от мыса Святого до Орлова и несколько южнее сего последнего до реки Поноя»²². Это замечание было справедливо только в отношении промысловых судов, что касается военных кораблей, то в плавании по Белому морю их подстерегали немалые опасности. В то время когда Бестужевым создавался «Опыт истории Российского флота», предпринимались шаги по дальнейшему исследованию мелей Белого моря, но эти попытки были малоуспешны. Лишь в 1827—1832 гг. другу Бестужева, лейтенанту Рейнеке, удалось завершить промер глубин в Белом море и создать атлас, который целое столетие служил надежным навигационным пособием.

Николай Бестужев был прав, отмечая, что туманы представляют немалые затруднения «на середине моря» и что около берега видимость, как правило, бывает лучше и этим явлением русские мореходы давно научились пользоваться.

Кратко остановившись на описании портовых городов Колы и Архангельска, на состоянии торговли на Севере в XVII в., он отмечает, что северные моря были издавна известны россиянам и что английские путешественники, искавшие Северный морской путь в Индию, еще в середине XVI в. встречали десятки поморских судов. Николай Бестужев подробно останавливается на великих русских географических открытиях, которые совершили в Сибири и на Севере казаки и промышленники. Рассказав о плавании Федота Алексеева и Семена Дежнева из Колымы вокруг Чукотского полуострова в Тихий океан, он поддерживает точку зрения академика Миллера о том, что «ни прежде, ни после Дежнева никто из путешественников не был столько счастлив, чтобы обойти Северным океаном около Чукотского носа в Восточный океан». По мнению декабриста, «причина успеха его путешествия была случайная или теплота лета отдалила от берегов лед, заперший с тех пор навсегда проход, отделяющий Азию от Америки»²³.

Возможно, истоки подобных суждений Николая Бестужева лежат в изучении старинных и современных ему русских карт, где нередко за мысом Шелагским идет к северу прямая линия с надписью: «вечные льды». Но еще более вероятно влияние сообщений руководителя экспедиции к Северному полюсу М. Н. Васильева, суда которой летом 1820 и 1821 гг. к западу и северо-востоку от Берингова пролива встретили непроходимые «современные миру» льды и не смогли пробиться ни по направлению к реке Колыме, ни в сторону Атлантического океана, хотя проникли на север дальше, чем это удалось Джемсу Куку.

Плавание Дежнева Николай Бестужев оценивает как выдающееся географическое открытие, благодаря которому русским известны Ледовитое море и северная часть Восточного (Тихого) океана. Декабрист был убежден, что имя этого предприимчивого морехода «останется незабвенным в летописи открытий»²⁴.

Дальше идет интересное повествование о путешествиях Михаила Стадухина, Василия Пояркова и плователей по Ледовитому морю и Восточному океану XVII в.

Во «Введении» Николай Бестужев дает обозрение русских лесов от Балтики до Тихого океана, описывает границы распространения их на север и юг, оценивает при-

годность их для кораблестроения и отмечает их постепенное исчезновение. «За триста лет перед сим Россия покрыта была лесами, особенно северная ее часть; остатки истребленных лесов в средней и южной служат свидетельством, что и сии части были лесисты. Но скотоводство южных народов, истреблявших леса для удобнейших пастбищ, и земледельчество жителей средней части России, считавших до времени Петра I за полезное высекать и выжигать роци для пашен и сенокосов, оставили нам только печальные памятники обширных лесов на обнаженных долинах, на коих очень чувствителен недостаток сего благодетельного произведения природы»²⁵.

Впоследствии, в ссылке, Николай Бестужев будет более подробно изучать вопрос о влиянии лесов на климат. Но и это, казалось бы, мимолетное замечание весьма важно. Оно свидетельствует о необычайной широте научных интересов Бестужева в области географии. Он непрестанно думает о благе отечества, о развитии промышленности, путей сообщения²⁶. 28 июля 1822 г. Николай Бестужев читал на заседании Адмиралтейского департамента вступление к «Запискам о Русском флоте». Департамент рекомендовал напечатать его «в каком-либо периодическом издании»²⁷. Затем, в 1823—1825 гг., были заслушаны и одобрены новые главы «Исторических записок» Н. А. Бестужева, посвященные деятельности флота в начале XVIII в.²⁸

Летом 1824 г. Николай Бестужев участвовал в плавании на фрегате «Проворный», где он исполнял три должности: историка, вахтенного офицера и дипломата. Отрывки из путевого журнала декабриста увидели свет в восьмой части «Записок, издаваемых государственным Адмиралтейским департаментом, относящихся к мореплаванию, наукам и словесности», и в том же 1825 г. «Плавание фрегата «Проворного» вышло отдельной книгой с приложением трех карт.

Этот труд декабриста содержит множество записей о состоянии погоды и моря, заметки, относящиеся к мореходным наукам, в том числе географии, сведения о маяках на всем маршруте плавания из Кронштадта в Гибралтар и обратно в Кронштадт, об устройстве портов, морском телеграфе, музеях морской истории, ботанических садах и разных достопримечательностях. Круг интересов Николая Бестужева чрезвычайно широк. В Ко-

пенгагене он прежде всего посещает обсерваторию, затем встречается с директором Гидрографического депо и датских маяков контр-адмиралом Левернером. Этот «76-летний старец с живостью 19-летнего юноши» восхищает декабриста своей ученостью и прежде всего обширными сведениями по картографии. Не остается незамеченной декабристом и восторженная любовь старого адмирала к русским морякам, которые отвечали ему глубокой признательностью. Его собрание карт и книг по географии моря поражает Николая Бестужева своим изумительным выбором, в особенности «по строгой точности и верности»²⁹.

Фрегат «Проворный» во время плавания в Каттегате был застигнут свежим ветром. Налетевший шквал разорвал один из парусов (грот), который спешно был отвязан и заменен новым. Шесть дней шторм трепал корабль в проливах. Лишь 3 июля 1824 г. «наконец выбрались в Немецкое море». Положение усугублялось тем, что в продолжение этого времени стояла туманная погода, которая «не позволяла взять ни одной обсервации»³⁰.

Кратко рассказывает декабрист о пребывании во французском порту Бресте. «Сей рейд,—писал он,— закрыт кругом, подобно Свеаборгскому; вид города, построенного амфитеатром, великолепен и чрезвычайно украшается старинным замком, служившим дворцом славной Анне Бретанской. Одна башня, сказывают, восходит построением своим до времен Юлия Цезаря. Теперь она выкрашена белую краскою, чтоб стоящий перед нею телеграф был виднее, а из апартаментов Анны Бретанской сделаны казармы»³¹.

Дальше дается описание рейда, его портовых сооружений: компасной, канатной, такелажной, парусной, маллярной мастерских, камеры моделей, библиотеки, включающей «все нужные по морской части сочинения», печей для литья пушек, кузнечного завода, дока, резервуаров для воды, морского телеграфа и, наконец, ученых занятий флотских офицеров.

С глубокой теплотой Николай Бестужев пишет о приморских жителях Бретани, называя их «наилучшими мореходцами». Живя на скалистых берегах бурного моря с его опасными подводными и надводными камнями и в опасной близости от еще «более опаснейших соседей», бретонцы, по словам декабриста, приобрели удивительные способности к отважным плаваниям на своих судах, на

которых они во время последней войны на виду у англичан смело пробирались между прибрежными скалами и мелями. «Бретонцы искренни, добродушны, гостеприимны и имеют все добрые качества, свойственные северным народам»³². Эти замечания об отличиях этнического типа бретонцев высоко ценятся советскими этнографами³³.

Более подробно Николай Бестужев останавливается на описании Атлантического побережья Франции и климатических особенностей Бретани.

«Вся Нормандия, Бретань и прочие провинции до самой Испании окружены скалами и подводными камнями,— отмечает декабрист.— Берега, опоясывающие сии провинции, состоят из высоких известковых, меловых или гранитных утесов. Внутрь земли почва очень плодородна. Бретань в особенности славится чрезвычайно крупною клубникою, вывезенною из Хили. Климат Бретани дурен, дождлив и туманен, только и перемены дождя с солнцем часты. Причиною сему положение провинции при [Английском] канале, куда собираются все туманы и дожди, идущие из Атлантического океана в наши моря»³⁴. Николаем Бестужевым были сняты на карту берега в окрестностях Бреста, его рейд и выходы из канала и Атлантического океана. Эта карта увидела свет в 1825 г. и публикуется в нашем исследовании как одно из свидетельств неустанных трудов декабриста на поприще географии.

Не менее интересны гидрографические заметки Николая Бестужева о Гибралтаре, вход в который мореплаватели увидели 5 августа 1824 г. Прежде чем войти в пролив, моряки спустились к берегам Африки до мыса Спартея и города Танжера.

«Африканские горы дики и суровы,— писал Николай Бестужев,— густая атмосфера давит их, опоясывает облаками и закрывает вдаль какую-то фиолетовую полосою»³⁵. Прилежащие к Гибралтару берега Африки были нанесены декабристом на карту, которая отличается высокой точностью и многими географическими подробностями.

По его словам, вход в пролив, имеющий ширину от 14 до 20 верст, не составляет большого труда для парусных судов, поскольку изрядные глубины позволяют приближаться на недалее расстояние к его берегам³⁶. Кораблям предпочтительнее держаться Африканского берега, потому что у противоположного, европейского, берега начиная от мыса Трафальгар и до города Тарифы

имеются подводные камни и банки, которые весьма опасны. В середине Гибралтарского пролива, соединяющего Средиземное море с Атлантическим океаном, по утверждению декабриста, всегда наблюдается сильное течение, направленное от запада к востоку. Причиной этого течения он считает приливы и отливы в Атлантическом океане, которые направлены в проливе в сторону Средиземного моря.

«В замену сего течения,— продолжает Николай Бестужев,— около обоих берегов есть по два на каждой стороне, так что одно всегда идет с приливом, другое обратно и при отливе также. Черты, отделяющие сии течения от среднего и каждое между собою, очень заметны на поверхности воды. Независимо от среднего течения есть еще другое в некоторой глубине от горизонта воды, направление которого всегда идет к западу. Прилив идет в Средиземное море до Малаги, где делается вовсе не приметен»³⁷.

Бестужев собрал сведения о климате Гибралтара, который был невыносимо жарким при холодных ночах и обильных росах. Лето здесь продолжается около 10 месяцев. Иногда в течение этого периода не выпадает ни одного дождя, и тогда все высыхает и сторает. Лучшее время года — зима: дни становятся прохладнее, засуха сменяется перемежающимися дождями, растения и деревья оживают, земля покрывается зеленью, воздух становится свежим и живительным, а водоемы наполняются водой (большую часть года воду доставляют на ослах из Испании).

Вместе с тем Николай Бестужев отмечал, что климат в Гибралтаре вообще здоровый. Исключения составляют лишь периоды, когда дуют восточные ветры и «приносят с собою жаркую, удушливую и сырую погоду, которая, расслабляя человека, причиняет простуды, головные боли и другие припадки». «Говорят,— продолжал декабрист,— будто бы при этом ветре ничего не должно запасать впрок, разливать вина, солить мяса и проч., иначе все будет вскорости испорчено»³⁸.

Раздел книги о пребывании фрегата «Проворного» в Гибралтаре был напечатан Николаем Бестужевым в знаменитой «Полярной звезде», которую издавал его брат Александр совместно с Рылевым³⁹. Этот очерк о Гибралтаре интересен не только географическими и клима-

тологическими замечаниями. Многие его страницы посвящены подвигам «конституционных испанцев» в их неравной борьбе с французскими войсками. Эти социальные мотивы в «Полярной звезде» усилены, обострены и звучат как призыв к борьбе за свободу. Николай Бестужев со своими спутниками не только собрал сведения о Гибралтаре, но и посетил обсерваторию, расположенную на высокой горе, на которую в нестерпимый зной взобрался с большим трудом. Побывал он и в городских библиотеках, устроенных офицерами и купцами, но больше времени Николай Бестужев уделял съемке Гибралтарского пролива, его рейдов и составлению плана крепости, которые дошли до нашего времени.

После четырехдневного отдыха в Гибралтаре фрегат «Проворный» снова вышел на просторы Атлантического океана.

6 августа моряки уже находились в Плимуте. Здесь их пять дней держали в карантине, но и затем английские власти не разрешили морякам сойти на берег. «Не имея права съезжать с фрегата, — писал Николай Бестужев, — нельзя ничего сказать о Плимуте». Декабрист вынужден был ограничиться лишь съемкой Плимутского рейда, карту которого он опубликовал в 1825 г.

Фрегат «Проворный» взял курс на Кронштадт, куда прибыл днем 17 сентября.

В продолжение всего плавания на судне установилась атмосфера откровенного обмена мыслями о современном состоянии и будущем Отечества. Многие офицеры разделяли свободолобивые убеждения Николая Бестужева. Не случайно более половины команды было привлечено к следствию по делу восстания на Сенатской площади, в том числе Епафродит Мусин-Пушкин, Василий Шпейер, Михаил Бодиско, Александр Беляев, Петр Миллер, Дмитрий Лермантов.

Вернувшись в Петербург, Николай Бестужев активно включился в деятельность Северного общества. Вместе с тем декабрист успешно занимался делами морской службы. Его путевые записки о плавании на фрегате «Проворный» были весьма благожелательно встречены в морских кругах Петербурга.

Как видно из переписки Ф. Ф. Беллинсгаузена с начальником Морского штаба, в январе 1825 г. адмирал Г. А. Сарычев предложил Адмиралтейскому департаменту

ту избрать в почетные члены Николая Бестужева. «Отличные его дарования, познания в науках и словесности, а равно полезные труды по морской части известны всем членам департамента и делают его по всей справедливости заслуживающим чести принадлежать к сословию нашему,— писал Сарычев.— Таковой знак внимания нашего к сему достойному офицеру усугубит в нем ревность к оказанию дальнейших успехов на поприще службы и занятий ученых»⁴⁰.

Это предложение Адмиралтейский департамент «принял с удовольствием», и Ф. Ф. Беллинсгаузен 27 января 1825 г. обратился с просьбой к начальнику Морского штаба А. В. Моллеру дать согласие на баллотирование Николая Бестужева в почетные члены. Через три дня согласие было получено.

30 января 1825 г. Н. А. Бестужев был единогласно избран членом государственного Адмиралтейского департамента — коллегиального учреждения морского ведомства, который ведал ученой деятельностью флота, в том числе подготовкой и снаряжением экспедиций, гидрографическими работами на морях, заведовал учебными заведениями, музеями, библиотеками, обсерваториями, издавал карты и сочинения по морской части. В «Записках» этого департамента впервые увидела свет и часть трудов декабриста.

Так Николай Бестужев стал членом учреждения, чрезвычайно много сделавшего для развития русской географии. Его членами в это время являлись такие знаменитые мореплаватели и полярные исследователи, как Г. А. Сарычев, В. М. Головнин, И. Ф. Крузенштерн, Ф. Ф. Беллинсгаузен, П. И. Рикорд, Ф. П. Литке.

Единогласное избрание Николая Бестужева в почетные члены Адмиралтейского департамента явилось признанием его заслуг как географа, историка, гидрографа и литератора. Какое бы поручение он ни получал, он исполнял его самозабвенно, с необыкновенным блеском и одаренностью. Современники называли его «созвездием талантов», «красой и гордостью флота». По словам сестры Елены Александровны, его любило пол-Петербурга. За 7 лет, с 1818 по 1825 г., он опубликовал свыше 25 произведений по различным отраслям наук и художеств (многие рукописи были уничтожены после разгрома восстания на Сенатской площади⁴¹).

В щедрой натуре Николая Бестужева одновременно уживались таланты ученого и художника, техника и писателя, артиста и выдающегося политического деятеля.

В середине 1825 г. Николай Бестужев был определен директором музея при Адмиралтейском департаменте. «Тут,— писал о брате Михаил Бестужев,— открылось обширнейшее поприще для его умственной и технической деятельности»⁴². Архив и модели музея находились в хаотическом состоянии. Ему ничего не оставалось, как привести в порядок сваленные в кучу, покрытые пылью документы.

По свидетельству одного из исследователей, Николай Бестужев «пополнил виды новооткрытых и освоенных русскими моряками земель, систематизировал по группам вывезенные оттуда уникальные предметы и составил указатель музея с кратким, но ясным описанием земель и сконцентрированных в музее экспонатов»⁴³.

Метеорологические изыскания

Наряду с историческими исследованиями в научных интересах Николая Бестужева одно из первых мест принадлежало географии и физике Земли. Со времени плавания в Голландию его увлекала метеорология, особенно электрические явления в атмосфере. Но прежде чем остановиться на геофизических исканиях декабриста, напомним, что Николай Бестужев был деятельным членом Северного общества. Он являлся последовательным сторонником республиканского правления в России и принимал участие в разработке плана восстания 14 декабря 1825 г.⁴⁴ В этот великий день Бестужев проявил мужество и отвагу, приведя на Сенатскую площадь гвардейский экипаж.

Декабрист не пришел с повинной к своим палачам. Он пытался скрыться от преследователей, но был схвачен в селе Косном, близ Кронштадта. По его словам, он сделал все, чтобы его расстреляли. Верховный суд приговорил Николая Бестужева к «политической смерти», или, иными словами, к «положению головы на плаху», а затем к ссылке навечно на каторжные работы. Эта же мера наказания, предусмотренная для «государственных преступников второго разряда», была определена и его

брату Михаилу. 11 июля 1826 г. Николай I проявил «высочайшую милость». Для «внеурядников» — Пестеля, Рылеева, Каховского, Сергея Муравьева-Апостола, Михаила Бестужева-Рюмина — колесование было заменено виселицей, а смертная казнь осужденных по первому разряду заменялась вечной каторгой. Вечная каторга узников второго разряда была ограничена 20-ю годами. Лишь в отношении Николая и Михаила Бестужевых приговор верховного суда Николаем I был оставлен в силе. Они сослались на каторжные работы навечно.

13 июля 1826 г. на Кронштадтском рейде на борту корабля «Князь Владимир» с Николая Бестужева сорвали офицерский мундир, сломали над головой саблю и вместе с одеждой бросили в море. В этот день он навсегда простился с Балтикой, которую любил и о которой всегда вспоминал с сыновней любовью и душевной теплотой. Более года Николая и Михаила Бестужевых держали сначала в Петропавловской, а затем в Шлиссельбургской крепостях. В конце сентября 1827 г. они были отправлены в Читу, куда их «водворили» 13 декабря 1827 г.

В Читинском остроге начинается деятельность Николая Бестужева по созданию портретной галереи своих товарищей по заточению. Он принимает участие в занятиях «казематной академии», выступая с лекциями по истории российского флота. Декабристы неоднократно называют Бестужева гениальным человеком, необыкновенно одаренным изобретателем, мастером с золотыми руками (Лорер, Розен, Басаргин). Высокий нравственный авторитет и необычайно широкий кругозор Николая Бестужева в литературе и искусстве, политике и механике, естествознании и истории не мог не оказать влияния на интеллектуальные занятия декабристов в Чите и в особенности в Петровском заводе, где обсуждались новости не только политики, но и науки. И Читу и Петровский завод декабристы называли чудесной школой и основой своего «умственного и духовного воспитания» (Оболенский, Беляев)⁴⁵.

В первое время, по словам Михаила Бестужева, в Читинском остроге «читать было нечего, кроме «Московского телеграфа» и «Русского инвалида», которые давал комендант под большим секретом». Но постепенно через своих родственников и жен декабристов, последо-

вавших за мужьями в Сибирь, узники стали получать все представлявшие интерес издания, выходившие в России и за границей.

В Петровском каземате составила обширная библиотека, в которой было около «полумиллиона книг» (Завалишин) и «большое число географических карт и атласов» (Якушкин). По словам Николая Бестужева, в годы заточенья он не испытывал недостатка в духовной пище.

«Живучи в каземате, в обществе,— писал он в 1851 г. своему другу И. И. Свиязеву,— мы складывались понемногу, а выписывали много, много журналов и между ними много ученых, как русских, так и иностранных, между прочим и Академические записки»⁴⁶.

Он признавался впоследствии, что во всех журналах и газетах прежде всего искал «новости по части наук» и все свое «время посвящал наукам, опытам, наблюдениям»⁴⁷.

Безусловно, наука в годы каторги занимала главное место в его жизни. «Область наук невозбрана никому,— писал Николай Бестужев брату Павлу,— можно отнять у меня все, кроме того, что приобретено наукою, и первейшее и живейшее мое удовольствие состояло в том, чтобы всегда следовать за наукою»⁴⁸.

Еще в Чите Николай Бестужев начал работать над более простым, точным и дешевым хронометром, столь необходимым для определения местоположения корабля в море. В Петровском заводе, в казематах которого сначала не было окон, а затем «дали света на грош», он в светлое время суток продолжал заниматься изготовлением часов. Вечерами при тусклом свете свечи, по словам Михаила Бестужева, его брат читал новые книги и журналы, а ночью писал статьи о свободе торговли и промышленности, о температуре земного шара⁴⁹. Изучение климатических особенностей сначала Читы, а затем Петровского завода было наиболее доступной областью ученых занятий узников.

В письмах Николая Бестужева, отправленных им из каземата, содержатся интересные заметки метеорологического характера.

«У нас также осень была длинна,—сообщал Николай Бестужев 29 января 1837 г. из Петровского завода брату Павлу, жаловавшемуся на продолжительность петербургской осени,— хотя вообще здешняя метеорология совер-

иненно противоположна Вашей: когда у Вас тепло — у нас жестокие морозы; а если во всей Европе зимы холодны, у нас на вершинах Гималая все удивляются тому, что стужа не восходит выше 30°»⁵⁰.

Из дальнейшего текста этого письма становится очевидным, что декабристы для метеорологических наблюдений располагали не только термометрами, но и барометрами.

«Не подивись,— продолжал Николай Бестужев,— что мы считаем себя жителями гималайскими: Тибетский хребет со своими Гималаями, Давалашри и другими еще высочайшими горами есть отец наших Яблонных, Становых и других хребтов, и мы, если живем не на самой высокой точке Азиатского материка, по крайней мере близко к оной. По приближенным вычислениям нашим, по неверным барометрам, которые приехали из России попорченными, наша высота над морем около 1½ версты; суди же, в каком разреженном воздухе существуем мы, несмотря на то что окружены болотами или, лучше сказать, в физическом отношении они еще больше увеличивают разреженность воздуха»⁵¹.

В переписке декабриста содержится немало оригинальных мыслей о влиянии рельефа местности на климат, об электрических явлениях в атмосфере.

«Электричество,— писал декабрист 29 января 1837 г. брату Павлу,— здесь так сильно, что зимою нельзя ни до чего дотронуться, чтобы не выскочила искра; шуба твоя блещет, когда ты ее снимаешь; волосы сыплют искры и становятся дыбом, если чесать их гребенкою; дверь, крашенная масляною краской, светится, если проведешь по ней быстро рукою, и это напряженное состояние атмосферы вредно всем, имеющим слабые нервы. Не только все наши дамы (жены.— В. П.) страдают, но даже многие здешние уроженцы жалуются на непрерывное расстройство нерв. Сверх того, почва, почти составленная из железных руд, составляет для нас как бы «лейденскую банку», в которой мы живем»⁵².

Это первое в истории метеорологических наблюдений замечание об особенностях электрического состояния атмосферы в Забайкалье, совпадающих в общих чертах с теми, которые наблюдаются в наше время на внутриконтинентальных антарктических станциях. Интересно оно также тем, что декабрист чрезвычайно тонко подме-

тил то влияние, которое оказывают климатические условия на здоровье человека.

Символично, что самая первая известная научная статья декабриста относится к области метеорологии. Под названием «О электричестве в отношении к некоторым воздушным явлениям» она была опубликована в 1818 г. в журнале «Сын Отечества».

По мнению Николая Бестужева, ученые единодушны в том, что электричество участвует в атмосферных явлениях. Однако существующие мнения и теории весьма противоречивы и не могут быть признаны удовлетворительными.

Опираясь на проводимые им в течение нескольких лет наблюдения над электрическими явлениями в атмосфере, декабрист предпринимает попытку объяснить роль электричества в метеорологических явлениях. По его мнению, над земной поверхностью находится «электрическая атмосфера, которая существует около всякого наэлектризованного тела». Состояние этой «электрической атмосферы» влияет на образование облаков и тумана. При этом Бестужев отмечает, что солнце принимает «великое участие» в возбуждении атмосферного электричества. И, в частности, выпадение росы он объясняет как «падение паров при ослабевающем электричестве».

Проводя опыты с помощью сконструированной им машины, он приходит к выводу, что «электричество земное возбуждается от каковых-либо воздушных перемен». На это явление могут влиять различные причины. «Например,— продолжал Николай Бестужев,— воздух, движущийся при умеренных ветрах, может производить электричество одного рода, раскаленный же солнечною теплою учиняется сам проводником и тогда производит в земле электричество другого рода; низкие и болотистые места различно электризуются от сухих и песчаных, и так далее»⁵³. Николай Бестужев, как и некоторые его современники, видит в изменениях количества электричества и соотношениях электрических зарядов главную причину атмосферных перемен и с этих позиций объясняет такие метеорологические явления, как дождь, снег, град, туман, гром, молния. На его взглядах сказалось стремление современных ему физиков видеть в электричестве универсальное явление, обуславливающее физические процессы, происходящие на Земле.

Следует подчеркнуть, что Николай Бестужев не смотрел на предложенную им теорию как на истину в последней инстанции. «Не будучи сам глубоким ученым,— писал он,— могу легко ошибаться в мнениях моих; но со всем тем приглашаю господ испытателей природы повторить мои опыты и проверить их собственными, которые если и докажут справедливость и ошибки в предлагаемом мною, то по крайней мере приведут к дальнейшим открытиям по сей части и усовершат то, что ждет еще усовершенствования»⁵⁴.

Однако, по словам Николая Бестужева, естествоиспытатели не заглянули в сущность его статьи. Декабрист в годы каторги весьма внимательно следил за успехами в изучении атмосферного электричества. Это видно из его письма к брату Павлу, отправленного из Петровского завода в январе 1837 г.

«Мы теперь читаем по временам различные теории ученых, выведенные из метеорологических опытов о северном сиянии, о граде, грозе, дожде и проч.,— а я, бедный человек, еще в 1818 году в «Сыне Отечества», кажется, в ноябре или декабре, поместил статью «О электричестве в отношении к воздушным явлениям», где моя теория, изложенная перечневым образом и с робостью первого опыта, удивительно как отвечает нынешним требованиям. Я не мог тогда доказывать и не смел этого сделать, но имея предчувствие, что магнитность, электричество, гальванизм и даже притягательная сила суть не что иное, как только явления одной и той же силы. Это я сказал, оканчивая статью,— и что же? Ныне все это доказано: даже думают, что притягательная сила есть мать всех явлений...»⁵⁵

На протяжении многих лет Бестужев снова и снова возвращается к положениям своего первого метеорологического труда и отмечает, что все его выводы подтверждены современными исследованиями и предположения, сделанные за 30 лет, оправдываются. «Я сказал еще тогда,— писал Николай Бестужев И. И. Свиязеву,— что электричество, гальванизм, химизм, магнетизм суть развития одной и той же притягательной силы. Теперь, когда столько ученых во всех концах света, которые и не слыхивали о моей статье, написали в разных отрывках, статьях, сочинениях о результатах своих опытов, теперь никто не сомневается, что все эти силы суть одни и те

же»⁵⁶. Далее Николай Бестужев напоминал, что в той же статье он охарактеризовал природу северного сияния, над объяснением которой теперь хлопочут «новейшие физики». Действительно, в статье о значении электрических явлений в атмосферных процессах декабрист определил «полярные сияния как безмолвное излияние избыточествующего электричества», что соответствует современным научным представлениям.

Полярные сияния, как и электрические явления в атмосфере, на протяжении многих лет оставались в сфере внимания естественнонаучных занятий декабриста в Сибири. Известно, что Николай Бестужев считал необходимым организовать систематические наблюдения за полярными сияниями и просил содействия в этом вопросе адмирала М. Ф. Рейнеке. Ученый-морьяк, оказавший важные услуги русской метеорологии созданием многих станций и обсерваторий на морях России, обещал включить предложения Николая Бестужева в инструкции для наблюдателей в морских портах.

На поселении в Селенгинске Николай Бестужев пытался заняться объяснением взаимосвязи различных атмосферных явлений. Об этом свидетельствует приводимый ниже отрывок из неопубликованного письма декабриста 2 августа 1851 г. к И. И. Свиязеву: «Природа очень проста в своих законах,— писал Николай Бестужев,— и, кажется, этот закон один, но он проявляется может только в движении. Это немножко смело и темно, и пока не выражусь как-нибудь яснее, то я обращусь снова к электричеству просто. Мои наблюдения над барометром и термометром, хотя плохие, хотя прерываемые почасту отлучками по хозяйству, например, я теперь еду на покос за 15 верст и пробуду не менее 2 недель и проч., но все-таки наблюдения эти ведут меня кое к каким заключениям. Недалеко как две недели назад барометр спустился до 26^х и у нас был страшный проливной дождь, который наделал много вреда»⁵⁷.

По словам Николая Бестужева, потоки воды, увлекая камни, песок и деревья, волнами катились в Селенгу. Затем давление упало еще на один дюйм, облака спустились до половины окрестных гор и неистово клубились. Следующим утром разразился необычайный ливень, который в течение получаса залил окрестности. Хотя дождь перестал, но давление продолжало падать и к полуночи

достигло 25 дюймов и только затем стало повышаться.

Судя по этому письму, Николая Бестужева занимали вопросы изучения взаимосвязи электрических явлений в атмосфере с температурой, давлением и влажностью воздуха. Он сожалел, что не имеет и не может изготовить инструментов для наблюдения за атмосферным электричеством. В этом же письме, которое в значительной части посвящено метеорологическим наблюдениям декабриста, он снова и снова возвращается к мысли о необходимости систематического изучения атмосферного электричества.

«...Во всех метеорологических наблюдениях, какие мне удавалось видеть опубликованными, — писал он И. И. Свиязеву, — есть все: и степень плотности воздуха по барометру, и термометрическое его состояние, и степень упругости паров, и склонение и наклонение магнитной стрелки, а главной, по-моему, причины всех этих явлений — электричество — вовсе не наблюдают»⁵⁸.

В другом письме, опять-таки адресованном профессору Горного института И. И. Свиязеву, Николай Бестужев отмечал, что с большим удовлетворением читал в «Петербургских ведомостях» о переговорах директора Главной физической обсерватории академика Купфера с западноевропейскими метеорологами о единстве наблюдений. В то же время он был глубоко огорчен тем обстоятельством, что наблюдения за атмосферным электричеством еще не стали предметом систематического и тщательного изучения и что это важное явление регистрируют лишь отдельные частные обсерватории, а не государственные геофизические сети⁵⁹.

Выйдя в 1839 г. на поселение в Селенгинск, Николай Бестужев продолжал заниматься изучением особенностей климата Забайкалья. Он стал вести метеорологические наблюдения. И хотя журнал с его записями, по-видимому, не уцелел, до нас дошли интересные сведения о климате Селенгинска, которые он сообщал в письмах к родным.

13 сентября 1839 г. «Климат здесь здоровый и превосходный в сравнении с нашим Петровским и Вашим Петербургом. Чистый горный воздух, очищаемый быстрою рекою, отсутствие болот и песчаная почва, которая неприятна в другом отношении (песчаными бурями. — В. П.), устраняют болезни. Мы до сих пор едим дыни и арбузы, выращенные на открытом воздухе. Дни у нас

стоят жаркие до сего числа; ночи были такие же, если б прохлада реки без всякой сырости не умеряла их. Не подумай же, однако ж, из этого описания, что я хочу представить Селенгинск земным раем...»⁶⁰

25 октября 1839 г. «Осень стоит у нас на диво. Вот уже ноябрь на носу, а я еще не прятал своего носа в теплую шубу; бесснежье еще более обманывает ощущение к холоду. Уже близ двух недель несет по реке шугу (по Вашему салу), а она при полдневных оттепелях и не думает становиться. Некоторые прогоки замерзли, образовались далекие забереги, и по ним я катаюсь на коньках и любуюсь через хрусталовидную поверхность льда, как под моими ногами играют на солнце мириады разноцветных рыбок»⁶¹.

15 ноября 1839 г. «Осень... здесь была необыкновенно хороша; и теперь выдаются дни очень хорошие, хотя холода восходят иногда до 25° и более»⁶².

20—21 мая 1840 г. «Ныне необыкновенная засуха с весны, до сих пор продолжаются [лесные] пожары, кончающиеся обыкновенно с обильными дождями. Сегодня мы были порадованы дождичком, который шел и не более часу, но все-таки помогил сколько-нибудь и поможет всходам хлеба и травы»⁶³.

Селенгинск не походил на земной рай для земледельца. Николай Бестужев писал впоследствии в «Гусином озере», что характерной чертой климата Забайкалья являются частые засухи. Лишь весна 1852 г. «обещала нам хорошие урожаи». По его словам, «хлебы, травы взошли прекрасно, однако по 12-летней привычке природа до начала июня отказала нам в дождях, а потому все всходы выгорели»⁶⁴.

Однако и последующие годы были неблагоприятными для земледельцев. «Не знаю, как у Вас,— писал Николай Бестужев Ивану Пущину 24 июня 1854 г.,— а наше лето совершенно не похоже на лето. С марта началась весна; в апреле в тени бывало 22°, но с мая начались холода: 27 был мороз 5°; 10 июня в самое солнцестояние пал иней и мороз в 1°; потом прошли проливные дожди, затопившие подвалы, погреба, смывшие все огороды и испортившие все дороги. Зато проглядывали теплые дни, знойные, как в Африке. Засухи были таковы, что кругом горели леса, и я должен был целую неделю жить между огнем и сильными ветрами, чтобы потушить пожар, гро-

живший истреблением всего нашего покоса и займки, на нем стоящей. И теперь едва держу перо в обожженной руке»⁶⁵.

Николай Бестужев подметил, что частые лесные пожары и нерациональное истребление прежних дремучих лесов повлекли за собой уменьшение запасов вод, которые питали реки и ручьи. «Болота высохли,— писал он сестре Елене,— речки пересохли, источники иссякли». Все это привело к резкому изменению климатических условий, к частым засухам и связанным с ними недородам, хотя в прежние годы урожаи были почти баснословные⁶⁶.

Метеорологические изыскания Николая Бестужева преследовали не только научные, но и определенные практические интересы (Николай Бестужев получил надел земли и его обработкой добывал средства к существованию).

Влияние метеорологических условий на урожай, на созревание трав стало предметом изучения Николая Бестужева. Но еще раньше этими вопросами занялся его близкий друг, участник Первой русской экспедиции к Южному полюсу Константин Петрович Торсон. Он несколькими годами раньше вышел из Петровского каземата и первоначально жил в крепости Акша. Став по «монаршей милости» земледельцем, Торсон прежде всего занялся изучением климатических условий места своей ссылки, расположенного высоко над уровнем моря и вблизи гор, покрытых вечным снегом. По мнению декабриста, этими обстоятельствами были обусловлены повышенная сухость воздуха и малое количество осадков (в виде снега) зимой. В весеннее время в Акше наблюдались продолжительные северо-западные ветры. В течение всего мая, а нередко и до середины июня отмечались утренники. «...От этого,— писал Торсон,— высушивает и выдувает землю так, что если с весны не будет хороших дождей, то травы худы и всходы хлебов едва заметны даже в июне»⁶⁷.

В те годы, когда зимой выпадает большое количество снега или рано весной бывают дожди, уже к началу мая наблюдается обильный рост травы. Случается, что дожди начинают выпадать только в середине июня и тогда хлеба долго не цветут и нередко начинаются заморозки, когда ячмень находится «в половине своего развития». Это

приводит к гибели посевов в низких местах, а на возвышенных они остаются невредимыми и достигают полной зрелости. В годы с жаркой и сухой летней погодой, напротив, посевы гибнут на склонах гор, а в долинах успевают вызреть.

«Впрочем,— заключает Торсон,— в течение лета какая погода ни была, по большей части поселяне получают жатву частично зрелыми, частью промерзшими зернами... Долго продолжающиеся утренники и засухи с весны не всегда доставляют порядочный урожай в огородных овощах, а все это можно сказать не обеспечивает трудов и благосостояния земледельцев»⁶⁸.

Замечания подобного рода в переписке Константина Торсона и Николая Бестужева и других декабристов не единичны. Они имеют определенную историко-научную ценность как документальные свидетельства внимательного изучения декабристами климатических условий Сибири.

Сопоставим эти наблюдения с современными представлениями о климате Забайкалья. Исследователи наших дней, располагающие обширными и многолетними метеорологическими данными, считают, что «первая половина лета в Забайкалье характеризуется малоблагоприятными климатическими условиями для развития сельскохозяйственных культур»⁶⁹.

Эту особенность климата Забайкалья одними из первых подметили Николай Бестужев и Константин Торсон. Более того, они первыми обратили внимание на незначительное количество осадков, особенно зимой, на большую сухость воздуха, на периодические случаи песчаных бурь и заморозков. Эти черты климата Забайкалья подтверждаются современными исследованиями⁷⁰.

Николай Бестужев пытался выявить взаимосвязь сейсмических и гидрометеорологических явлений и отмечал на основе собственного метеорологического журнала поразительное согласие «убыли и прибыли воды» в реке Селенге с землетрясениями, которые часто наблюдались в окрестностях Селенгинска⁷¹.

Декабрист следил за известиями о погоде в различных районах земного шара и пытался ее ход сравнить с ходом атмосферных процессов в Селенгинске.

«С некоторой поры,— писал он брату Павлу 26 апреля 1844 г.,— здесь климат совершенно изменился, и не

знаю, придет ли эта атмосферная революция в прежний порядок. Во всей Европе жалуются на перемену климата; где беспрестанные холода; где нет вовсе зимы, где дождь, где дождь и наводнение, а где засуха. У нас, где климат всегда в известную пору года был равен, дуют беспрестанные жестокие ветры, и вследствие того нескончаемая засуха»⁷².

Читая эти строки, следует помнить, что в ту пору газеты и журналы доставляли в Сибирь на почтовых тройках спустя несколько недель и даже месяцев после выхода в свет. И даже при той скудной информации, которая доходила до Селенгинска, Николай Бестужев заметил аномальные особенности атмосферных процессов в начале 40-х годов XIX в., которые привлекли внимание выдающихся метеорологов того времени, в том числе А. И. Воейкова.

Важно было не только собрать метеорологические труды и замечания Николая Бестужева, но и попытаться найти в его переписке хотя бы несколько строк о том, что выдающийся деятель движения декабристов говорил об успехах отечественной метеорологии. И этот поиск увенчался удачей. Удалось установить, что Николай Бестужев оценил создание регулярной постоянно действующей геофизической сети, издание ее наблюдений и основание Главной физической обсерватории как знаменательное событие в научной жизни России. Он с восхищением писал о заслугах академика Купфера в организации отечественных метеорологических исследований.

«Имя Купфера, упомянутое Вами с предложением обратиться к нему, если это будет полезно для моих предприятий, породило во мне ряд идей, вовсе не относящихся до моих занятий, но о нем самом и о его трудах, известных всему ученому миру, — писал Н. А. Бестужев 2 августа 1851 г. И. И. Свиязеву, — есть труженики науки, которых имя приятно звучит в слухе каждого образованного человека: таковы имена Струве, Купфера, тем более что они наши русские ученые, у которых приезжают иностранцы учиться. Заведование физической и магнитной обсерваторией, свод метеорологических наблюдений по всей России — труд огромный, труд неопенимый для науки и для человечества, которое добивается приподнять завесу, за которою природа хранит свои тайны. Живучи даже здесь, я знаю, каких хлопот стоит свод на-

блюдений от устроенных по всему пространству России магнитных обсерваторий...»⁷³.

Это письмо Н. А. Бестужева интересно не только блестящей оценкой деятельности академика Купфера, но и попыткой наметить пути дальнейшего развития русской геофизики. По мнению декабриста, в научных исследованиях и в особенности геофизических следует умело сочетать анализ и синтез. Наблюдающееся в науке увлечение только анализом явлений ведет «к ложным умозаключениям». Следует, по его словам, помнить, что «синтез оказал много услуг науке, указав путь, по которому она должна следовать». Он напоминает о необходимости обобщения метеорологических наблюдений с целью разработки теоретических проблем и приложения их на пользу Отечества. «Частные заметки,— продолжает декабрист,— как бы они ни были многочисленны, без синтеза не могут согласоваться, потому что не могут сами по себе относиться к необходимому закону, как общей связи всех явлений [...]. Думаю, что время от времени надобно сгруппировать опыты и приводить их в какую-нибудь синтетическую форму для дальнейших исследований»⁷⁴. Н. А. Бестужев тонко подметил особенности состояния современной ему геофизики как в России, так и за границей. Он понимал, что закономерности геофизических процессов могут быть выведены на основе исследования причинности и взаимосвязи природных явлений во всей их сложности и многообразии.

Рассмотренными метеорологическими изысканиями Николая Бестужева не исчерпывается его вклад в русскую геофизику. Еще не найдены его тетради со статьями об атмосферном электричестве, написанными в годы каторги и ссылки. Еще не установлено местонахождение его метеорологического журнала... Но и сохранившаяся малая часть его научного наследия свидетельствует о том, что в его лице русская наука имела выдающегося ученого.

«Гусиное озеро»

В июле 1839 г. Николай и Михаил Бестужевы одними из последних оставили казематы Петровского завода. Они расставались с узниками «первого разряда», со многими

навсегда. От этой мысли «кровянились сердца». Они избрали местом поселения Селенгинск, чтобы соединиться со своим другом Константином Торсоном, перебравшимся туда из крепости Акша. Николаю и Михаилу Бестужевым выделили по 15 десятин земли в 15,5 верстах от города, в живописной Зуевской пади:

«...Два хребта гор тянутся по обе стороны до самой Селенги, в вершине пади течет ручей, который бежал в прежние времена в Селенгу, но ныне, не добегая середины, исчезает под землю. Кругом ключика растут тальниковые кусты, перемешанные красным смородником, который называют здесь кислицей. Выше в горы есть прекрасные места для прогулки: леса, наполненные шиповником и другими пахучими кустарниками, где брусника родится изобильно. Оттуда же [открывается] прекрасный вид на Гусиное озеро, которое протягивается верст на 40 в длину и верст на 20 в ширину»⁷⁵.

Это письмо интересно не только изящным и четким географическим рисунком художника и естествоиспытателя, но и любовью к природе. Живя в Селенгинске, он мог отлучаться лишь на 15 верст. Чтобы выгнать овец на принадлежащий ему надел, декабристу следовало всякий раз обращаться за разрешением к петербургским жандармским властям. Нелепостей в его положении было много, но самая досадная состояла в том, что на поселении он больше всего страдал от недостатка пищи своему любознанию⁷⁶. Это отрывало его от достижений современной науки. «Впрочем,— писал он И. И. Свиязеву,— к лишениям мне не привыкать стать, но то беда, что духовной пищи, к которой я привык, мне не достает»⁷⁷.

Николай и Михаил Бестужевы, живя в Селенгинске, выписывали совместно с соседями три журнала и две газеты. Этого было очень мало, чтобы следить за успехами науки. Николай жаловался, что недостаток средств не позволяет «иметь вполне» книги и журналы. «Сверх того,— писал он И. И. Свиязеву,— и голос мой не может быть слышен на таком отдаленном расстоянии и в таком положении»⁷⁸.

Николай Бестужев изучал нравы и хозяйство бурят, вел метеорологические наблюдения и обследовал окрестные горы. Он проникал в чащобы и карабкался на вершины, куда заходили лишь смелые охотники. Делал это Николай Бестужев с намерением выяснить различие или

сходство здешних гор с горами вблизи Читы и Петровского завода, которые с разрешения казематного начальства ему удалось обследовать. Результаты своих первых географических изысканий он изложил в письме к брату Павлу:

«Странный характер имеют здесь все вообще горы: они округлены и засыпаны песком от подошвы до вершины. И этот песок произошел не от разрушения самих гор, но, видимо, нанесен водою; часто просеченные дороги на большой глубине обнажают взору бесконечные и параллельные слои песку, илу, хрящу, крупных обломков, голышей и часто в иловатых или песчаных слоях на больших глубинах обломки дерева. Все носит на себе печать страшного водяного переворота: сильного и долгого течения вод, замывших первозданные горы и образовавших огромные песчаные сугробы со всеми признаками направления воды. Камень виден только на вершине гор да на таком месте, где крутизна не позволяла держаться песку. Я не могу теперь припомнить характера гор, виденных мною по ту сторону Байкала, но по сю сторону везде тот же песок от Байкала до Читы и, может быть, далее; так что Яблонный хребет, разделяющий Забайкалье на две половины, до самой вершины представляет то же явление, и оба ската его одинаковы»⁷⁹.

Николай Бестужев многократно говорит в своих письмах, что одно из любимых его занятий состоит в скитаниях по горам Забайкалья. Он обследовал Селенгу и реки Темник, Убукун, Загустай, изучал следы недавних землетрясений, тщательно осматривал в разломах горные породы.

Особенно влекло Николая Бестужева Гусиное озеро, которое простиралось в длину на 30, а в ширину на 15 верст и видом напоминало «половину луны». В июне 1852 г. в сопровождении проводника-бурята он предпринял обход Гусинового озера, на северном берегу которого никто, кроме кочующих бурят, не бывал.

Уже в первый же день дождь и гроза заставили путешественников искать пристанища в юрте бурята, с которым за чаем и рассказами засиделись до глубокой ночи. Утром Николай Бестужев добрался до северного берега Гусинового озера. Путь лежал сначала через обломки острых камней, затем через обширное болото, где увязали выше колена в грязи. Под вечер путешественники до-

брались до бурятского кочевья, где и остановились на ночлег. Буряты сначала пели песни, а затем рассказывали сказки. Николай Бестужев записал их и включил в состав своей монографии «Гусиное озеро»⁸⁰.

Отсюда декабрист предпринял поход вверх по реке Ахуру вместе с несколькими попутчиками, собиравшимися искать месторождения золота. Дорога была так трудна, что некогда было любоваться природой.

«Тайга, в которой нет никакой тропинки, густота сучьев, которые хлещут по глазам, а пожалуй, и проткнут насквозь, если зазеваешься; валежник, перегораживающий поминутно дорогу, кусты смородины, сквозь которые с трудом продирается лошадь, так что спелые ягоды прыщут во все стороны; болота, чрез которые нельзя проехать верхом, а надо отпустить одну лошадь, а то она увязнет и со всадником, а потом перебираться с кочки на кочку самому, погружаясь время от времени по пояс: вот путешествие по тайге. Прибавьте к этому, что на другой день нашего путешествия пошли дожди, так что на нас не было сухой нитки в продолжение пяти дней»⁸¹.

Пристанищем служили балаганы охотников на белок, сделанные из коры лиственниц. Они больше защищали от ветра, чем от дождей, но зато в них можно было всегда найти кусок сухого дерева, чтобы развести костер, обогреться и обсушиться.

На следующий день дождь продолжался. Поднимаясь к верховьям Ахура, шли почти все время болотами и только к вечеру поднялись на вершину горного хребта, откуда открылась великолепная картина. Николай Бестужев увидел Селенгинские горы, покрытые снегом «Тункинские гольцы», голубое пятно Байкала, Кругоморскую дорогу, охраняемую величественными вершинами, и множество других гор, над которыми гремела гроза и висели косые полосы далекого дождя.

Путешественники ночевали в кедровом лесу, где, по словам проводника, водились медведи. Однако звери не потревожили их, и они направились по реке Загустай к вершине ближайшей горы. Перевалив через нее, спустились по речке Убукун в долину. Здесь Николай Бестужев расстался со своими спутниками, чтобы продолжать свое «кругоозерное путешествие». Речки вздулись от дождей. Гусиное озеро разлилось сильнее обычного. Опять

пришлось брести по колено в воде и нередко увязать по пояс в грязи.

Наконец выбрались на сухое место и встретились с бурятами, которые на глазах путешественников вытащили «несколько телег щуки, окуней и сороги». Николай Бестужев вскоре добрался до южного берега Гусиного озера, где ему довелось увидеть открытый пласт каменного угля.

«Сожалею,— писал он,— что я не сведущ в минералогии и ботанике, а потому не могу описать Вам подробно почвы и растений. Со всем тем в общих чертах могу сказать, что оба берега, с прилежащими частями восточного и западного, каменисты; на южном берегу преобладает галька, круглая, окатанная водою: на северном — угловатый щебень, сносимый с гор весенними водами и дождями. Увалы как на той, так и на другой стороне состоят из переслоев глины, щебня мелкого и крупного, песчаника и местами валунов гранита, порфира и кварца»⁸².

Во время путешествия по южному берегу Гусиного озера Николай Бестужев снова встречался с бурятами, присутствовал на их праздниках, конных скачках, состязаниях борцов. Обо всем этом он затем блестяще рассказал в труде «Гусиное озеро».

По единодушному признанию этнографов Николай Бестужев дал «внимательное и детальное описание» различных занятий и быта бурят, в том числе устройства и убранства юрт, одежды и пищи, промыслов и ремесел, гаданий и игр, религиозных верований и нравственных понятий, свадебных обрядов и законов гостеприимства. Кроме того, декабрист нарисовал «своего рода этническую карту Гусиного озера», перечислив места обитания нескольких бурятских родов⁸³.

Характеризуя жизнь, быт, культуру и хозяйство бурят, Николай Бестужев выступал с позиций гуманизма и глубокого уважения к простому народу, столь характерных для представителей движения декабристов.

Монография «Гусиное озеро», являющаяся важным вкладом декабристов в отечественное озероведение, интересна географическим очерком юго-восточной части Забайкалья. В нем дано одно из первых в литературе описаний Селенгинских гор, окаймляющих с юго-востока Байкал, с вершинами, вечно покрытыми снегом. «Го-

ры,— пишет Николай Бестужев,— с обеих сторон нисходят к озеру увалами, нередко подходящими к самой воде; но странность этих увалов та, что они не принадлежат горам и не составляют их продолжения, а более походят на волны самой почвы и направляются почти везде перпендикулярно к длине озера»⁸⁴.

Особенно подробно он останавливается на выветривании горных пород, на пыльных бурях, которые поднимают северные ветры и несут на юг облака песку, засыпая им «мало-помалу склоны гор» и город Селенгинск, где «во многих домах есть по три забора, поставленных один над другим для защиты от вторжения неприятного гостя»⁸⁵.

Николай Бестужев обратил внимание, что горные системы имеют северо-восточные направления и что они в основном сложены гранитами. Он же обрисовал черты забайкальского ландшафта. Особенно его интересовали землетрясения и влияние сейсмических явлений на образование разломов.

Бестужев охарактеризовал такие реки Забайкалья, как Селенга, Темник, Загустай, Убукун, отметив, что они питаются в основном за счет дождей, которые во второй период лета нередко вызывают наводнения. Он дал подробнейшее описание солонцов и соленых озер, считая их минеральными источниками лечебного свойства, что подтверждено современными исследованиями. Он же обратил внимание на наличие в окрестностях Гусиного озера полезных ископаемых.

Весьма подробно Николай Бестужев проанализировал причины понижения и повышения уровня Гусиного озера, которые по своим периодам совпадали с подобными явлениями на Байкале. Он справедливо подмечал, что понижения уровня отдельных замкнутых водоемов имеют место и в других районах земного шара, в том числе во Франции, Бразилии, Абиссинии. Особенно интересовало декабриста понижение уровня Каспийского моря, и он пытался найти общие закономерности этого явления.

Монографию «Гусиное озеро» в целом следует рассматривать как опыт комплексного географического исследования, в котором дана характеристика рельефа и ландшафтов, рек и озер, флоры и фауны, климата и погоды, хозяйства и населения одного из районов Забайкалья.

Весьма важно, что труд прорвался через полицейские и цензурные заграждения, увидев свет в одном из лучших научных журналов середины XIX в. — «Вестнике естественных наук». Кроме того, были опубликованы статьи декабриста о сибирском экипаже и о бурятском хозяйстве. Необходимо подчеркнуть, что это было предпринято в то время, когда существовал строжайший запрет на публикацию трудов «государственных преступников».

Кроме изучения вопросов географии и климата Забайкалья, Николай Бестужев занимался конструированием дешевого хронометра, теоретические основы которого были изложены в сочинении «О часах», не увидевшем света. Судя по его письму к Свиязеву, ему удалось достигнуть точности, отличавшей английские инструменты, какими располагал друг его детства Ф. П. Литке во время кругосветного плавания на шлюпе «Сенявин» для проведения «маятниковых» (гравиметрических) измерений.

«Мне бы можно было, — писал Николай Бестужев, — помириться с моими часами, если английские, лучшего мастера, грешат так же, как и мои. Но тогда я войду в общую категорию. Зачем же переделывать то, что уже есть. Разве только потому, что мои проще и дешевле»⁸⁶.

Эта высокая требовательность к себе проходит через все ученые изыскания Николая Бестужева. В селенгинской ссылке он создал капитальный труд «Система Мира», который бесследно исчез, как затерялся его метеорологический журнал и бесценные письма к Михаилу Рейнеке. Сохранилась лишь копия одного письма⁸⁷, которое Николай Бестужев послал 8 мая 1852 г., и все письма Рейнеке к селенгинскому изгнаннику.

Судя по ответам Рейнеке, письма Николая Бестужева представляли собой научные трактаты по проблемам географии, климатологии, механики, приборостроения, гравиметрии. Их утрата является большой потерей для русского естествознания.

Николай Бестужев не дожил до амнистии. Он умер 14 мая 1855 г. и похоронен в Селенгинске рядом со своим другом Константином Торсоном. В его лице Россия потеряла выдающегося исследователя, который «чуждался привилегий и известности и желал только пользы науке, а потому и человечеству». Его дела и труды останутся навсегда в памяти потомков как пример беззаветного служения своему Отечеству.

Географические исследования декабристов являются частью грандиозной деятельности русских моряков и ученых по изучению России и различных областей земного шара.

Русская наука вправе гордиться такими выдающимися деятелями движения декабристов, как Гаврила Батеньков, Александр, Михаил и Николай Бестужевы, Андрей и Петр Борисовы, Алексей Иванчин-Писарев, Дмитрий Завалишин, Александр Корнилович, Михаил Кюхельбекер, Михаил Митьков, Никита Муравьев, Матвей Муравьев-Апостол, Павел Пестель, Владимир Романов, Константин Торсон, Николай Чижов, Владимир Штейнгель, Александр Якубович, Иван Якушкин и др.

Декабристская научная мысль поднялась до важнейших проблем современного естествознания. Уже после амнистии Гаврила Батеньков создал цикл теоретических статей, в которых рассмотрел сильные и слабые стороны знаменитого «Космоса» А. Гумбольдта и «обнял математические явления в природе». В своих трудах он неоднократно отмечал возрастающую роль русской науки в развитии мировой культуры, призывал к ломке рутинных представлений и поискам новых путей для объяснения природных явлений и процессов.

Заслуга декабристов состоит в том, что они рассматривали географию как «науку государственного быта». Глубокое знание природных условий, хозяйства и населения положено в основу важнейших разделов программных документов движения декабристов. Поэтому воссоздание исторической картины географических исследований декабристов важно не только для истории науки, но и полезно для изучения общественного движения и, в частности, для раскрытия вклада декабристов в развитие русской культуры.

Деятели первого русского революционного движения видели в географических исследованиях важнейшее средство в деле укрепления силы и экономического потенциала Отечества. Они последовательно отстаивали эти позиции на протяжении многих десятилетий. Одна из последних работ декабристов о роли географии в защите национальных интересов на берегах Тихого океана написана в 1883 г. Дмитрием Завалишиным.

Впитав достижения мирового и отечественного естествознания, декабристы смело развивали лучшие традиции отечественной географии и в особенности идеи великого Ломоносова, который, «подобно северному сиянию, озарил полночь» (А. Бестужев).

Пронизанные глубоким патриотизмом идеи декабристов о свободном развитии науки находили отклик среди географов России, которые своей подвижнической деятельностью по изучению Отечества обогатили великими достижениями русское естествознание.

Декабристы положили начало участию политических ссыльных в изучении дальних окраин России. Вслед за первенцами свободы географическими изысканиями в Сибири и на Дальнем Севере занимались представители всех поколений русских революционеров. Если декабристы доставили науке первые ряды метеорологических наблюдений в Сибири, то социал-демократы, воскресившие их «давно забытые республиканские идеи»¹, по свидетельству академика М. А. Рыкачева, составляли основную массу наблюдателей на Сибирском и Европейском Севере. Эта преемственность символична. Она еще раз свидетельствует о том, что идея «делания блага своему Отечеству» была близка всем поколениям русских революционеров.

Политика «запечатывания мыслей и распечатывания писем» нанесла огромный ущерб культуре России. Реакция, наступившая после 14 декабря 1825 г., была направлена не только против передового общественного движения, но и против науки, что привело к гибели многих географических трудов. Уцелевшая часть работ декабристов свидетельствует о том, что они внесли выдающийся вклад в развитие знаний о нашей планете. Их дела и труды по изучению Арктики и Черного моря, Антарктики и Сибири, Русской Америки и Мирового океана навсегда останутся в истории русской науки.

ВВЕДЕНИЕ

¹ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, л. 2595, л. 2.

² «Русская старина», 1884, август, с. 338.

ГЕОГРАФИЯ В ПРОГРАММАХ ДЕКАБРИСТОВ

¹ *Нечкина М. В.* День 14 декабря 1825 года. Изд. 2-е. М., «Мысль», 1975, с. 9.

² *Басаргин Н. В.* Записки. Пг., 1917, с. 242.

³ *Нечкина М. В.* Движение декабристов, т. I. М., Изд-во АН СССР, 1951, с. 163.

⁴ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. I. М., Госполитиздат, 1951, с. 274 (далее — Избранные произведения декабристов...).

⁵ Там же, с. 244.

⁶ Восстание декабристов, т. V. М., ГИЗ, 1926, с. 12.

⁷ Там же, т. XIII. М., Госполитиздат, 1975, с. 392.

⁸ Избранные произведения декабристов..., т. I, с. 502.

⁹ Дневники и письма Н. И. Тургенева, т. III. Пг., 1921, с. 264.

¹⁰ Восстание декабристов, т. IX, 1950, с. 59.

¹¹ Там же, т. VII, 1958, с. 305—307.

¹² Там же, с. 262.

¹³ Там же, с. 129.

¹⁴ *Никитин Н. П.* Экономико-географические работы декабристов. — В кн.: Вопросы географии, сб. 41. М., Географгиз, 1957, с. 242.

¹⁵ Восстание декабристов, т. VII, с. 136.

¹⁶ Там же, с. 128.

¹⁷ Там же, вклейка между с. 130—131.

¹⁸ Там же, с. 127.

¹⁹ Избранные произведения декабристов..., т. I, с. 304.

²⁰ *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев. М., изд. О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933, с. 308.

²¹ Восстание декабристов, т. VII, с. 206.

²² Там же, с. 315.

²³ *Корнилович А. О.* Сочинения и письма. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1957, с. 227.

²⁴ «Сын Отечества», 1822, ч. 78, с. 160.

²⁵ *Корнилович А. О.* Сочинения и письма, с. 328.

²⁶ *Корнилович А. О.* Начертание Всеобщей географии, составленное Константином Арсеньевым, ч. I, 1823 года в тип. Акад. наук. — «Северный архив», 1825, № 5, с. 44—45.

²⁷ Там же, с. 47.

²⁸ Там же, с. 48.

²⁹ *Герцен А. И.* Собр. соч., т. 16. М., Изд-во АН СССР, 1959, с. 72.

- ³⁰ Нечкина М. В. Декабристы. М., «Наука», 1975, с. 160.
- ³¹ Там же, с. 25.
- ³² «Северный архив», 1825, № 5, с. 43—66.
- ³³ Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, с. 200.
- ³⁴ Восстание декабристов, т. II. М., ГИЗ, 1926, с. 71.
- ³⁵ ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 421, л. 6.
- ³⁶ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 452, л. 9.
- ³⁷ Избранные произведения декабристов..., т. I, с. 497.
- ³⁸ Восстание декабристов, т. V, с. 21.
- ³⁹ Там же, т. XI, 1954, с. 131.
- ⁴⁰ Зильберштейн И. С. Николай Бестужев и его живописное наследство. — В кн.: Литературное наследство, т. 60, кн. 2. М., Изд-во АН СССР, 1956, с. 72.
- ⁴¹ Штейнгель В. И. Записки. — В кн.: Общественные движения в России в первую половину XIX века, т. I. СПб., 1905, с. 341.
- ⁴² Штейнгель В. И. Замечания ста-
- рого моряка. — «Морской сборник», 1856, № 12, с. 1.
- ⁴³ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 465, л. 74. Геденштром — Врангелю.
- ⁴⁴ Рукописный отдел Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина (РОГБЛ), ф. 20 (Батеньков), карт. 12, д. 26, л. 2.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Батеньков Г. Отрывок из письма начальнику отряда Северной экспедиции лейтенанту Ф. П. Врангелю. — «Сын Отечества», 1823, ч. 79, с. 15.
- ⁴⁷ Там же, с. 16.
- ⁴⁸ «Северный архив», 1822, ч. 78, с. 154.
- ⁴⁹ См. публикацию: Окунь С. В. Записка: «Нечто о возмущении Семеновского полка». — «Литературное наследство», т. 60, кн. 1. Декабристы-литераторы. М., Изд-во АН СССР, 1956, с. 362—372.
- ⁵⁰ Корнилович А. О. Сочинения и письма, с. 311.

ДЕКАБРИСТЫ — УЧАСТНИКИ КРУГОСВЕТНЫХ ПЛАВАНИЙ

- ¹ Подробнее см. в кн.: Пасецкий В. М. Иван Федорович Крузенштерн. М., «Наука», 1974, с. 130—133.
- ² Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенное на шлюпах «Восток» и «Мирный». М., Географгиз, 1949, с. 42.
- ³ Там же, с. 49.
- ⁴ Там же, с. 38.
- ⁵ Там же, с. 76.
- ⁶ Там же, с. 95—96.
- ⁷ Там же, с. 96.
- ⁸ ЦГАВМФ, ф. 162, оп. 1, д. 20, л. 41.
- ⁹ Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания..., с. 99.
- ¹⁰ Там же, с. 5.
- ¹¹ Ф. Ф. Беллинсгаузен представил описание своего путешествия в октябре 1824 г. Однако вопрос о его издании был решен только в 1827 г.
- ¹² Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания..., с. 105.
- ¹³ Лазарев М. П. Документы, т. I. М., Военмориздат, 1952, с. 151.
- ¹⁴ Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания..., с. 112.
- ¹⁵ Лазарев М. П. Документы, т. I, с. 151.
- ¹⁶ Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания..., с. 118.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Лазарев М. П. Документы, т. I, с. 147.
- ¹⁹ Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания..., с. 123.
- ²⁰ Там же, с. 125.
- ²¹ Там же, с. 187.
- ²² Там же.
- ²³ Там же, с. 200.
- ²⁴ Там же, с. 200—201,

- ⁷⁵ Там же, с. 222.
⁷⁶ Там же, с. 233.
⁷⁷ Там же, с. 236.
⁷⁸ Там же, с. 246.
⁷⁹ Там же, с. 273—275.
⁸⁰ Там же, с. 283.
⁸¹ Там же, с. 296.
⁸² Там же, с. 305.
⁸³ Там же.
⁸⁴ Там же, с. 306.
⁸⁵ Там же, с. 312.
⁸⁶ Там же, с. 313.
⁸⁷ Там же, с. 327—328.
⁸⁸ Там же, с. 335.
⁸⁹ Там же, с. 329—330.
⁹⁰ Там же, с. 341.
⁹¹ Там же, с. 343.
⁹² ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 9, д. 477, л. 1, д. 478, л. 4, д. 479, л. 5.
⁹³ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2596, л. 3.
⁹⁴ Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания..., с. 310.
⁹⁵ Романов В. Предначертаание путешествия от западных берегов Северной Америки до Ледовитого моря и до Гудзонского залива.— «Моск. телеграф», 1825, ч. 18, с. 96.
⁹⁶ ЦГАВМФ, ф. 212, оп. 9, д. 479, л. 34.
⁹⁷ Там же, ф. 212, оп. 1, д. 1252, л. 1.
⁹⁸ Воспоминания Бестужевых. Изд. 2-е. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, с. 299.
⁹⁹ Шешин А. Б. Декабрист-мореплаватель К. П. Торсон и его ненайденные записки об открытии Антарктиды.— «Изв. ВГО», 1976, вып. 1 с. 69.
¹⁰⁰ Там же, с. 70—71.
¹⁰¹ Там же, с. 71.
¹⁰² Воспоминания Бестужевых. М., изд. О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931, с. 309—310 (далее в тексте все ссылки на издание 1951 г.).
¹⁰³ ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 633, л. 4.
¹⁰⁴ Там же, л. 6.
¹⁰⁵ Романов В. П. О калюжах и калошах вообще.— «Северный архив», 1825, № 17, с. 111.
¹⁰⁶ Там же, с. 112.
¹⁰⁷ ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 78, л. 8.
¹⁰⁸ Рукописный отдел Гос. публичной б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 679, оп. 1, д. 137, л. 1.
¹⁰⁹ Там же, л. 2.
¹¹⁰ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2595, л. 3.
¹¹¹ Там же, л. 1.
¹¹² Там же, л. 2.
¹¹³ Там же, л. 4.
¹¹⁴ Там же, л. 6.
¹¹⁵ Там же, л. 7.
¹¹⁶ Там же, л. 8.
¹¹⁷ Там же, л. 9.
¹¹⁸ Там же, д. 672, л. 52.
¹¹⁹ Там же, л. 53.
¹²⁰ ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 78, л. 3.
¹²¹ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 672, л. 52.
¹²² Там же, д. 2596, л. 7.
¹²³ Там же, д. 672, л. 59.
¹²⁴ Романов В. Предначертаание путешествия..., с. 96.
¹²⁵ Там же, с. 95—96.
¹²⁶ Литературное наследство, т. 59, с. 230.
¹²⁷ Там же.
¹²⁸ ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 30, л. 319.
¹²⁹ Там же, д. 78, л. 8.
¹³⁰ Литературное наследство, т. 59, с. 162.
¹³¹ Романов В. В. Сестра декабриста.— «Русский вестник», 1893, № 10, с. 142.
¹³² ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 76, л. 11.
¹³³ ЦГАВМФ, ф. 205, оп. 1, д. 300, л. 12.
¹³⁴ Там же, л. 13.
¹³⁵ Когда в 1830 г. Романова представили к следующему чину за геройские подвиги, то Николай I, вспомнив, что он имел «прикосновение к происшествию 14 декабря», приказал не производить его в капитаны второго ранга (ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 1, д. 100, л. 1—3).
¹³⁶ «Отечественные записки», 1829, ч. 39, с. 340—341.
¹³⁷ Воспоминания Бестужевых, с. 299.
¹³⁸ ЦГИАЭ, ф. 2057, оп. 1, д. 452, л. 84.

- ⁸⁹ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 665, л. 62.
- ⁹⁰ Там же, л. 66.
- ⁹¹ *Тихменев П.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании», ч. I. СПб., 1861, Приложения, с. 27.
- ⁹² Там же, с. 41.
- ⁹³ РОГБЛ, ф. 449, карт. 2, д. 19, л. 1.
- ⁹⁴ Там же, л. 1—3. Перевод Б. А. Шлихтера.
- ⁹⁵ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 665, л. 460.
- ⁹⁶ Там же, л. 464—465.
- ⁹⁷ Там же, л. 466.
- ⁹⁸ Там же, л. 472.
- ⁹⁹ Там же, л. 483.
- ¹⁰⁰ РОГБЛ, ф. 449, карт. 2, д. 20, л. 1.
- ¹⁰¹ Там же, д. 21, л. 1—12.
- ¹⁰² ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 665, л. 487.
- ¹⁰³ Лейтенант А. Л. Баранов был арестован и доставлен в Зимний дворец, но после допроса отпущен.
- ¹⁰⁴ Метеорологические наблюдения, производившиеся во время кругосветного плавания шлюпа «Аполлон». СПб., 1882, с. 3.
- ¹⁰⁵ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 666, л. 314.
- ¹⁰⁶ Там же, л. 315.
- ¹⁰⁷ Восстание декабристов, т. VIII. М., ГИЗ, 1925, с. 54.
- ¹⁰⁸ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 3599а, 3599б, 3599в.
- ¹⁰⁹ *Медведев Н. Д.* Вековые вариации магнитного склонения и дрейф южного магнитного полюса. — «Бюлл. Сов. антаркт. эксп.», 1970, № 77, с. 100.
- ¹¹⁰ *Завалишин Д. И.* Кругосветное плавание фрегата «Крейсер». — «Древняя и новая Россия», 1877, № 5, с. 56.
- ¹¹¹ Там же, с. 55.
- ¹¹² *Завалишин Д. И.* Записки декабриста. СПб., 1906, с. 68.
- ¹¹³ *Завалишин Д. И.* Кругосветное плавание..., № 7, с. 211.
- ¹¹⁴ Там же, с. 212.
- ¹¹⁵ Там же, с. 213.
- ¹¹⁶ Там же, № 9, с. 43.
- ¹¹⁷ Там же, с. 49.
- ¹¹⁸ Метеорологические наблюдения, производившиеся во время кругосветного плавания фрегата «Крейсер» в 1822, 23 и 24 годах». СПб., 1882.
- ¹¹⁹ *Завалишин Д. И.* Кругосветное плавание..., № 10, с. 143.
- ¹²⁰ *Завалишин Д. И.* Записки декабриста, с. 74.
- ¹²¹ *Завалишин Д. И.* Кругосветное плавание..., № 10, с. 154.
- ¹²² Там же, с. 211.
- ¹²³ Там же, № 11, с. 214.
- ¹²⁴ Там же, с. 214—215.
- ¹²⁵ *Лазарев М. П.* Документы, т. I, с. 256.
- ¹²⁶ ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 725, л. 1.
- ¹²⁷ Там же, л. 13—14, 21.
- ¹²⁸ ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 48, л. 297.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ Там же, л. 298.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Там же, л. 312.
- ¹³³ Там же, л. 310.

ИССЛЕДОВАНИЕ МОРЕЙ РОССИИ

- ¹ *Батеньков Г. С.* Общий взгляд на Сибирь. — «Сын Отечества», 1822, ч. 81, с. 5—6.
- ² ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 344, л. 178.
- ³ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 681, л. 1—4.
- ⁴ *Чижов Н. А.* О Новой Земле. — «Сын Отечества», 1823, ч. 83, с. 173.
- ⁵ Там же, с. 169.
- ⁶ Там же, с. 159.
- ⁷ Там же, с. 161.
- ⁸ Там же, с. 162—163.
- ⁹ Там же, с. 163.
- ¹⁰ Там же, с. 168.
- ¹¹ *Рейнке М. Ф.* Определение берегов и промер глубины Белого моря с 1827 по 1833 год. — «Записки Гидрограф. депо», ч. II,

- 1836, с. 9—10.
- ¹² Воспоминания Бестужевых, с. 507—508.
- ¹³ Там же, с. 512—513.
- ¹⁴ Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пушина и Э. Г. Толля. М., изд. Всесоюзн. б-ки им. В. И. Ленина, 1936, с. 139.
- ¹⁵ РОГБЛ, ф. 20, карт. 12, д. 12, л. 3.
- ¹⁶ Корнилович А. О. Известие об экспедициях в Северо-Восточную Сибирь флота лейтенантов Врангеля и Анжу в 1821, 1822 и 1823 годах. — «Северный архив», 1825, № 3, с. 375—376.
- ¹⁷ Там же, с. 376.
- ¹⁸ Чижов Н. А. Одесский сад. Отрывок из воспоминаний о Черном море. — «Сын Отечества», 1823, ч. 84, с. 214.
- ¹⁹ «Записки ученого комитета Морского штаба», 1829, ч. 3, с. 165.
- ²⁰ Там же, с. 166.
- ²¹ Там же, с. 168.
- ²² Там же, с. 170.

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ

- ¹ Карцов В. Г. Декабрист Г. С. Батеньков. Отв. ред. акад. М. В. Нечкина. Новосибирск, «Наука», 1965, с. 18.
- ² Там же, с. 46.
- ³ РОГБЛ, ф. 20, карт. 4, д. 1—4, л. 1—88.
- ⁴ РОГБЛ, ф. 20, карт. 3, д. 13, л. 1—12.
- ⁵ Батеньков Г. С. Общий взгляд на Сибирь. — «Сын Отечества», 1822, ч. 81, с. 13.
- ⁶ Там же, с. 150.
- ⁷ Там же, с. 154—155.
- ⁸ Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. — «Советский Север», 1929, № 1, с. 89.
- ⁹ РОГБЛ, ф. 20, карт. 4, д. 5, л. 1—4.
- ¹⁰ Батеньков Г. С. Примечание к статье о населении Сибири. — «Сын Отечества», 1823, ч. 85, с. 37.
- ¹¹ Батеньков Г. С. Общий взгляд на Сибирь. — «Сын Отечества», 1823, ч. 83, с. 59.
- ¹² Там же, с. 55.
- ¹³ РОГБЛ, ф. 20, карт. 12, д. 12, л. 1.
- ¹⁴ Там же, л. 6.
- ¹⁵ Там же, л. 15—16.
- ¹⁶ Там же, л. 44.
- ¹⁷ Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, с. 265 (далее — Записки И. Д. Якушкина).
- ¹⁸ Там же, с. 486—487.
- ¹⁹ Завалишин Д. И. Записки декабриста, с. 274.
- ²⁰ Там же, с. 271.
- ²¹ Дружинин Н. М. И. Д. Якушкин и его ланкастерские школы. — В кн.: Декабристы в Сибири, вып. 3. Иркутск, 1975, с. 188.
- ²² Записки И. Д. Якушкина, с. 182.
- ²³ Борисов П. И. О происхождении планет. Избранные произведения декабристов. М., Госполитиздат, 1951, т. III, с. 80.
- ²⁴ Шатрова Г. П. Декабристы и Сибирь. Томск, 1962, с. 125.
- ²⁵ РОГБЛ, ф. 20, карт. 5, д. 3, л. 3.
- ²⁶ Там же, л. 4.
- ²⁷ Шатрова Г. П. Декабристы и Сибирь, с. 96.
- ²⁸ Корнилович А. О. Сочинения и письма, с. 293, 307.
- ²⁹ Там же, с. 227.
- ³⁰ Там же, с. 234.
- ³¹ Там же, с. 295.
- ³² Записки И. Д. Якушкина, с. 266.
- ³³ Литературное наследство, т. 59, с. 59.
- ³⁴ Бестужевы М. и Н. Письма из Сибири. Иркутск, 1929, с. 59.

- ¹ Книга-устав Морской. СПб., 1720, с. 99—100, 169, 214.
- ² ЦГАВМФ, ф. 870. Коллекция вахтенных журналов, д. 1—6888.
- ³ Корнилович А. О. Известие об экспедициях..., с. 375—376.
- ⁴ Каразин В. Н. Сочинения, письма и бумаги. Харьков, 1910, с. 435.
- ⁵ Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР, ф. 1, оп. 2 — 1818, д. 13, л. 3.
- ⁶ Каразин В. Н. Сочинения, письма и бумаги, с. 851.
- ⁷ Кюхельбекер В. К. Дневник. — «Русская старина», 1883, июль, с. 115.
- ⁸ Веселовский К. С. О климате России. СПб., 1857, с. 9.
- ⁹ Берман Р. О распределении и деятельности метеорологических станций в Российской империи. СПб., 1892, с. 13.
- ¹⁰ Воспоминания Бестужевых, с. 305.
- ¹¹ ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 431, л. 5.
- ¹² Вильд Г. И. О температуре воздуха в Российской империи. СПб., 1882, с. 317.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Купфер А. Выводы из метеорологических наблюдений, сделанных в Российском государстве и хранящихся в метеорологическом архиве Академии наук. СПб., 1846, с. 6.
- ¹⁵ Азадовский М. Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири. — В кн.: Декабристы в Сибири, вып. 3, с. 55—57.
- ¹⁶ Там же, с. 56.
- ¹⁷ Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. I. Север и восток Сибири в естественноисторическом отношении. СПб., 1860, Прибавление I, с. 1.
- ¹⁸ Вильд Г. И. О температуре воздуха в Российской империи, с. 288.
- ¹⁹ Записки И. Д. Якушкина, с. 493.
- ²⁰ Там же, с. 502.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же, с. 333, 351, 354 и др.
- ²³ Декабристы. Летописи Гос. Лит. музея, кн. III. М., 1938, с. 190.
- ²⁴ Алексеев М. П. Немецкая поэма о декабристах. — В кн.: Бунт декабристов. Л., «Былое», 1926, с. 376.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Семеский М. И. Александр Бестужев в Якутске. — «Русский вестник», 1870, № 87, с. 256.
- ²⁷ Там же, с. 238.
- ²⁸ Там же, с. 256.
- ²⁹ Там же, с. 255.
- ³⁰ Там же, с. 227, 228, 229, 230.
- ³¹ Там же, с. 230, 237, 238, 242.
- ³² Там же, с. 242, 245, 250, 254.
- ³³ Там же, с. 254.
- ³⁴ Там же, с. 252—253.
- ³⁵ Беллев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805—1850. СПб., 1882, с. 309.
- ³⁶ Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. I, с. 315—316.
- ³⁷ Воейков А. И. Средние температуры в Европейской России, Сибири и Кавказе. — «Изв. РГО», 1871, вып. 1, с. 34.
- ³⁸ Воейков А. И. Снежный покров, его влияние на почву, климат и погоду. Избр. соч., т. 2. М., Изд-во АН СССР, 1951, с. 92.
- ³⁹ Воейков А. И. Климаты земного шара. Избр. соч., т. 1, с. 515.
- ⁴⁰ Вильд Г. И. О температуре воздуха в Российской империи, с. 305.
- ⁴¹ Рубинштейн Е. С. Климат СССР, вып. 4. Среднемесячные температуры воздуха в азиатской части СССР за отдельные годы, Л., 1931, с. 21, 53, 114 и др.

**НИКОЛАЙ БЕСТУЖЕВ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.**

- ¹ Воспоминания Бестужевых, с. 206—207.
- ² Там же, с. 207.
- ³ Барановская М. Ю. Декабрист Николай Бестужев, М., Госкультпросветиздат, 1954, с. 11.
- ⁴ Бестужев Н. А. Об удовольствиях на море. «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, с. 399 (далее — «Полярная звезда»).
- ⁵ Бестужев А. А. Взгляд на старую и новую словесность в России. — «Полярная звезда», с. 27.
- ⁶ Воспоминания Бестужевых, с. 511.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же, с. 290.
- ¹¹ Бестужев Н. А. «Полярная звезда», с. 408.
- ¹² Бестужев Н. А. Записки о Голландии 1815 года, СПб., 1821, с. 2—3.
- ¹³ Там же, с. 16.
- ¹⁴ Там же, с. 56—57.
- ¹⁵ Гусев В. Е. Вклад декабристов в отечественную этнографию. — В кн.: Декабристы и русская культура. Л., «Наука», 1976, с. 88.
- ¹⁶ Воспоминания Бестужевых, с. 239.
- ¹⁷ Там же, с. 240.
- ¹⁸ Там же, с. 25.
- ¹⁹ ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 665, л. 4.
- ²⁰ Бестужев Н. А. «Полярная звезда», с. 408—409.
- ²¹ Бестужев Н. А. Рассказы и повести старого моряка. М., 1860, с. 181.
- ²² Там же, с. 182.
- ²³ Там же, с. 186.
- ²⁴ Там же, с. 188.
- ²⁵ Там же, с. 191.
- ²⁶ Там же, с. 192.
- ²⁷ ЦГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 655, л. 12.
- ²⁸ Там же, л. 16.
- ²⁹ Бестужев Н. А. Выписка из журнала плавания фрегата «Проворного». Зап. гос. Адмиралт. департамента, ч. VIII, 1825, с. 36 (далее — Бестужев Н. А. Плавание фрегата «Проворного»...).
- ³⁰ Там же, с. 32.
- ³¹ Там же, с. 36.
- ³² Там же, с. 77.
- ³³ Гусев В. Е. Вклад декабристов... с. 88.
- ³⁴ Бестужев Н. А. Плавание фрегата «Проворного»... с. 75—76.
- ³⁵ Там же, с. 93.
- ³⁶ Там же, с. 87—88.
- ³⁷ Там же, с. 84.
- ³⁸ Там же, с. 101.
- ³⁹ Бестужев Н. А. Гибралтар. «Полярная звезда», с. 614.
- ⁴⁰ ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 2410, л. 1. Предложение Г. А. Сарычева изложено Ф. Ф. Беллинсгаузеном в его представлении на имя А. В. Моллера.
- ⁴¹ Литературное наследство, т. 60, кн. 2, стр. 67.
- ⁴² Воспоминания Бестужевых, с. 52.
- ⁴³ Барановская М. Ю. Декабрист Николай Бестужев, с. 41.
- ⁴⁴ Нечкина М. В. 14 декабря 1825 г., с. 15.
- ⁴⁵ Барановская М. Ю. Декабрист Николай Бестужев, с. 106—107.
- ⁴⁶ ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 235, л. 15. Бестужев — Свиязеву.
- ⁴⁷ Там же, л. 2. Бестужев — Свиязеву.
- ⁴⁸ ИРЛИ, ф. 604, оп. 1, д. 9, л. 100.
- ⁴⁹ Воспоминания Бестужевых, с. 322.
- ⁵⁰ Бестужев Н. А. Статьи и письма. М., изд. О-ва подиткаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933, с. 256.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же, с. 256.
- ⁵³ Бестужев Н. А. О электричестве в отношении к некоторым воздушным явлениям. — «Сын Отечества», 1818, ч. 49, с. 314.
- ⁵⁴ Там же, ч. 50, с. 33—34.
- ⁵⁵ Бестужев Н. А. Статьи и письма, с. 257.

- ⁵⁶ ИРЛИ, ф. 604, оп. 1, д. 4, л. 169. Бестужев — Свиязеву.
- ⁵⁷ ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 235, л. 10. Бестужев — Свиязеву.
- ⁵⁸ ИРЛИ, ф. 604, оп. 1, д. 23, л. 54—55. Бестужев — Свиязеву.
- ⁵⁹ Там же, л. 59. Бестужев — Свиязеву.
- ⁶⁰ *Бестужевы М. и Н.* Письма из Сибири, с. 9—10.
- ⁶¹ Там же, с. 17—18.
- ⁶² Там же, с. 21.
- ⁶³ Там же, с. 41—42.
- ⁶⁴ *Бестужев Н. А.* Рассказы и повести старого моряка, с. 504.
- ⁶⁵ *Бестужев Н. А.* Статьи и письма, с. 271.
- ⁶⁶ *Бестужевы М. и Н.* Письма из Сибири, с. 24.
- ⁶⁷ Декабристы из Бурятии. Верхнеудинск, 1927, с. 32.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ *Щербакова Е. Я.* Климат СССР, вып. 5. Восточная Сибирь. Л., Гидрометеониздат, 1961, с. 225.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ *Штрайх С. Я.* Моряки-декабристы. М., Военмориздат, 1946, с. 231.
- ⁷² ИРЛИ, ф. 604, оп. 1, д. 4, л. 166. Н. А. Бестужев — П. А. Бестужеву.
- ⁷³ Там же, оп. 1, д. 23, л. 54.
- Бестужев — Свиязеву. См. также: ф. 265, оп. 2, д. 235, л. 7 (В. Я. Струве — директор Пулковской астрономической обсерватории).
- ⁷⁴ ИРЛИ, ф. 604, оп. 1, д. 23, л. 54—55. Бестужев — Свиязеву.
- ⁷⁵ *Бестужевы М. и Н.* Письма из Сибири, с. 45.
- ⁷⁶ ИРЛИ, ф. 604, оп. 1, д. 15, л. 199. Бестужев — Свиязеву.
- ⁷⁷ ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 235, л. 15. Бестужев — Свиязеву.
- ⁷⁸ ИРЛИ, ф. 604, оп. 1, д. 15, л. 199. Бестужев — Свиязеву.
- ⁷⁹ *Бестужевы М. и Н.* Письма из Сибири, с. 14—15.
- ⁸⁰ *Бестужев Н. А.* Рассказы и повести старого моряка, с. 527—538.
- ⁸¹ Там же, с. 549.
- ⁸² Там же, с. 565.
- ⁸³ *Гусев В. Е.* Вклад декабристов..., с. 98.
- ⁸⁴ *Бестужев Н. А.* Рассказы и повести старого моряка, с. 486.
- ⁸⁵ Там же, с. 492.
- ⁸⁶ ИРЛИ, ф. 604, оп. 1, д. 10 (5579), л. 97. Бестужев — Свиязеву.
- ⁸⁷ Воспоминания Бестужевых, с. 507—520.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 319.

- Азадовский М. К. 126, 178
 Александр I 29, 65, 66, 75
 Алексеев М. П. 130, 178
 Алексеев Ф. 145
 Алексей Михайлович 117, 119
 Андреев С. 31
 Анжу П. Ф. 31, 54, 92, 93, 94, 98, 119, 143, 177
 Анна Бретанская 147
 Араго 133
 Аристотель 117
 Ароусмит 75
 Арсеньев К. И. 7, 19, 21, 24, 25—27, 85

 Баженов 57
 Баранов А. А. 57
 Баранов А. Л. 73, 176
 Барановская М. Ю. 179
 Баренц В. 86, 87
 Басаргин Н. В. 111, 113, 153, 173
 Батеньков Г. С. 4, 7—10, 30—32, 82, 92, 99—107, 108, 112, 113, 116, 120, 121, 141, 171, 174, 176, 177
 Бахрушин С. В. 103, 177
 Беллинсгаузен Ф. Ф. 8, 33, 35—51, 150, 151, 174, 175, 179
 Беляев А. П. 108, 133, 150, 153, 178
 Беляев П. П. 108, 133
 Бенкендорф А. X. 79
 Бергман Р. 178
 Берх Я. 42, 43
 Бестужев А. А. 10, 27, 28, 30, 66, 130, 131, 133, 149, 171, 172, 178, 179
 Бестужев А. Ф. 137, 138
 Бестужев М. А. 8, 23, 32, 68, 107, 108, 116, 121, 131, 137—139, 141, 152—154, 164, 165, 171, 180
 Бестужев Н. А. 3—5, 7—11, 15, 16, 23, 24, 27, 28, 29, 32, 33, 53, 54, 56, 65, 66, 68, 79, 85, 90, 91, 92, 107, 108, 110, 113, 116, 125, 131, 134, 137—171, 174, 179, 180

 Бестужев П. А. 154, 155, 157, 162, 166, 180
 Бестужева Е. А. 138, 151, 161
 Бестужевы 11, 38, 137, 138, 175—180
 Бестужев-Рюмин М. П. 16, 153
 Бодиско М. 150
 Борисов А. И. 14, 28, 108, 171
 Борисов П. И. 4, 10, 14, 15, 28, 108, 110, 111, 113, 115, 116, 121—123, 125, 134—136, 171, 177
 Бугенвиль Л. А. 42
 Булгарин Ф. 114
 Булдаков М. 61, 62
 Бурней Дж. 59
 Бьюненен Д. 59
 Бэр К. М. 110, 116, 120

 Васильев М. Н. 35, 54, 62, 145
 Веселовский К. С. 120, 178
 Вильд Г. И. 10, 122, 123, 128, 136, 178
 Вишневский Ф. Г. 3, 73, 74, 81, 118
 Воейков А. И. 10, 125, 129, 133—135, 163, 178
 Волкенский С. Г. 115
 Врангель В. В. 25
 Врэнгель Ф. П. 3, 9, 13, 26, 30—33, 50, 54, 64, 69, 92, 93, 98, 112, 116, 119, 126, 143, 174, 177

 Гамалея П. Я. 26, 138, 139
 Геденштром М. М. 30, 31, 99, 119, 174
 Герман К. Ф. 19, 21, 26, 27, 85
 Геродот 91
 Герцен А. И. 25, 173
 Глинка Ф. Н. 27, 33, 54, 141
 Голенищев-Кутузов Л. И. 33, 39
 Голицын А. Н. 119
 Головин В. М. 26, 29, 36, 58, 64, 151
 Грейс С. 43, 95
 Греч Н. И. 115
 Гумбольдт А. 10, 110, 131, 171
 Гусев В. Е. 179, 180

- Даль 48
 Дежнев С. И. 52, 145
 Демидов Д. А. 36, 42, 43, 46
 Дружинин Н. М. 109, 111, 173, 177
 Елагин А. А. 92
 Елизавета Петровна 114
 Завадовский И. И. 36, 37, 40
 Завалишин Д. И. 3, 7, 9, 24, 30,
 32, 73—81, 107, 108, 118, 125,
 154, 171, 172, 176, 177
 Завалишин Н. И. 38
 Загоскин Л. А. 119
 Зверев С. 100
 Зеленский 62
 Зильберштейн И. С. 174
 Иванчин-Писарев А. М. 9, 89, 90,
 98, 171
 Игнатьев И. Ф. 46, 48
 Кальберг 116
 Каразин В. Н. 117, 119, 120, 178
 Карцов В. Г. 177
 Каховский П. Г. 15, 27, 33, 153
 Кашеваров А. Ф. 69
 Кемц Л. М. 126
 Климовский 57
 Козьмин П. Т. 93
 Константин Павлович 66
 Копылов 126
 Корнилович А. О. 7, 8, 23—27, 32,
 54, 93, 94, 113—115, 119, 171,
 173, 177, 178
 Корсаков С. Н. 31
 Коцебу О. Е. 33, 53, 54, 61, 62, 64
 Крамер В. 61, 62
 Крузенштерн И. Ф. 3, 25, 29, 30,
 34, 35, 52, 54, 63, 64, 70, 74, 83,
 151, 174
 Кук Дж. 38, 42, 52, 54, 59, 62, 74,
 145
 Кумберленд 42
 Куницын А. П. 26, 28
 Кунце 36
 Купфер А. Я. 7, 50, 110, 121, 123—
 126, 129, 130, 134, 159, 163, 164, 178
 Кутыгин 73
 Кюхельбекер В. К. 29, 30, 119, 120,
 178
 Кюхельбекер М. К. 3, 4, 9, 29, 70—73,
 81, 84, 85, 108, 115, 116, 118, 130, 171
 42, 43, 47, 51, 72, 74—78, 174—176
 Лангсдорф Г. И. 63, 75
 Левернер 147
 Ленин В. И. 10, 12, 92, 100, 174,
 177, 180
 Ленц Э. X. 110
 Лермантов Д. 150
 Лесков А. С. 36—38, 40, 44, 45, 47,
 49, 63
 Лессинг 133
 Лисянский Ю. Ф. 74
 Литке Ф. П. 9, 13, 26, 28, 32, 69,
 85, 86, 89, 116, 126, 143, 151, 170
 Ломоносов М. В. 138, 172
 Лорер Н. И. 153
 Лосев А. 100
 Макаров Д. В. 139, 140
 Матюшкин Ф. Ф. 9, 13, 30—32, 92,
 93, 94, 98, 116, 119,
 Медведев Н. Д. 176
 Менделеев Д. И. 99
 Менделеев И. П. 99
 Мертенс 36
 Миддендорф А. Ф. 126—128, 131,
 134, 136, 178
 Миллер Г. Ф. 145
 Миллер П. 150
 Минин К. 19
 Митков М. Ф. 4, 10, 123, 125, 126,
 134—136, 171
 Михайлов П. Н. 38, 40, 43, 45, 47
 Моллер А. В. 33, 43, 50, 51, 58,
 60, 62, 63, 68, 69, 78, 79, 151
 Моллер Андрей 69
 Мордвинов Н. С. 28, 47
 Муравьев А. Н. 13, 26
 Муравьев Н. М. 4, 10, 13, 14, 17,
 21—23, 27, 102, 111, 113, 171, 173
 Муравьев Н. Н. 26
 Муравьев-Амурский Н. Н. 51
 Муравьев-Апостол М. И. 13, 27, 58,
 61, 108, 130, 171
 Муравьев-Апостол С. И. 13, 27, 153
 Мусин-Пушкин Е. 150
 Наполеон I 52, 139
 Нечкина М. В. 173, 174, 177, 179
 Никитин Н. П. 173
 Николай I 28, 66, 67, 91, 153, 175
 Никольский А. А. 38, 142, 143
 Оболенский Е. П. 51, 153
 Озерецковский Н. Я. 137
 Окладников А. П. 5
 Окунов С. В. 174

- Орлов М. Ф. 32
 Парри Э. 59, 69
 Паррот Е. И. 131
 Пахтусов П. К. 90, 91
 Пестель П. И. 4, 13, 16—23, 27
 103, 153, 171
 Петр I 47, 49, 82, 114, 118, 146
 Платон 94
 Плиний 91
 Поджио А. В. 28
 Пожарский Д. М. 19
 Помари 44
 Поярков В. 145
 Прибылов 56
 Прокофьев И. В. 65, 66
 Прядин Я. 40
 Пушкин А. С. 32
 Пушин И. И. 108, 115, 116, 160, 177

 Рейнеке М. Ф. 9, 26, 32, 38, 50,
 90—92, 98, 110, 116, 119, 139,
 143, 144, 158, 170, 177
 Рикорд П. И. 30, 151
 Розен А. Е. 51, 153
 Розмыслов Ф. 87
 Романов В. В. 175
 Романов В. П. 3, 4, 7—9, 29, 50,
 54—68, 81, 94—98, 128, 171, 175
 Росс Дж. 50
 Росс Джон 59
 Рубинштейн Е. С. 178
 Румянцев Н. П. 52, 53
 Руперт В. Я. 126
 Рыкачев М. А. 10, 136, 172,
 Рылеев К. Ф. 3, 8, 9, 32, 54, 64—
 68, 92, 143, 149, 153, 179

 Салтыков-Щедрин М. Е. 12
 Сарычев Г. А. 9, 29, 30, 34, 64, 74,
 82—84, 143, 150, 151, 179
 Свиньин П. 56, 94
 Свиштунов П. Н. 115, 128
 Свиязев И. И. 124, 154, 157—159,
 163, 165, 170, 179, 180
 Северин А. 61, 62
 Сельский И. С. 116
 Семевский В. И. 174
 Семевский М. И. 178
 Серебрянников Р. 70
 Симонов И. М. 36, 37, 40, 42, 43,
 45, 50
 Спафарьев Л. В. 143
 Смеранский М. М. 92, 99, 107
 Стадухин М. 145

 Станюкович М. Н. 69
 Страбон 91
 Струве В. Я. 110, 163, 180

 Тейль 47, 48
 Тимковский Е. Ф. 32
 Тихменев П. 176
 Толль Э. Г. 177
 Толубьев 71
 Торсон К. П. 3, 8, 10, 30, 34, 36—
 52, 68, 69, 75, 81, 107, 108, 110,
 113, 134, 139, 161, 162, 165, 170,
 171, 175
 Траверсе И. И. 37, 38, 41, 82, 83
 Трюгон 36
 Трубецной С. П. 13, 14, 27, 32
 Тургенев Н. И. 15, 26, 173

 Филимонов В. 100
 Франклин В. 133
 Франклин Дж. 59, 62

 Хромченко В. С. 38, 61
 Хрущов С. П. 71—73

 Пезарь Юлий 147
 Пейдлер И. Б. 130

 Чевкин К. В. 121, 124
 Черняковский 116
 Чижов Д. С. 85
 Чижов Н. А. 4, 9, 85—89, 94, 98,
 171, 176, 177

 Патрова Г. П. 111, 177
 Шаховский Ф. П. 115
 Шергин 131
 Шестаков А. Л. 39
 Шешин А. Б. 175
 Шишмарев Г. С. 54
 Шлихтер Б. А. 176
 Шпейер В. 150
 Штейнгель В. И. 7, 9, 27, 29, 30,
 116, 171, 175,
 Штрайх С. Я. 180
 Шуберт Ф. И. 131
 Шуберт Ф. Ф. 32, 141

 Шербакова Е. Я. 180

 Эрман А. 130, 131
 Этелин А. 61

 Якубович А. И. 4, 10, 126—128,
 134, 136, 171
 Якушкин И. Д. 10, 43, 108, 109,
 113, 115, 128—130, 154, 171, 177, 178

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Введение	6
География в программах декабристов	13
Декабристы — участники кругосветных плаваний	34
Исследование морей России	82
Проблемы исследования Сибири	99
Вклад декабристов в изучение климата Сибири.	117
Николай Бестужев — выдающийся естество- испытатель первой половины XIX в.	137
Заключение	171
Примечания	173
Указатель имен	181

Василий Михайлович Пасецкий

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Утверждено к печати

редколлегией серии научно-популярных изданий Академии наук СССР

Редактор издательства Л. И. Приходько
Художественный редактор И. К. Капралова
Технический редактор В. Д. Прилепская
Корректор Б. И. Рывин

Сдано в набор 30/XI 1976 г. Подписано к печати 24/III 1977 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,1.

Тираж 60 000. Т-03376. Тип. зак. 1486. Цена 67 коп.

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21.
2-я тип. издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10.
Отпечатано с матриц 2-й тип. изд-ва «Наука» на ордена Трудового Красного
Знамени фабрике «Детская книга» № 1. Зак. 253.